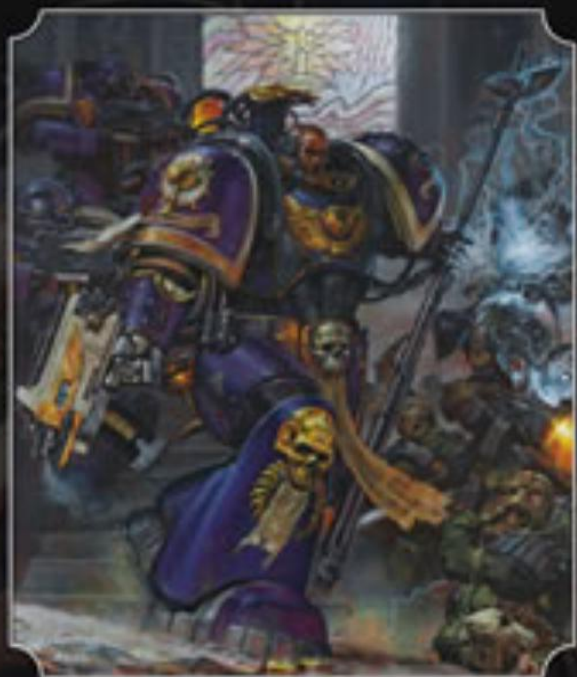

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE

SOUL DRINKER

BEN COUNTER

WARHAMMER
40,000

Annotation

Новый роман Бена Каунтера из цикла «Warhammer 40000» посвящен одному из самых трагических событий в истории Империи — падению Успивающих Души.

Этот Орген Космогесанта унаследовал славные традиции Легиона Имперских Кулаков и кровь припарха Рогала Дорна. А еще он унаследовал личное оружие Дорна — Копье Души. Нечто много веков назад Копье пропало в варпе вместе с флагманским кораблем. Никто уже не чаял когда-либо увидеть бесценную реликвию, но неожиданно Оргену становится известно ее теперешнее местонахождение. Администратум решил привлечь подразделение Успивающих Души к совместной операции по уничтожению зарвавшегося аристократического дома Ван Скорвольдов, которому принадлежала звездная станция по переработке человеческого материала, и коллекция артефактов, среди которых находилось легендарное Копье. Помимо Успивающих

Души в операции принимали участие
Агенту́с Механику́с и Имперская Гвардия.
Задача костогесантников выглядела
просто --- захватить станцию, арестовать
Ван Скорвольдов, забрать принадлежащее
Оргену Копье Души и предоставить
действовать Агминистрату́му и Гвардии.

Штурм прошел гладко, хотя и не без
потерь, но когда библиарий Сарнедон уже
протягивал руку, чтобы взять Копье Души,
в сокровищницу телепортировались
техногвардейцы Агенту́с Механику́с и
похитили реликвию непосредственно из
под носа костогесантников.

Это несусветное оскорбление
положило начало цепи трагических
событий, которые завели благородный
Орген на край гибели и даже дальше...

-
- [Бен Каунтер](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)

- [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
-

Бен Каунтер
Успивающие Души
(Успивающие Души --- 1)

Глава первая

В тишине вакуума на звездный форт стремительно падал воронено-черный спускаемый аппарат, его волнистая металлическая поверхность была усеяна соплами изрыгающих пламя диверсионных двигателей, тормозящих приземление. Челнок шел по траектории, частично совпадавшей с орбитой Лакони, холодно мерцавшей внизу. Боевой крейсер, бывшее пристанище маленького корабля и полудюжины его братьев, сверкал на фоне непроницаемой черноты космоса с другой стороны планеты. Никто в звездном флоте не знал о его появлении, что входило в планы Успивающих Души.

Внутри челнока Сарнедону были слышны только тихие песни сервиторов и нежное жужжание брони. Воины притихли, размышляя о грядущей битве, о многих годах сражений, приведших их на вершину человеческой славы.

Они думали о примархе Рогале Дорне, отце Оргена, — как символическом,

так и вполне буквально, — о его
благородной жизни, примеру которой
десантники поклялись следовать. Они
наслаждались благосклонностью,
ниспосланной Императором, своим
путешествием меж звезд и ролью,
отведенной им в жизненно важном
замысле, столь хрупком, что его не смогли
доверить никому, кроме них. Они снова и
снова размышляли об этом, подготавливая
тела и души к вареву битвы, отменяя
сомнение, ибо солдат, боящийся смерти, не
может быть костодесантником.
Успивающим Души.

Сарпедон переживал то же самое. Но
в этот раз все было иначе. В этот раз
груз истории, уже сотворившей из Оргена
образец чести и достоинства, оказался
слишком велик. На кону не просто битва,
поражение или победа. Скоро, когда
сражение завершится, они займут место в
легендах, о них будут рассказывать
послушникам, их подвиги будут
вспоминать на дружных ночных застольях.

Нежные лица хора, вставленные в
медный каркас, повернулись к потолку

корабля, когда мелодия песни некогда человеческих голосов пошла ввысь. Органы Успивающих Души использовал для всех неподобающих, не требующих особых навыков работ неразумных сервиторов, лишённых отчасти сохранивших что-то человеческое. Хор состоял из синтетических лиц и проекторов голоса, намертво приваренных к обшивке челнока. Согласно традиции песня помогала воинам сосредоточиться перед грядущей битвой.

Они уже приближались. Они были готовы. Сарне-дон кожей чувствовал жажду схватки, изливающуюся из его боевых братьев, их заботу о надлежащем поведении в бою, презрение к трусости, способной проникнуть в душу воина. Эти чувства горели в душах бойцов столь сильно, что, казалось, все вокруг озаряется ими.

Корабль согнулся, войдя в верхние слои атмосферы Лаконии, но тридцать воинов, два тактических отряда и один штурмовой, сидящие в гравитационных креслах, даже не заметили этого, грезя наяву. Их тёмно-пурпурные силовые доспехи

сверкали, а оружие призрачно мерцало.

Его братья. Избранные, железной стеной стоящие между судьбой человечества и его разрушением. Мелодия хора, практически не слышная на фоне шипения тормозных двигателей, изменилась, когда челнок вошел в завершающую фазу полета. Сарнедон взял шлем с ручки кресла и надел его, почувствовав, как герметическая печать плотно захлестнулась вокруг горла. Новые руны, появившиеся на дисплее, спроецированном прямо на сетчатку глаза, подтвердили воздушную непроницаемость массивных доспехов. Каждый костодесантник провел много часов на ударном крейсере, проверяя снаряжение, так как скорее всего им придется драться в почти безвоздушном пространстве, прежде чем точки входа будут зафиксированы. Сарнедон активировал руну на дисплее, и защитная броня ожила, поприветствовав хозяина тихим гудением. Полужабытая технология ее изготовления передавалась от одного старшего библиария Успивающих Души к другому и

теперь защищала и обогревала Сарнегона, ведущего своих братьев-костогесантников навстречу судьбе их Оргена.

Ближе. Еще ближе. Он все чувствовал, не нужны были тревожная телодогия, выводимая хором, и вой сирены предупреждения. В мозгу пронеслись картины того, как громада звездного форта выступает из тьмы, как его размытая тень крадется по коричнево-зеленой поверхности Лаконики. Системы торможения вошли во вторую фазу, а гравитационные кресла прогнулись, сглатывая перегрузки.

— Испивающие Души, — раздался из динамика голос командора Кэона, как всегда четкий и гордый. — Я не буду говорить, для чего вы здесь, чего от вас ждут, или объяснять вам, как вы должны действовать. Я не сомневаюсь в вас. Но если в будущем молодой послушник или изрезанный шрамами ветеран спросит, где вы были, служа Империи, просто расскажите ему про этот день, когда Орген доказал, что не забывает вопросов чести. Просто расскажите, как вы вернули

Конь Души.

Хорошие слова. Кэон затронул души своих подчиненных, сумел использовать власть незыблемых священных традиций, сила которых могла подвигнуть солдат на нечеловеческие усилия.

Свет озарил палубу челнока. Хор сервиторов вплетал свои гармонии в нарастающий шум, и стена звука росла, заставляя сердца воинов парить в ожигании битвы. Из-под обтекателей выползли причальные амортизаторы, их когти, покрытые кератитом, впились в стальное покрытие станции, металлический гул проник сквозь обшивку. Образ звездного форта, который он слишком часто видел на собраниях, посвященных обсуждению миссии, ясно предстал перед глазами Сарнегона. Ныне уродливый и бесформенный, когда-то форт имел форму сферы. Коридоры посадки пронизывали его испятнанную поверхность. Вся операция была расписана по минутам.

К станции уже несколько дней не подлетали грузовые корабли, значит, посторонние при штурме не пострадают.

Защитникам будет некуда податься. Картель Ван Скорвольдов и его прославленная частная армия считали звездный форт неприступной крепостью и верили, что оружейные системы внешней обороны и запутанные коридоры защитят их от любой опасности. Успивающие Души же намеревались превратить станцию в смертельную ловушку.

Сканеры дальнего действия проникали только через первые несколько платформ звездного форта. Продумать стройный план атаки не удалось, так как о внутреннем расположении станции не было известно практически ничего, поэтому миссия казалась простой только в принципе. Ворваться внутрь, подавить возможное сопротивление и найти цели. Где они находятся и какого рода оборону может противопоставить Успивающим Души форт, предстояло выяснить на месте непосредственно командирам штурмовых групп, в том числе и Сарнедону.

Всего целей было три. Первые две вели к главной, абсолютной, и успех этой

миссии впишет иля каждого
костодесантника, сражавшегося на орбите
Лаконии, в летописи Оргена.

Сарнедон еще раз проверил болтер и
крепко стиснул энергетический посох,
рукоятка которого была сделана из
рүнного дерева и реагировала на изменения
в нервной системе хозяина, отзываясь
теплом на его прикосновения. Другие
костодесантники в последний раз перед
боем проверяли вооружение и амуницию —
шлемы, подвижные сочленения доспехов,
болтеры. Плазмаган отряда Гивриллиана
был заряжен под завязку, его
энергетические кольца ярко сверкали.
Штурмовое подразделение Теллоса стояло
с ценными мечами на изготовку. Сарнедон
как наяву видел лицо сержанта, скрытое
щитком шлема, искажавшим голос,
спокойное и безмятежное, с легкой тенью
улыбки, игравшей на губах. Все
Успивающие Души рождены для битвы, но
Теллос мог расправиться с любыми
количеством противников, стоявших на
расстоянии клинка его меча, постывших
поднять руку на избранника Императора.

Он был создан для великого. Так говорили в
Верховном командовании Оргена. Сарнедон
был с ними согласен.

Хор неожиданно затолк, и в разуме
костодесантников осталось только
предвкушение битвы. Заревели в унисон
стыковочные заряды, атака началась.

Шлюз челнока распахнулся, и воздух
со свистом, больше похожим на крик,
устрелился наружу. Плоть на лицах хора
сервиторов вздулась пузырями и треснула
от внезапного холода. Вокруг стояла
тишина, если не считать еле слышного
гула портативного генератора в ранце
Сарнедона да практически слышимых
мыслей, проносящихся в сознании его
боевых братьев, подобно приливу. Шла
привычная рутинная ориентации/понимания
местности --- процедура,
имплантированная солдатам в мозг во
время психодоктринации.

Вид --- клубы дыма, вырывающиеся из
пробитых дверей, кристаллы льда и
металла, повисшие в воздухе. Звук
отсутствует, безвоздушное пространство.
Движение отсутствует.

Костогесантники расстегнули
удерживающие их ремни безопасности,
готовые ринуться в проломленную брешь.
Штурм возглавил Теллос, ценные мечи
его воинов жаждали погрузиться в тела
солдат первой линии обороны. Сарнедон
командовал тактическим подразделением,
но пятал следующим за штурмовиками,
готовым дать волю ярости, кипевшей в его
разуме.

Библиарий лишь слегка кивнул, и
Теллос рванулся в брешь.

--- Вперед! Вперед! За мной! --- Его
молодой голос разорвал тишину, словно
выстрел. Затем в наушниках некоторое
время слышалось только дыхание
сержанта.

Каждый костогесантник с
нетерпением ждал первого контакта с
врагом.

Тактические отряды выдвинулись
вперед.

--- Чисто! --- крикнул Теллос.

Они нырнули в задымленную дыру, их
светящиеся от энергии доспехи исчезли в
темноте. Первыми шли Гивриллан и

брат Такс с плазмаганом на плече. Заняв место, последовал Сарнедон с болтером в руке и энергетическим посохом, покоящимся под ранцем. Нырнув в пролом, он краем глаза увидел поверхность Лаконии, сверкающее серебро мира, пойманное провалом между посадочным отсеком челнока и звездным фортотом. Корабль подошел к станции наискось, шлюзовой рукав прилегал к металлу неплотно, и воздух из челнока и окружающего пространства улетучивался в окружающую пустоту.

Другой штурмовой корабль в подобном случае должен был бы срочно отойти, загерметизировать люки и беспомощно дрейфовать, ожидая вторую волну атакующих, которая подобрала бы его. Но Успивающих Души подобные телочи не заботили — непроницаемая поверхность силовых доспехов позволяла не обращать особого внимания на опасности вакуума. К тому же второй атакующей волны не будет.

Дыл рассеялся, и Сарнедон впервые увидел внутренние помещения звездного

форма. Для его сверхчеловеческого роста грязный, потрескавшийся потолок оказался низковат — они вторглись в заброшенную секцию, которых, похоже, на станции было предостаточно. Трубы, покрывающие стены, блестели от масла и густого жирного налета. Точка входа пришлась на пересечение двух коридоров, один выход был завален грудой ржавеющих механизмов, но три прохода зияли незащищенностью. Два змеяли уходили в неизвестность, а третий упирался в массивную дверь переборки. Там уже стояла штурмовая группа Теллоса, готовая взорвать ее телта-бомбами.

На полу лежали два трупа. Это были скорее всего техники, не защищенные от вакуума. Одного отшвырнуло на опору взрывом декомпрессии, и он лопнул, как перезревший плод, — капли крови усеивали все вокруг, подобно драгоценностям из алого льда. Другой жалко растянулся на полу коридора, рот застыл в крике, глаза уставились на разлом, красные от лопнувших капилляров. Опытный взгляд Сарнегона уловил отблеск значка

эмблемы, висящего на заляпанном смазкой
рабочем комбинезоне, рана на сетчатке
замерцала, когда он приказал увеличить
изображение.

Стилизованные человеческие фигуры,
близнецы, стоящие по обе стороны золотой
планеты.

Герб Ван Скорвольгов.

Тактическое подразделение
десантников веером рассыпалось вокруг
Сарнегона --- болтеры наготове,
улучшенные органы чувств сканируют
местность вокруг.

--- Взорвать переборку, сэр? ---
зазвучал в наушниках голос Теллоса.

--- Не сейчас. Летная команда,
держите печать неподвижно. Я не хочу,
чтобы из-за декомпрессии наша цель
вылетела в космос.

--- Принято, --- донесся металлический
голос серво-пилота из кабины челнока.

Вибрация пронеслась по тускло
отсвечивающей стальной решетке пола,
когда зажаты стыковочной печатью
прижались к краю разлома.

Сарнегон сократил горловые мышцы,

чтобы увеличить частоту бусины вокса.

--- Это Сарнедон. Группы Теллоса, Гивриллиана и Дрео заняли позиции. Контакта нет.

--- Сарнедон, принято. Подтвердите расположение и продвигайтесь к цели. ---
Голос командора Кэона донесся с задержкой, сигнал шел через тысячи тонн стали звездного форта. Вместе с Кэоном, Сарнедоном и их отрядами еще шесть посаженных орбитально-штурмовых челноков вторглись на обращенную к костосу сторону звездного форта, высадив элитные подразделения Успивающих Души. Еще три были на подлете с экипажами апотекариев и техногесантников, вместе со взводом сервов-рабочих, обеспечивающих деятельность техники, готовых поддержать своих боевых братьев и укрепить плацдармы высадки.

Три отряда Успивающих Души. Сила, способная встретиться лицом к лицу с любой опасностью, которую Галактика может наслать на человечество. Избранные Императора. Но цель, призывно

перцавшая в глубине звездного форта, была их достойна.

Сарнедон вытащил голографическую пластину из футляра на поясе и включил ее. Зеленое схематическое изображение коридоров, непосредственно окружающих место их высадки, засветилось над прибором. По граням пробежали колонки цифр. Звездный форт построили на очень древней оборонительной орбитальной платформе, и ее план всегда выдавался в случае, если какой-нибудь штурмовой челнок вторгнется на старые уровни сооружения.

--- Подразделение дельта -- тридцать девять! --- скомандовал Сарнедон. --- Избавьтесь от груза и следуйте по своему маршруту.

--- Принято. Закрепляется.

Пальцы Сарнедона, достаточно ловкие даже в перчатках из пурпурного кератита, дотронулись до рун, идущих по краю голографической пластины, и система коридоров разделилась на различные цветовые блоки, в зависимости от пути, выводящего их с занятой позиции.

Перекрестие мерцало на точке, светившейся красным, указывающей на пересечение трех групп. Их непосредственной целью, если не принимать во внимание оборону противника, была первичная шахта воздуховода, сверкавшая зернистым зеленым зигзагом на краю дисплея. Она позволит костогесантникам получить доступ к кислородным насосам и перерабатывающим турбинам, а потом через жилые помещения среднего уровня выйти к бронированной оболочке, окружающей основную цель номер два. На дисплее сетчатки замерцала рун послания. Стыковочная печать встала на место.

--- Разделиться! --- приказал Сарнедон группе, указав сержантам на голоплату.

--- Теллос, переборка! Дрео, налево! Гивриллиан, направо, вместе со мной! Хладнокровно и быстро, Успивающие Души!

Отряды исчезли во тьме, оставив двух костогесантников от каждой группы удерживать зону входа и прикрывать

прибывающих специалистов, приписанных к окружению Сарнегона. Раздался сильный удар детонировавших мелтабомб и рев воздуха, ворвавшегося в отсек после обрушения переборки.

Сарнегон повел отделение Гивриллиана по боковому коридору в грузовой туннель, широкий и прямоугольный, с идущими по центру массивными рельсами для картов и рабочих транспортировщиков. Так проскользнул внутрь.

--- Ничего.

--- Неудивительно, --- откликнулся Сарнегон. --- Они нас не ожидали.

Никто никогда не ожидал. Таковы были Испивающие Души. Хладнокровные и быстрые.

В разреженном воздухе слышался отдаленный гул выстрелов из болтера.

--- Контакт! --- раздался голос Дрео.

Сарнегон на секунду задумался.

--- Враг внизу, --- отпортовал сержант. --- Полдюжины, патруль безопасности. Автоматы и тяжелые пулеметы, униформа.

— Принято, сержант Дрео. Следуйте к точке встречи.

— Мутанты, сэр.

Кожа Сарнегона пошла мурашками от одного слова, и на него хлынул мощный поток общего презрения его боевых братьев. Доказательство нелегальных генетических опытов само по себе ужасало, но ходили разные слухи, что картель Ван Скорвольдов отбирает самых лучших особей из груза пленников, используя их в качестве материала для создания своей собственной армии. Теперь это можно было утверждать с уверенностью.

— Перекиньте огнеметы в тыл и поджарьте их. Отряды, будьте бдительны. У мутантов скорее всего улучшенные органы восприятия. Некоторые из этих тварей могут видеть так же хорошо, как вы. А дальше их будет еще больше.

Нагшие, опасные люди, но трусливые в сердце своем. На подобных противников их сил хватит с лихвой. Но сначала хозяев мутантов надо найти.

«Полноценный контакт, грузовой

центр номер семь!» — затерцала иконка
вызова Люко. Его отряд входил в
штурмовую группу с другого челнока,
высадившуюся недалеко от Сарнегона.
Парню не терпелось вонзить свои когти
толщи в плоть еретиков, и вполне
справедливо, что он первый столкнулся с
основными силами врага.

— Сарнегон на связи! Запрашивает
поддержку?

— Приветствую, библиарий! Добро
пожаловать на огонек! Охота сегодня
как никогда! — В голосе Люко всегда
слышалась устешка, особенно когда
противник остеливался показать свое
нечестивое лицо.

Гивриллан повел их в боковой
туннель, проходящий наискось через
непроверенные секторы гельта —
тридцать восемь и тридцать семь.
Вспышка на голоплате показала
информацию, пришедшую с датчиков
биосканеров Люко, — красные
треугольники, неизвестные сигналы,
скользящие на границе тридцать пятого
сектора.

--- Дюжины, сэр, --- положил
Гивриллиан.

--- Вижу, сержант. Предложения?

--- Теллос достигнет точки
контакта первым, так что их основные
силы уже будут вовлечены в битву. Мы
воспользуемся огнемётами и войдём прямо
посередине. Главное --- не дать им там
закрепиться.

--- Молодец. Исполняй.

Они все слышали призыв Теллоса к
своим братьям убивать за Императора и
Дорна, а затем знакомый звук входящих в
плоть цепных мечей. Огонь из болтеров,
открытый отрядом Люко, вплет ещё один
привычный штрих в звуковую картину,
которую каждый десантник слышал уже
миллион раз. Гивриллиан бросился через
открытый люк в грузовой центр,
занимавший сектор гелъта --- тридцать
пять, и тут же выпустил очередь по
противнику. Такс был на шаг позади него,
и из дула его оружия вырвался заряд
жидкой плазмы, в полутьме затерцали
силовые кольца.

Сарнедон взвел затвор болтера и в

первый раз воочию увидел врага. Когда-то грузовой центр был весь перепоясан рельсами, располагавшимися на потолке, по которым на крючьях перевозили ящики через огромное пространство помещения, лавируя между герметичными люками и пневмоподъемниками. Вся система некогда покоилась на лесе подпорок, но сейчас практически все они обрушились или стояли накренившись от старости и плохого обслуживания. Именно эти обломки мутанты использовали в качестве прикрытия.

В мгновение ока Сарнедон заметил около сотни нечестивых урогов — с когтями вместо рук, с лицами, черты которых были или сторщены, или изменены, или просто стерты, с противоестественно вывернутыми позвоночниками, с чешуей, перьями и кожей, блестящими от слизи. У них были автоматы, какие-то разрядники и неуклюжие гробовики, у некоторых — имплантированные резак и пилы, а иные просто лучились неудержимой, дикой силой. Тела мутантов облепляли

похоть, в которых ступно угадывались
остатки темной-зеленой формы с гербом
Ван Скорвольдов.

Их там было не меньше тысячи,
толпа жаждущих крови тварей
притаилась за самодельными укрытиями.

Предводители — огни с ужасающими
мутациями, другие с хитиновыми
когтями или повышенной мышечной
массой — носили коммуникаторы или грубо
вырезанные под кожу горла передатчики.
Противник не страдал от отсутствия
организации, и недооценивать его не
следовало.

Люди Теллоса взобрались на первые
баррикады и орудовали там ценными
мечами — срезали конечности, отрубали
головы. Сам сержант сражался с чем-то
огромным и уродливым. Мутант телом
отражал атаки десантника лезвием,
оторванным от мусоросборника, пользуясь
им как мечом. Может, это был и не
лидер, но существо определенно подавало
пример толпе чудовищ, окружающих его.
Теллос всегда выискивал такую цель,
устранение которой наносило

максимальный урон врагу, используя все свое умение. Если ему удастся победить зверя, подумал Сарнедон, то он точно замолвит за него слово перед командованием.

Самому же командиру понадобилось меньше секунды, чтобы оценить ситуацию и выработать план действий. У противника было явное численное преимущество, и Успивающим Души придется нейтрализовать его до того, как мутанты организуют нормальную линию обороны. Поэтому десантникам не оставалось ничего иного, кроме как безжалостно атаковать слабые позиции врага до тех пор, пока тот не сломается.

Сарнедон выпустил пару зарядов в толпу мутантов и рабочих, укрывшихся позади оплывших ящиков с грузами от пронизывающего огня Люко. Отдача болтера была привычно тяжелой и приятной, а в гуще противников расцвели два красных цветка — поток автоматного огня понесся к нему, несколько пуль отскочили от доспехов. Пришлось укрыться.

Первая кровь. Сарнедон мысленно сделал заметку и окунулся в пламя битвы, с радостью исполняя задание в полном согласии с уставом Ордена.

--- Гивриллиан, расчисти пространство перед собой и отвлеки их. Берегись бокового огня Люко. Я пойду следом.

--- Есть, сэр.

Сарнедон явственно видел улыбку на лице сержанта. Тот знал, что сейчас будет.

Командир рванулся вперед, к колонне, за которой укрылся и позволил себе сосредоточиться. Противник был морально слаб — число мутантов могло перевалить за тысячу, но они по-прежнему оставались плохо соображающими дегенератами. Даже те, кто не запятнан генетическими изменениями, все равно слаб духом, сражаясь среди нечистых. Повышенный слух Сарнедона уловил среди звуков непрерывного огня скрежет цепного меча, врезавшегося в кость. Теллос все-таки достал своего противника. Смерть зверя ослабит врага, подорвет его дух, а

Сарнедон только довершит начатое.

Отряд Гивриллиана растекался вокруг него, и было слышно, как плазмаган изрыгнул волну сжигающей жидкости прямо на фланг врага, от которого остались только обгоревшие шкуры да тающие тела.

Чего они боялись? Скорее всего власти, силы, наказания. Вполне достаточно. Сарнедон переложил болтер в другую руку и вынул из кожаных ножен энергетический посох из рунного дерева. Его наконечник с эмблемой орла сверкал так же, как и чудотворная сердцевина, переполненная психической энергией. Библиарий сосредоточился, сотворил подходящие случаю образы, собрал их за насних воздвигнутой ментальной гамбой, чтобы эффект был еще более разрушительным, затем снял шлем, пристегнул его к поясу и полной грудью вдохнул жирный, кислый, переработанный воздух.

Он вышел на поле боя. Отряд Гивриллиана разметал первый ряд мутантов, и теперь они прижались к

земле, скользкой от нечестивой крови, а
ответный огонь сплошным потоком лился
наг их головой. Шайки урогов отступили
и, неслышно скользя через развалины,
начали заходить с флангов, пытаясь
окружить десантников. Теллос тем
временем поставил зверя на колени. У
того был отрублен один рог, а огромное
лезвие иссечено быстрыми, как молнии,
атаками цепного меча сержанта.

Сарнедон прошел сквозь гущу битвы,
не обращая внимания на разрывы и лучи
лазеров, брызжущие в тесном полутрапе
грузового дока.

Он раскинул руки, почувствовал, как
вокруг его тела, закованного в броню,
зажглись и волной потекли кольца
защитного контура. Библиарий довел
образы в голове до обжигающей
пронзительности, а затем отпустил.

И начался Аг.

Но крайней мере двести сильных
мутантов залегли недалеко, активно
перестреливаясь с десанниками
Гивриллиана. Огонь прекратился, когда
они удивленно уставились на высокие,

закутанные в плащи фигуры, возникшие
прямо из пола, с мечами справедливости и
большими светящимися серпами
наперевес, готовые покарать виновных.
Некоторые ударились в бегство, увидев
руки, тянущиеся к ним из теней,
жаждущие раздавить грешников.

Создания с крыльями летучих мышей
обрушились на мутантов сверху, и те
побежали, крича во все горло, зная, что
сама судьба пришла наказать их за грехи.
Они услышали громоводобный, глубокий,
сочный стех, раздавшийся под потолком,
глубящийся над их напрасными
попытками спастись. Огонь прекратился,
когда мутанты в панике принялись
отступать сквозь собственные ряды, сея
разрушение среди себе подобных и проиграв
несколько решающих, фатальных секунд.

Сарнедон взобрался на баррикаду с
ближайшим из десантников Гивриллиана
и обрушился на укрепление противников.
Большинство из них все еще тупо
таращились на привидения, кипящие в
клубах тьмы. Взмах посоха прошел сквозь
ближайших двух на высоте плеча ---

Сарнегон почувствовал, как их слабые жизненные силы истекают из тел, когда посох легко миновал плоть со вспышкой высвобождающейся психической энергии. Её взрыв сбил с ног еще троих, и они с тяжёлым стуком упали на пол, выронив оружие.

Аг. Оружие утонченное, но разрушительное, опустошающее разум врагов, пока десантники расправлялись с их телами. В неожиданных, стремительных атаках, которыми славились Успивающие Души, оно выигрывало секунды, необходимые для победы. Оружие работало на ближних расстояниях, в гуще битвы, где десантники всегда были рады служить своему Императору.

Трое из подчиненных Гивриллиана, после многих лет тренировок и боевых операций давно привыкшие к колдовству Сарнегона, навели дула болтеров на временную баррикаду мутантов и убили несколько упавших врагов, пробив в их телах дыры размером с кулак. Несколько других воинов пригнулись, решив

расправиться с группой тварей, в
стоянии оставивших свои позиции из-за
неожиданного прорыва их оборонительной
линии. Прогрели выстрелы, упали тела.

Что-то щупальце в агонии колотило
по полу. Нечто с костяными крыльями за
спиной перекувырнулось через голову, когда
ему в грудь попала ракета и разнесла ее на
части.

Сарнегон вышел из-за укреплений и
разрубил на две половины еще одного
солдата-рабочего, когда тот пытался
уползти. Из-за плеча командира появился
Гивриллиан, его болтер изрыгал разряды в
спины убегающих врагов. Наступающие
десантники окружили и преследовали
мутантов, встретившихся в гальний
конец дока. Доспехи Теллоса стали
скользкими от черно-красной запекшейся
крови.

На плечо Гивриллиана опустилась
чья-то рука — это был Люко. За секунды
два отряда объединились в единую огневую
линию, и цепи обжигающе-белых разрядов
прикрывали штурмовиков, пока они
завершали свою жестокую работу.

Некоторые мутанты сумели убежать, но большинство погибли под клинками Теллоса и его отряда или были разорваны в клочья болтерами Люко и Гивриллиана. Крики тварей наполнили грузовой док эхом смерти.

Враг был разбит полностью, а привидения Ага все еще шествовали между паникующими мутантами, пока десантники убивали их сотнями.

Успивающие Души всегда побеждали так. Ломали врага, выбивали из него саму возможность сражаться. Остальное было делом дисциплины и праведного гнева.

Гивриллиан пожал руку Люко в воинском приветствии.

--- Жаркая битва, --- сказал Люко. --- Надеюсь, все твои воины в крови врагов.

Гивриллиан снял шлем и огляделся:

--- Каждый, Люко. Хороший день.

Сержант почесал щеку, представлявшую собой один сплошной рубец, --- при штурме Одерика он попал под артобстрел и ему снесло половину челюсти.

--- Хороший день. --- Он посмотрел на

десантников Теллоса, прокладывающих себе путь сквозь горы искалеченных трупов. Бойня была беспрецедентная. Но теперь, разумеется, весь звездный форт знал, что они здесь.

— Сержанты, ваши люди блестяще проделали свою работу, — сказал Сарнедон. — Но мы не должны давать противнику передышки. Как нам пройти отсюда ко второй цели?

— Грузовые туннели, ведущие к порту, выглядят неплохо сохранившимися, — ответил Люко, взмахнув латной перчаткой. — Войска врага скорее всего решат сосредоточить свои силы там. Если мы решим пройти по правому борту, то избежим контакта и дадим им меньше времени для обороны цели.

Сарнедон кивнул и сверился с голопанелью, посмотрев самый короткий путь к бронированной сфере. По мере того как другие подразделения Успивающих Души продвигались вглубь звездного форта, их ручные сканеры собирали информацию об окружающей обстановке, передавая ее друг другу, так что каждый

командир получал все более точное представление о внутреннем плане помещений. На дисплее голопанели теперь отражалась достаточно подробная схема орбитальной станции, а несколько маршрутов сквозь путаницу коридоров и туннелей были помечены красным, как потенциальные пути атаки второй цели.

Информации об объекте катастрофически не хватало. Скорее всего он находился в панцире, бронированной сфере, подвешенной в центре станции, на расстоянии двух километров от нынешнего места положения космодесантников. Звездный форт когда-то был орбитальной оборонительной платформой, и панцирь защищал ее командный центр, вмещающий двух человек. Возможно, Ван Скорвольды использовали его в качестве убежища на случай опасности.

Основная цель номер один оказалась на попечении войск под командованием самого командора Кэона, за вторую отвечал Сарнедон. Это позволяло ему принимать решения, считаясь с

расходованием психической энергии, что было необходимо в условиях сражения на территории звездного форта. Сарнедон не думал о провале, слишком многое поставлено на карту, чтобы позволять сомнениям завладеть разумом. К тому же командор Кэон оказал доверие библиарию, хотя вполне мог поручить исполнение задания капитану или капеллану.

Как только оба объекта будут захвачены, информация, полученная от них, позволит совершить финальный бросок к абсолютной цели, главной.

Если бы Сарнедон взял главный приз... Он сражался за Орген, за великий план Императора Человечества, не за себя. Но не стоило кривить душой. В сердце библиария теплилась надежда, что он первым увидит цель атаки, снимет свои перчатки, возьмет ее в руки, как когда-то это сделал примарх Дорн.

Копье Души. На секунду оно стало для Сарнедона всем.

--- Отряд Дрео пойдет сзади, со стороны шахты воздуховода, --- начал он, отмечая красными линиями траектории

движения на голограмме. --- Они --- наши
арьергард. Теллос --- первым по туннелям
правого борта и сквозь хабитаты. --- На
проекции показался ряд на скорую руку
сделанных ячеек, возможно кварталы
рабочих низшей ступени или цеха. --- Вот
тут находится туннель магнит-но-
левитационного поезда для развозки
персонала.

--- Мы сможем пройти по нему, если
взорвем систему управления, --- заметил
Гивриллиан.

--- Правильно. Здесь есть терминал. У
нас пока нет данных об этой территории,
так что там мы встретимся с другими
группами и выработает дальнейший план
действий. Вопросы?

--- Эти еще будут? --- спросил Теллос,
ткнув пальцем в сторону дымящейся,
истекающей кровью туши, оставшейся от
мутанта.

--- Ну, если нам повезет, --- ответил
Сарнедон. --- Давайте, вперед!

Группа сопровождения --- апотекарии,
технодесантники и дюжина сервов-рабочих
--- уже была на подходе к плацдарму.

Сарнедон приказал космогесантникам, прикрывавшим зону высадки, присоединиться к отряду Дрео в условленной точке и следовать вместе с ним.

Главной отряд Успивающих Души покинул грузовой док, оставив за собой тысячу трупов мутантов. На полу уже скопилось целое озеро крови. С начала атаки прошло около восьми минут.

Ни командование Оргена Успивающих Души, ни сами космогесантники атакующей группы ничего не знали о Ван Скорвольдах, за исключением разведданных о степени и составе возможного сопротивления. Все, кроме этого, не составляло для них никакого интереса. Подразделения Гвардии располагали еще меньшим количеством сведений о своем противнике, они знали только, что являются частью поспешно собранной ударной группы, готовой к атаке на костическую станцию. Но были и те, кто пристально наблюдал за картелем Ван Скорвольдов и постепенно из разрозненных сведений, обрывков информации, точно

заданных вопросов вычленил истину.

Диего Ван Скорвольд скоростно скончался от болезни за двенадцать лет до атаки Успивающих Души на звездный форт. Его прапрапрадед купил защитную орбитальную платформу по дешевке у вечно страдающих нехваткой финансирования Сил Планетарной Обороны Лакони и потратил большую часть семейных сбережений на превращение ее в жилую территорию торговой базы в районе Гериона. Последующие поколения постоянно дотраивали звездный форт по мере того, как бизнес Ван Скорвольдов становился все более и более специфическим. Со временем в доках и на складах станции остался только один вид груза.

ЛЮДИ. Несмотря на все технологические достижения Агентств Механикус и инженерное превосходство боевых флотов, Империя работала исключительно на человеческом потере и страданиях. Ван Скорвольды всегда знали это, и звездный форт стал идеальным местом для наживы на столь выгодном

товаре. Дикие мясорубки крестовых походов на галактический Восток приносили огромное количество безлецов, дезертиров и захваченных мятежников. Из адских ульев Стратикса, полуночных миров Диетоса и дюжины других жутких скопищ страдания и гнева лился нескончаемый поток пленников --- еретиков, убийц, раскольников, приговоренных к смерти законами Империи.

Несчастных преступников везли на тюремных звездолетах в порт Ван Скорвольдов. Казематы оставались в доках, а человеческий груз переправляли на стальные темно-красные суда, предназначенные для производства сервиторов для механиков, где материалу промывали мозги и превращали в живые машины. Гильдия Департамента Мониторинга вечно нуждалась в свежем мясе для карательных легионов, которые гибли сотнями в различных боевых зонах. Огромные линкоры Имперского Флота всегда были не прочь взять на борт новых рабочих для

обслуживания вооружения и двигателей, чтобы заменить прежнюю команду, срок жизни которой уже подходил к концу.

И каждая пара скованных ног, с трудом шаркающих в корабле механиков, приносила семейству Ван Скорвольдов доход. Бизнес давал баснословные прибыли --- в вечной изменчивой Галактике человеческий труд до сих пор остался одним из немногих товаров, всегда бывших в цене.

А потом старый Диего Ван Скорвольд умер, завещав звездный флот своим двум наследникам.

Но правда говоря, странные слухи ходили и о старике Диего, и об одном или двух его предшественниках, но все они повисали в воздухе. Новое потомство семьи оказалось иным. Байки превратились в теории, а теории --- в доносы, указывающие на очень серьезные преступления. Люди начали обращать на них внимание, и в конце концов это дело дошло до ушей Администратума.

Вокруг системы Лакони постоянно сновали пиратские флоты и частные суда.

Соргопля людьми в звездежном фортѣ
проводилась на строгих условиях: всех
плеников должны были продавать только
на имперские корабли. Империя не могла
спокойно смотреть на то, как столько
ценный товар уплывает из-под носа в
частные руки.

Дальше — больше. Поговаривали о
торговле мутантами, о личной армии
Ван Скорвольдов, о рабочих, набранных из
лучших опытных образцов. Ходили даже
слухи о корабле ксеносов, попавшем под
огонь патруля сектора, трюмы которого
были забиты свеженприобретенными
рабам-людьми. Кто-то рассказывал о
коллекции редких, незаконных
артефактов, которую сепейство хранило
в недрах звездежного форта. Пустячки,
которы-ми ксеносы заплатили за людей со
сломленной волей? Вполне возможно. У
этой возможности оказалось вполне
достаточно для превентивных мер.

Вопросы, имеющие отношение к
звездежному форту, попали под юрисдикцию
Администрации, и там пришли в
серьезное волнение. Ван Скорвольды были

баснословно богаты, но упорно циркулирующие вокруг них слухи предоставляли достаточно доказательств для вынесения решения. Обвинения в коррупции и должностном преступлении указывали на то, что торговля пленниками находится в руках нарушителей законов Империи, а потому Администратум решил установить контроль и над фортотом, и над бизнесом картеля.

Новое поколение Ван Скорвольдов проявило неожиданное упорство. Несколько ультиматумов остались без ответа. Администратум решил прибегнуть к крайним мерам, но чистка силами арбитров или, Терра унаси, Инквизиции нанесла бы излишний ущерб важной и чрезвычайно выгодной торговле. Со станции тек постоянный поток сервиторов и рабочих, и рисковать этим было нельзя. Вопрос требовал деликатного решения.

Последующие десятилетия и века имперской истории забудут большинство из этих фактов, рассказывая о глинном и

извилистом пути Успивающих Души. Но начало ужасной цепи событий было положено там, в пыльных серых коридорах Администратума и алчных сердцах молодого поколения Ван Скорвольгов. Домашний историк мог бы предположить, что, если бы картель не нарушал торговых законов или Администратум уладил вопрос путем переговоров и санкций, Орген Успивающих Души так и остался бы примером мужества, чести и благородства. Но судьба, как это часто происходит, решила все иначе.

--- Они повсюду... гранаты... повсюду...

--- Они на стенах, они на всех стенах...

Броня, пушки... монстры, все...

Сообщения из звездного форта Ван Скорвольгов приходили на имперский линейный крейсер «Упорный» сотнями, их количество и срочность только возрастали. Тактические команды, суетящиеся вокруг комм-консолей связи, вели параллельно десятки битв и перестрелок, по мере того как маленькая, но абсолютно безжалостная армия прокладывала себе путь сквозь полчища

мүтантов картеля Ван Скорвольда.

Из динамиков неслись звуки паники и
стятения, стерти, ранений и шока. Крики,
всхлипы, приказы, выкрикиваемые снова и
снова, хотя некому уже было их исполнять.
Хлүр слышал, как они в панике
отступают, как заряды болтеров
вбиваются в плоть, а лезвия цепных мечей
с визгом рассекают кости.

Эти звуки означали, что Цокантос
Таллиан Кревик Хлүр вот-вот станет
богатым. Дело заключалось, разумеется,
не в этом -- надо было сохранить
экономическую базу сектора и вырвать с
корнем всю грязь, угрожавшую власти
Ципериума. Но богатство -- такой
неплохой довесок.

Да и большинство из них всего лишь
мүтанты. Старший консул
Администратума Хлүр видел только
малую часть резни, происходящей в
звездном форте, которую транслировали
на экран, занимающий большую часть
капитанского мостика «Упорного».
Встроенные увеличительные панели
появлялись по углам, когда когитаторы

видели что-то интересное: завихрения
вырывающегося в вакуум воздуха или
ребристые, приземистые посадочные
челноки, украшенные гербом Ордена
Успивающих Души — золотым потиром.

Костогесантники. Хлур никогда их
не видел. Он десятки лет служил
Империи, не покидая коридоров
Административа, занятый нудной
бюлажной работой. Взрослые люди
говорили о них, как дети говорят о героях:
они разрывают человека голыми руками,
видят во тьме, выживают после заряда
бластера, попавшего в грудь, носят
доспехи, от которых отскакивают пули.
Они ростом три метра. Они никогда не
проигрывают. И тем не менее старший
консул Хлур, получив задание захватить и
очистить звездный форт Ван
Скорвольдов, сумел заставить этих
суперменов проделать всю работу за него.
В его распоряжении находилось три
линкора и один корабль Агентус
Механикус, и если все пойдет по плану, то
их участие не понадобится до финального
этапа зачистки.

Экраны на секунду потемнели, когда на мостик поднялся архимагос Agentus Механикус Хоботов в сопровождении охраны из сервиторов-защитников. Еще один сервитор, покрытый позолоченной броней, летел впереди, разматывая перед архимагосом ковер цвета морской волны. Три или четыре треклятых сенсор-техномата гудели в воздухе, трепеща крохотными крылышками колибри, волоча за собой провода, словно долгоножки. Хлур ненавидел их, эти пухлые детские тела, безжизненные лица херувимов. Наверное, Хоботов специально настраивал своих механических слуг так, чтобы они внушали неуверенность каждому, встречающемуся на его пути.

Хлур достаточно долго проработал в Администратуме, этом огромном и запутанном учреждении, из всех сил старавшемся управиться с непредставимо огромным Империем, и знал цену политики. Agentus Механикус хотел урвать кусок от картеля Ван Скорвольдов после зачистки и поэтому послали к флоту линкоров архимагоса Хоботова и

эго корабль, 674-XU8.

Хлур нормально отнесся к перспективе участия Хоботова в операции. Это могло уменьшить трения между механикусами и Администра́том, но сейчас он от всей души желал, чтобы архимагос исчез. Механикусы были необходимы для функционирования Империи, конструируя и поддерживая в рабочем состоянии все сложные машины, позволявшие человечеству путешествовать меж звезд и защищать рубежи своих владений, но они производили такое жуткое и странное впечатление, что в их присутствии у Хлура нередко схватывало живот. 674-XU8 практически всегда безмолвствовал, и первые предупреждающие сигналы о том, что архимагос Хоботов желает нанести визит, шли уже тогда, когда тот всходил на капитанский мостик.

Консул поднялся со своего кресла, титмоходом одернув черную атласную шинель. Шествуя по палубе центра управления, как обычно забитой толпами

младших офицеров и механиков, он ответил на приветствие флаг-капитана Векка. От Хоботова шла аура тайны, архимагос был закутан в темно-зеленую ткань. Из-под края одежды торчали ребристые силовые кабели, и маленькие сервиторы, порхая вокруг хозяина, держали их в серебряных челюстях. Не давая зацепиться за заклепки или консоли, в изобилии раскиданные по палубе капитанского мостика «Упорного». В результате провода парили в воздухе, словно глинные искусственные змеи, что также крайне раздражало Хлұра.

Хотя он считал, что судьбу всегда надо благодарить и не сетовать по пустякам. В конце концов, Агентүс Механикүс — не самый худший вариант. Пұритане Экклезиархии или несгибаемые ищайки Агентүс Арбитрес были бы более нагледливыми и гораздо более бесполезными.

Хлұр, как обычно, сделал то, к чему приучил его Администратүт за долгие годы службы, — улыбнулся и задвинул свои чувства подальше. Так лучше гля

политики.

--- Архимагос Хоботов, --- сказал он, излучая поддельное радушие. --- Надеюсь, вы уже слышали хорошие новости.

Один из техномагов пролетел мимо, неся в руках переплетенный в кожу том, и Хлур с трудом подавил в себе желание приклоннуть его, как муху.

--- Слышал, --- ответил Хоботов, его искаженный голос проскрежетал из под темно-зеленого капюшона. --- Меня заботит тот факт, что ни ваша команда, ни моя не заметили их приближения.

--- У них, как и у любого Оргена, великолепные пилоты. К тому же, насколько мне известно, это фирменный почерк Испивающих Души --- быстрый, решительный абордаж, если можно так сказать. Держу пари, Ван Скорвольды тоже их не заметили.

--- Хм, я полагаю, это значит, что ваша разведка точно определила местоположение артефакта.

--- Скоро увидим. Будем надеяться, что к тому времени, как они закончат свою миссию, нашим охранникам

останется только оккупировать зону. Так
сказать, обезопасить все к нашему
прибытию. -- Хлур неожиданно понял, что
до сих пор глупо и явно фальшиво
улыбается, и от всей души пожелал себе
завершения этой нелегкой беседы.

-- Мои техногвардейцы желали бы
принять участие в процедуре высадки,
консул. -- Даже если Хоботов и
возмущился поведением своего собеседника,
то виду не подал. -- Войска достаточно
компактны и хорошо вооружены. Но
следует признать, любая атака влечет за
собой неминуемые потери и расход
материала, который мог бы быть
потрачен с большей пользой.

-- Да. Хорошо. -- Хлур неожиданно
захотелось увидеть лицо архимагоса --
улыбается он сейчас или же сердится?
Только потом он вспомнил, что Агентус
Механикус известны своими бионическими
усовершенствованиями и изменениями
структуры тела. Возможно, под этими
капюшоном вообще нет ничего даже
отдаленного похожего на человеческую
голову. -- Я буду держать вас в курсе

происходящего.

--- В этом нет нужды. Мои сенсоры и технооракүлы гораздо лучше ваших.

--- Разумеется. Замечательно.

Архимагос Хоботов плавно развернулся и в окружении свиты безжизненных существ неспешно поплыл по направлению к шлюзу, где находился его челнок. Ржавокрасный корабль Agentys Механикус 674-XU8 по документам значился как вооруженный разведчик, но на самом деле был гораздо больше и куда как опаснее. В трюме располагалась целая армия техногвардейцев, хотя по размерам он мог вместить гораздо более солидный груз.

Если бы до этого дошло, то именно они вместе с подразделениями Имперской Гвардии сейчас штурмовали бы форт Ван Скорвольгов. На крейсере «Гигранэ Ко» также был расквартирован неуконплектованный полк со Стратикса 37, банда отребья, готовая за деньги прирезать собственную мать и присоединившаяся к экспедиции, так как здесь условия были в любом случае лучше.

чем аг их собственной планеты. На крейсере «Византийский дьякон» летели Костоломы с Диомеда-14 и приписанные к операции из-за административной ошибки ударная группа и осадные машины бронетанковой бригады Ористии IV. На самом «Упорном» летели Дикие Всадники с равнин Мориши, погруженные в черную меланхолию из-за разлуки со своими лошадьми, зитовавшими на расстоянии нескольких систем отсюда.

Три крейсера не самого лучшего качества, но недавно побывавшие в ремонте и с хорошо вытупитрованной командой. Конечно, не стоило их сравнивать с огромными флотами, побороздившими космос во время крестового похода или нашествия, но это было все, что смог достать Хлур за короткое время, отведенное для подготовки миссии. Уто ему пришлось нажать на все педали и потянуть за все ниточки, которые он приобрел за время долгой службы в Администратуме. Он должен был захватить звездный форт и его процветающий бизнес сам, пока какая-

нибудь имперская шишка не прознала про
это дело. И если все получится, то он
будет обеспечен до конца своей жизни, сидя
на бывшей станции Ван Скорвольдов,
довольный и счастливый. В конце концов,
разве Хлур не заслужил награду за многие
десятилетия перекладывания бумажек и
бегания по кабинетам во славу
Императора?

Но, похоже, Гвардии и
техногвардейцев будет более чем
достаточно для завершения самой большой
аферы в его жизни. Информация о
местонахождении Копья Души попала
именно туда, куда он хотел, в уши Оргена
Успивающих Души. Судя по перемещениям
маленького флота Астартес,
расположившегося на дальней стороне
Лаконии, и числу посадочных челноков, на
станцию высадилось около трех сотен
костодесантников.

Три сотни. Меньшие силы покоряли
звездные системы. Естественно,
официально их присутствие здесь было
полнейшей неожиданностью, и Хлур не мог
им приказывать. Агентус Астартес

славилась своей независимостью. Но Успивающие Души всегда очень серьезно относились к вопросам чести, их реакцию на информацию о Конье Души можно было предсказать, не особо затрудняясь. Хлур знал, что они даже не обратят внимания на его флот, огнем и мечом пройдясь по звездному флоту в поисках древней реликвии. Когда же десантники найдут ее, то исчезнут столь же быстро, как и появились, оставив после себя станцию, набитую трупами, перезрелый плод, готовый пасть в руки Гвардии консула.

Мечты казались такими прекрасными и близкими, но даже сейчас Хлур не смог победить отворачивания, когда техноматы архимагоса Хоботова проплыли мимо. Скоро, когда звездный флот будет захвачен именем Администратума, все кончится, а сам консул будет обеспечен до конца дней. И ему не придется вновь разговаривать с этим тривидением.

Узер спрятался, как только началась стрельба. Сначала под удар попала выбраковочная команда коммуникаторов --

скрипящие, искаженные крики и глухие удары пульт, пронизывающих плоть. В воздухе висели стян timer и злоба, но Узер и его наставка не имели к ним отношения. Появилось что-то новое, что-то ужасное. Говорили о гигантах. Гигантах, закованных в броню, с оружием и мечами. Они возникли на солнечной стороне форта, неожиданно оказались повсюду, и не было им числа.

Узер наблюдал за происходящим в щелочку между упаковочными ящиками, стоявшими в углу терминала магнитно-левитационного поезда. Он хотел украсть еды с неуклюже двигающихся тележек обеспечения, которые, жуужжа, отправлялись по рельсам в сердце форта, но выбраковочная команда была тут как тут, и его загнали в угол. Узер уже приготовился к тому, что его схватят. В патрули набирали свирепых мутантов, пораженных полустабильной примесью нечистой крови, из-за чего их мускулы росли совершенно бесконтрольно. Они шумно топали по палубе терминала, дробовики и копьеметатели зажаты в

массивных лапах. Узер не особо протестовал — не самый худший способ умереть, стараясь дать своей наставке шанс выжить, пытаясь продолжить служение Императору. А что ему еще оставалось?

Затем пошли сообщения. Пронесся слух, что убили Миртора. Это было просто невозможно, Ван Скорвольды специально назначили его главой охраны, так как все знали о его почти сверхъестественной неуязвимости. Огромный рогатый монстр, в два раза выше любого человека, и тем не менее бронированные гиганты разорвали его на куски. Они появились из тьмы, и духи повсюду шли за ними.

Невозможно. Но Узер прошел долгий путь от темного ворюшки до священника, несущего веру своей наставке беглых рабов. Это тоже было невозможно, но он смог преодолеть все преграды, хвала Архитектору Судеб, истово веря, что однажды в глубинах звездного форта произойдет чудо, а он станет его свидетелем, дожив с благословения Императора до этих счастливых дней.

Монстры стали занимать огневые точки по мере того, как из динамиков раздавались сообщения о стремительном приближении атакующих, и совершенно неожиданно стрельба и разрывы стали реальными, эхом раздаваясь в грузовых трюмах и шахтах переработки, змеящихся вдали, расстилаяющихся во все стороны от главного терминала.

Погоспело подкрепление — серия Данвайо, существа с незначительными мутациями, тем не менее вполне достаточными, чтобы сделать их внешний вид уродливым и отталкивающим, а также группа нормалов, неизменных людей из obsługi главного дока, в темно-зеленой униформе партии Ван Скорвольдов. Узер слышал их искаженные передатчиками голоса. Защитники использовали все, что было под рукой, спешно организовывая оборону, так как атакующие направлялись в их сторону. Несчастные попали меж двух огней, судя по докладом, гиганты не щадили никого, но и отступить мутанты не могли, так как проклятая тварь

Веритас Ван Скорвольг заживо сняла бы с них шкуру за трусость.

Защитники все еще спорили о том, как им действовать, когда взрыв разметал в клочья боковую стену магнитно-левитационной платформы.

Узер угрожал и упал на спину, в ушах его стоял гичайший вой, а перед глазами расстилалось белое пятно, закрывшее весь обзор. Когда зрение восстановилось, он увидел, что вся платформа залита кровью там, где серия Данвайо попала под взрывную волну, куски их тел лежали везде. Вперемешку с пластобетонными обломками.

А потом Узер увидел их. В пурпурных доспехах, украшенных черепами, с тяжелыми короткими болтерами или подвывающими цепными мечами глиной чуть ли не с самого Узера. Сначала ему показалось, что это какая-то причуда обожения, но нет, эти люди действительно были настолько высокими — они вздымались над всем, как самые огромные мутанты, а их доспехи прыгали и без того колоссальным

фигурам совершенно чудовищные размеры. Атакующих было около дюжины, они быстро приближались к воздвигнутым на скорую руку заграждениям. Кто-то пытался в них стрелять, но пули отскакивали от доспехов. В ответ атакующие открыли огонь и прошили насквозь пластобетон вместе с укрывшейся за баррикадами плотью, разорвав на куски с полдюжины нормалов.

Узер видел их прежде, в своих вещих снах, когда к нему явился Архитектор и ответил на мольбу. Это были его избранные, воины справедливости, чья непрерывающаяся битва искупит грехи человечества и заложит основание для исполнения его великого плана. Возможно ли это? Он всегда считал их более легендой, чем-то, что придет столетия спустя после его смерти. Что же происходило сейчас? Неужели Архитектор Судеб действительно послал сюда своих воинов спасти наставу Узера?

Тиганты все вливались в пролом, когда первая волна стяла защитников форта, мутанты и нормалы разлетались

на куски от гранат и ценных мечей. Воины прыгали через баррикады в пасты, полную лезвий и рабочих топоров. Среди вновь прибывших выделялся один --- без шлема, наголо обритый, с несколькими изможденным, но вдохновенным лицом. Вокруг его головы играла иссиня-белая корона, сияние которой перекликалось с ослепительным блеском наконечника огромного посоха и сверкающими отсветами позолоченного символа чаши, хорошо видного на плечевой пластине доспехов. В воздух взлетели искры, когда он спрыгнул на пол и рванулся со своими братьями в битву.

Цер съезжился и увидел, как все больше и больше мутантов прибывает из магнитно-левитационных туннелей. Голос самой Веритас Ван Скорвольд впивался сейчас в уши защитников, носящих коммуникаторы, требуя, чтобы они дорого продали свои жизни, обороняя звездный форт. Священник видел, как охотничьи банды, выслеживавшие сбежавших рабов по всему форту с помощью своих стебельчатых глаз и

сверхчувствительных антенн, вбежали в зал и тут же попали под ураганный огонь болтеров атакующих, разлетевшись во все стороны сотней кровавых ошметков. Он увидел, как бритый наголо воин поднял свой посох и выпустил на волю силу, собравшуюся в темные ступенчатые формы, которые пали на орды мутантов и обратили их в бегство.

Узер никогда не был свидетелем такой бойни. Многие из его наставников, пойманные выбраковщиками, были зарезаны или расстреляны во сне, многие из них утерли на глазах своего священника, но теперь за все те жестокости мутанты заплатили ценой жизни, нав от руки праведных воинов Архитектора Судеб. То был приговор справедливости, такой, каким его представлял себе Узер, быстрый и беспощадный. Крики умирающих и страдания крови вторгались в его убежище, а когда он постыдился выглянуть наружу, то увидел горы трупов мутантов, сваленных вокруг магнитно-левитационной платформы. Воины, даже не остановившись, чтобы

отпраздновать победу, быстро вошли в туннели, бритый наголо выкрикивал приказы. Узер расслышал их — они должны были не ослаблять натиск, не дать защитникам собраться и встретить их в третий раз, а найти объект и соединиться с остальными братьями.

А потом они ушли, оставив за собой мертвых.

Предположения оправдали себя. Магнитно-левитационная линия вела глубоко внутрь форта, мимо пещеристых генераториумов и паразитных спонтанных поселений, прямо к входу в защитную оболочку. Оборонительные точки мутантов истребляли разбитый на прямоуглы туннель, но энергетические ружья, установленные на носу, вскрывали защитные укрытия, а гранаты разносили на куски плотные группы тварей. У некоторых из них были коммуникаторы, о продвижении костодесантников сообщал скрежещущий женский голос, выкрикивающий приказы в наушниках.

Успивающие Души продолжали

двигание к сердцу звездного форта, оставляя пикеты для охраны маршрута, а за головным отрядом продвигались сервы Оргена. Армия мутантов была разбита и рассеяна, поэтому Успивающие Души тиновали практически нетронутый командный сектор старой орбитальной платформы защиты и достигли оболочки.

С начала атаки прошло тридцать девять минут.

Сарнегон проверил по компьютеру, как дела у Кэона. Большая часть Успивающих Души двигалась широким фронтом, так как основная цель номер один, по сообщениям, находилась в роскошных личных покоях Ван Скорвольдов — четыре этажа блестящего декаданса, хорошо укрепленные и требующие одновременной атаки с разных сторон.

Замечательно. Кэон сделает свою работу, он опытный и надежный военачальник. Для самого Сарнегона это была первая настоящая кампания в ранге командира, но с такими помощниками он мог спокойно сконцентрироваться на своей части миссии — на основной цели номер

два.

Сарнедон наблюдал за группой рабочих, сильных сервов. Они тапали позади и несли мелтапилу с угольным наконечником. На содержании Оргена находилось несколько тысяч работников, которые выполняли рутинные обязанности, слишком низкие для сатих костогесантников. После фиксирования герметичных печатей и быстрого марша по следу, выжженному Успивающими Души, их тела, обнаженные до пояса, блестели от пота.

Сервы прошли в окружение гесантников — пятьдесят лучших воинов Империи создали железный кордон вокруг открытой секции оболочки. Остальную часть команды, примерно сто человек, Сарнедон послал патрулировать ближайшие районы, справедливо опасаясь неожиданного нападения со стороны охотничьих отрядов мутантов, которые, согласно данным биосканеров, рыскали неподалеку.

Были и потери, однако число сопротивлявшихся делало их неизбежными.

Но каждая рана костогесантника — это само по себе событие. Коро и Сильвикк уже никогда не увидят следующего рассвета, а Гивлор выжил, хотя ему в горло попал заряд из копьеметателя. Было еще несколько ран, переломов и открытых разрывов, но Успивающие Души могли не обращать внимания на такие мелочи до завершения операции. Она прошла четко и быстро. Сам магистр Оргена Горголеон гордился бы ими.

Сарнегон наблюдал, как команда сервов готовилась проглотить отверстие в оболочке. Стена была покрыта грубыми приваренными к металлу информационными консолями, графиками, картами — остатками бизнеса Ван Скорвольдов. Несомненно, Администратум сможет извлечь немало полезного из разбросанных вокруг цифровых хранилищ информации, но библиария они не интересовали. Как только Успивающие Души доберутся до главной цели, то покинут эту территорию, позволив боевому Имперскому Флоту занять ее и распоряжаться здесь, как ему угодно.

В командный модуль, расположенный внутри оболочки и рассчитанный только на одного человека, вел единственный вход. Он был запечатан, и Сарнедон знал, что для вскрытия кодовых замков понадобится немало времени. Вот поэтому потребовались сервы.

Один из сервов, с искусственными зубцами вместо рук, входящими в сочленения телтапилы, поднял массивный резак, позволив тонкой испепеляющей линии зарыться в стальную поверхность оболочки. Вскоре по стене неторопливо сползла красная слеза расплавленного металла.

Рабочий постарался ускорить процесс и надавил на аппарат, пытаясь побыстрее протащить режущий луч через последние несколько сантиметров, и в воздух взвился черный дым там, где бионика соприкасалась с плотью плеча. Апотекарии и слуги-санитары часто использовали кибернетическую хирургию для повышения рабочих характеристик сервов, но искусственные протезы не всегда были хорошего качества. Однако сейчас их

оказалось вполне достаточно, так как большая секция оболочки все-таки с громким лязгом выпала наружу.

Сарнедон прошел вперед, увеличив потряскивающую ауру силы вокруг своей головы. Простой трюк, но на существ со слабой волей он действовал безотказно. Несколько десантников Гивриллиана последовали за ним.

Внутри было чисто и опрятно. Комната маленькая, рассчитанная всего на одного или двух человек, но отсюда убрали все командные мысленно-импульсные аппараты и когитаторы, превратив ее в роскошную спальню. Тут стояли кровать с пологом, туалетный столик с большим зеркалом и голопроектором, лежали ворсистые ковры. Древний фарфор украшал полки, на стенах висели несколько картин и изящно декорированный меч, который, похоже, никогда не вытаскивали из ножен. Поэтому, это помещение предназначалось для спасения знати, привыкшей к комфорту.

Аристократ лежал, съевшись, на

кровати, стараясь спрятаться под простынями. Он был одет в костюм из голубого бархата с золотой тесьмой. Парик упал и валялся на полу рядом с кроватью. Объект оказался на удивление толстым, со слабым подбородком и водянистыми глазами. Прилизанные белые волосы были припорошены пудрой. От человека исходил легкий запах мочи — улучшенное обоняние Сарнегона позволяло превосходно ощущать его.

Основная цель номер два — Каллисфен Ван Скорвольд.

Библиарий передавал мысли, а не принимал — редчайший талант, хотя от него было мало пользы при препарировании разума человека во время допросов. Но один вид хозяина звездного форта ясно говорил, что тут никаких изощренных теленатических уловок не понадобится.

— Каллисфен Ван Скорвольд, — начал десантник, — несомненно, твои преступления против Империи серьезные и многочисленны. С ними мы разберемся позже. Но сейчас меня интересует лишь одно: где Конье Души?

В глубине звездного форта, среди
гобеленов и канделябров роскошных
частных покоев картеля Ван Скорвольдов,
силы командора Кэона сомкнулись на
основной целью номер один. Атака была
практически идеальной; они вторглись в
заданный сектор сквозь тщательно
построенные оборонительные рубежи сразу
с нескольких сторон, изолируя группы
защитников друг от друга и уничтожая их
массированным шквальным огнем или
зарядами из плазматана перед тем, как
продвинуться дальше.

Жестко, быстро, беспощадно.
Дениятос, воин-философ из легенд Оргена,
написал бы о такой атаке, когда
анализировал систему тактики
Успивающих Души тысячи лет назад.

Болтеры прожигали путь сквозь
оставшихся охранников. Те были
профессионалами, выбирали точки для
огня осторожно, старались отступить
организованно. Но их высокая военная
подготовка не имела никакого значения.
Они просто удостоются чести умереть
как мужчины в огне атаки Кэона.

Командор широкими шагами
прошествовал мимо тактического
подразделения Финриана сквозь огромные
зияющие дыры, прожженные телтаганцами
в перегородках между гостиной, залом для
аудиенций и спальнями. Его ноги стинали
стекло разбитых канделябров и разбитую
в щепы бесценную мебель, которую
защитники использовали для укрытия.

В воздухе вокруг кольцати завивался
дым, а языки пламени лизали деревянные
панели. Роскошь покоев превратилась в
руины, заваленные телатами и усеянные
пулевыми отверстиями. Успивающие
Души явились в дыму от разрядов, когда
эхо болтерных выстрелов столкло, поводя
стволатами орудий по залитому кровью
коридору в поисках выживших.

— Чисто, — раздался в наушниках
голос Финриана, а на сетчатке командора
согласно сверкнули двадцать иконок
сержантов.

Кэон, которому уже исполнилось
триста лет, старый, седой, пнул телата
погибших охранников с презрением,
приличествующим герою-

костогесантнику. Он сражался в самых страшных схватках Ордена Испивающих Души за последние двести лет, в коллекции его трофеев были орки, кракены, некроны и с дюжины других видов. Он пристально взглядывался сквозь дымящийся, оставленный болтерами, в поисках основной цели номер один.

Пара оглушенных рабов-слуг бродила вокруг, костогесантники не обращали на них внимания. Худощавая пожилая женщина тихо плакала, спотыкаясь на руинах, похоже не замечая гигантов, занявших территорию. Толстый ребенок бегал туда-сюда, как будто стараясь найти выход наружу. Еще несколько собрались по углам, практически в кататоническом состоянии. Они едва обращали внимание на Кэона.

Место было пустынное. Сообщений о цели не поступало, а время уже уходило. Командор хотел найти главный объект и убраться из звездного форта до того, как придется иметь дело со слугами Административа, считавшими станцию своей территорией. Он не желал тратить

лишнее время, заставляя своих десантников бегать вокруг, как детей.

Неожиданно Кэон почувствовал острую боль в ноге там, где наголенники переходили в коленный доспех. Он подумал, что это, должно быть, старая рана, которым он давно потерял счет, но, посмотрев вниз, увидел толстенькую, хлопавшую глазами девочку со следами явного вырождения на лице, убирающую руку, в которой блестело что-то глиняное.

Как она к нему подобралась? Ребенок! Языческая рабыня! Конечно, при нем об этом вспоминать не будут, но ведь каждый десантник узнает...

Он сбил ее резким ударом наотмашь, она тяжело приземлилась на пол, но тут же резко подпрыгнула, уродливое личико исказилось от ненависти.

— Мразь! Любители хрюгов! Гроксово отродье! Это мое дело! Мое! Как вы смеете уничтожать мое дело!

Боль в ноге Кэона не проходила. По всему телу стал распространяться жар, проникающий глубоко в мускулы.

Один из десантников Финриана, брат

Кнелл --- череп и пурпур доспехов
зачернены оспинами разрывов, --- схватил
девочку за руку, так что она закачалась,
пронзительно визжа. В ее руке было
зажато тяжелое наборное золотое кольцо,
из которого выступал тонкий серебряный
кинжал.

--- Пальцевое оружие, мой повелитель.
Скорее всего ксеносов.

Изольник. У ребенка был
пальцеизольник. Какого черта она...

--- Мясники! Твари желчные! Трахаты
книбов любите, наверное! Кровопийцы!
Посмотрите, что вы наделали!

Боль обернулась холодом, и Кэон
почувствовал, как у него закружилась
голова. Он выжил после страшных боевых
ран, но уже понял, что в этот раз не
сможет вернуться назад.

Прямо на глазах подразделения
финриана массивный командор
пошатнулся, как огромное срубленное
дерево, и рухнул на пол.

--- Нинкеры! Разбойничье дерьмо! Мой
дом! Моя жизнь! --- вопила основная цель
номер один, Веритас Ван Скорвольд.

Глава вторая

Огромный перевернутый конус плотных цепей суперпроводников свисал острием вниз с потолка комнаты, словно гигантский сталактит. Хотя зал занимал внушительное пространство корабля *Agentus Механикус*, он почему-то производил впечатление низкого и тесного из-за присутствия этой древней машины.

Архимагос Хоботов потянул за ремешок, прежде чем начать церемонию. Когда обращаешься к столь священным механизмам, надо сделать паузу, в полной тишине насладиться их красотой и сложностью. Его бионические глаза, устроенные на манер фасеток насекомых, отражали множество маленьких картинок, собирая из них одну большую, невероятно прекрасную в своей сложности и логичности. Только подумать, руки самых обыкновенных людей создали эту машину! Такие чудеса всегда вдохновляли магистров, техножрецов, обслуживающих

подобные механизмы, на подвиги познания. Понадобятся многие тысячи лет тщательной и опасной работы, но время и трудности не принимались во внимание. Отнюдь, поэтому не брались в расчет и его преданными слугами.

Когда-нибудь великий шедевр знания, шедевр творца наконец-то получит завершение. И на этот раз его не оскорбят грубым обращением, как это делали древние, а поручкой тому послужат компетентность и секретность Агентств Механикус, где уже не осталось места непостоянству мелочных эмоций. Это была мечта, хрупкая мечта, ведь с каждым обрывком знаний, ускользающим в вечную тьму, человечество все дальше отступало от образа Галактики, созданного Отнюдь, где ее великие и ужасные силы контролируются человеком с помощью машин.

Да, впереди еще куча дел. И всегда так мало времени, а архимагос так занят...

Хронометры достигли назначенной сотой доли секунды, и сто девяносто

восемь церемониальных сервиторов
неожиданно очнулись от сна, их
морщинистая мертвая кожа отливала
янтарем в теплом сиянии машины.
Искусственные суставы Хоботов
зажужжали, когда он поплыл к провалу в
полу палубы, где была снята часть
листовой обшивки, обнажившая сплетение
зубцов и шестеренок. Архимагос встал на
колени -- он ничего не почувствовал, так
как давно избавился от нервных Окончаний
в главных частях своей искусственной
анатомии, -- и вынул из-за пазухи
маленький горшочек с машинным маслом,
освященным шесть раз. Пальцем из
матово-серого сплава Хоботов нанес
символический слой смазки на зубцы
верхней шестеренки. Рты сервиторов
открылись, и из глоток раздалась
скрежещущие, пощелкивающие звуки --
хвалу Отниссии пели в унисон, на языке,
который, как говорили, более всего
улаживал слух Бога-Машины.

Архимагос выпрямился и плавно
перелетел к консоли управляющего узла,
подключенной к полу. Он нарисовал на

поверхности, покрытой пятнами яр-мел-
дянки, знак Марса и нажал большую
плоскую панель в центре. Та зажглась, и
отпечатанные пленки молитв
застрекотали в двух одинаковых прорезях,
подтверждая, что работа даже этой
малой части машины проникнута
священной серьезностью.

Заскрежетали шестеренки, приятно
и предсказуемо завибрировали большие
силовые изолированные кабели, идущие по
краям комнаты в основание конического
излучателя. Машине нужно было столько
энергии, что канал качал плазму прямо из
двигателя костического корабля
механикусов. Как только стыковочная
система разогреется, должен
активироваться сам аппарат.

Сервиторы составили линию, потом
треугольник, затем квадрат идеальной
формы, строго придерживаясь программы.
Машина дышала древностью, но
воспроизвести ее на нынешнем уровне
технологий Агентус Механикус не могли,
поэтому приходилось просить о
благоклонности Омниссию, прежде чем

пользоваться ею. Геометрические фигуры и числа, полные смысла, радовали бога, ибо он превозносил логическую структуру вещей превыше всего, и в том была внутренняя правда, что, прежде чем использовать священные устройства, надо добиться его расположения.

Сервитор с обнаженными механическими секциями приблизился из дальнего, погруженного во тьму угла зала. Он вошел в священный квадрат и передал Хоботову контрольный скипетр — жезл из твердого углерода, покрытый изящной спиральной вязью машинных кодов, вершина которого была увенчана сферой совершенной формы, где вращались две одинаковые шестерни с отверстиями посередине, символ механиков и их работы. Глубоко внутри цилиндра покоился тончайший силиконовый провод, в который были вплетены нити до сих пор неизвестного элемента, столь же древнего, как и сама машина, ключ, необходимый для активации священного механизма. Как он работал, оставалось для техножрецов тайной, но, несомненно,

это, да и все остальные секреты станут ясны Оргену, как только Омниссия сочтет их труд удовлетворительным.

Хоботов прикоснулся скипетром к руне активации на поверхности конуса машины, и воздух наполнил тихий шум голосов, сплетающийся в изысканные хоровые мелодии. Сервиторы немедленно сформировали шестиугольник, потом восьмиугольник, пока машина заряжалась. Слабое серебряное и золотое мерцание проскальзывало по сетям сверхпроводников, а кольца глубоко внутри конуса начали монотонно гудеть. Именно они, согласно поверьям, генерировали защитное поле против варна.

Хоботов жестом отдал приказ, и тремя пальцами ниже руки сервитора открыли плазменные печати, посылая буйные струи активной энергии по трубам. Эта технология была новой и гораздо менее утонченной, чем сама машина, путь плазмы сопровождался воет сирен тревоги и грохотом. Капли обжигающей жидкости просачивались сквозь перегруженные сочленения труб и с

шипением падали на палубу. Но силовые сцепления держались и доставляли свой ценный груз в сердце машины.

Звук стали песней — прекрасной гармонией сияющей энергии. Машина ожила.

Хоботов повернулся и направился к реактивному лифту, который шел прямо на палубу сбора команды. Пришла пора созвать вооруженных слуг Бога-Машины и подготовить их к выполнению его цели.

Телепорт готов к работе. К концу этого дня шедевр Омниссии станет на один шаг ближе к откровению.

Апотекарии говорили, что Кэон утирает. Глядя на него, Сарнедон потирал своей воли признал, что они правы. ОНИ сделали все, что могли, но изольник был заражен коктейлем из вирусов и нейротоксинов. Мощнее здоровье ветерана справилось с большинством из них, но несколько ксеновирусов добрались до нервной системы, и шансы командора равнялись нулю. Имплантная система Кэона сопротивлялась столь яростно, что стала отторгать имплантаты, вживленные в

тело костогесантника. Скоро они откажут, и сердце великого воина остановится.

Командор лежал в боковой часовне, в стороне от личных апартаментов Ван Скорвольдов. Это место нечасто посещали, так как семья, владевшая звездным фортотом, не отличалась излишней набожностью, поэтому его сочли относительно незапятнанным для смертного ложа Кэона. Сарнедон взял подразделение Гивриллуана и Теллоса и бурею прошел через весь форт, как только в эфире раздалась весть о ране командора. Другие отряды из его группы держали оборону вокруг оболочки, охраняя сломленного Каллисфена Ван Скорвольда. В остальном захват станции прошел успешно, хотя несчастье с Кэоном повлекло за собой задержку в наступлении. Впрочем, без лидера в лице Веритас Ван Скорвольда партия мутантов разбежалась, и отдельные группы теперь пытались выбраться из района, контролируемого костогесанниками.

Самые смелые из них пытались

напасть. Самые смелые из них утирали.

Внутри крохотной, скудно обставленной часовни лежал командор, с него уже сняли громоздкие доспехи и с почтением сложили их в углу. Руки, израненные о зубцы крепости Квиксиан Обскүра, неподвижно лежали по обе стороны тела, пүрпүрно-черные от яда вены вздулись. Ладони, сломавшие шею князя-корсара Аркүдроса, от боли превратились в крючья шишковатой плоти. Черты лица заострились от напряжения.

Черный панцирь, имплантированный под кожу, стал серовато-синим, а по краям — красным.

С начала атаки Успивающих Души на звездный форт прошел один час тридцать семь минут.

— Что прикажете, командор? — Сарнедон знал, что время для чувств и скорби придет позже. Сейчас требовались только быстрота и хладнокровие. Больше ничего.

— Библиарий Сарнедон, я не могу выполнить свой долг перед Золотым

Сроном. — Голос Кэона, некогда рокочущий от полноты власти, стал слабым и нагломяленным. — Я не могу сражаться. Я утираю и вверяю себя суду Дорна и Императора. Ты достанешь Конье Души.

Конье Души. Но правде говоря, Сарнедон тешил себя фантазиями об обстоятельствах, — в которых именно он найдет священное оружие. Но не так он все себе представлял. Кэон был слишком значительным человеком, чтобы его терять.

— Я исполню ваше желание и мой долг перед Оргеном, командор.

— Я знаю, что могу на тебя положиться, Сарнедон. Не так надо выяснять, подходишь ли ты для командования, но думаю, ты хорошо послужишь Императору. — Уголки рта Кэона слиплись от пузырящейся крови. — Могу я попросить тебя вверить мою душу древним?

Сарнедон засомневался. Перед ним лежал великий воин, страдающий невыносимой агонии, и надо было сделать все, чтобы он умер с честью. Но...

--- Ваша... ваша смерть была не
смертью воина, командор.

--- Хм, да, это правда. --- На лице
ветерана набежала тень, когда он
вспомнил смертельно ранившее его дитя. ---
Вероломная убийца. Отвлекся всего на
секунду. Всегда будь бдительным,
Сарнедон. Если не можешь помолиться за
меня, то хотя бы крепко заучи этот урок.
Уродливая девочка-рабыня может
оказаться чем-то большим. Невинное
может оказаться смертельным. Не
попадись, как я, иначе это будет стоить
тебе жизни, а молитвы твоих братьев не
проводят тебя в Зал Правосудия Дорна.

Печальная судьба. Кэон сражался на
стороне Императора в легионе Розала
Дорна, когда разразилась финальная битва
бесконечной войны, --- никто не сомневался
в этом. Но он не войдет в ряды павших с
триумфальными фанфарами, хотя
должен, он умер не от руки смертельного
врага, а из-за мимолетной потери
концентрации. Веритас Ван Скорвольд не
тот противник, который может убить
костодесантника, не говоря уж об

Успивающем Души и тем более о ком-то
уровня Кэона, поэтому именно собственная
ошибка сразила его, а не изольник
Веритас. Командор и перед лицом
небытия оставался верен заветам Оргена,
не спорил, но спокойно принимал
оскорбление, нанесенное ему такой
смертью.

Апотекарий Паллас вошел в боковую
часовню. За ним сервы тащили банки с
мазью, которая должна была облегчить
путешествие Кэона в иной мир. Сарнедон
покинул помещение и вошел в
разгромленные личные покои Ван
Скорвольдов, приспособленные
Успивающими Души под штаб-квартиру.
Неожиданно он понял, что теперь это его
штаб-квартира.

Веритас Ван Скорвольд было сорок
семь лет, с самого детства она страдала
от редкой и коварной мутации, которая
задержала ее рост и придала ей внешность
на редкость отвратительной
восьмилетней девочки. Она была столь же
жестока, насколько ее брат — слаб,
ставила эффективность и выгоду выше

морали и законов Императора и провернула множество противозаконных сделок, которые дали семейству Ван Скорвольдов баснословное богатство, одновременно сделав их конфликт с Административным неизбежным. Теперь Веритас пожинала плоды своих грехов, наказание ее, несомненно, будет очень суровым. Пока же она страдала от неудобств, запертая в крохотном карцере. Ее грозные проклятия несли в себе столько яда и были так изобретательны, что приходилось ежечасно стеньять охранников, дабы не подвергать их моральному осквернению.

Снаружи часовни в ожидании затерли сержант Теллос и брат Михайрас, которых Сарпедон попросил разделить с ним Обряд Возлияния. Теллос удостоился такой части за убийство огромного мутанта на первых этапах наступления. Михайрас, послушник, до своего возведения в ранг костогесантника долгое время был слугой Кэона и потому не только чтил авторитет и честь командора, но и был с ним духовно связан. Он храбро сражался во время штурма покоев Ван Скорвольдов, но

менно его ментальная связь с
утирающим привела Сарнедона к решению
вызвать юношу сюда.

Не проронив ни слова, все трое
пошли в картографическую комнату, где
большая звездная карта сияла на
стеклянной поверхности стола. Другие,
нарисованные от руки, висели на стенах
или рулонами лежали на полках.
Очередная коллекция Каллисфена Ван
Скорвольда.

Сарнедон поставил на стол золотой
потир, до того висевший у него на поясе.
Сосуд был стар, и, несмотря на должный
уход библиария за всем своим
снаряжением, тусклость уже проникла в
глубокую резьбу. Сарнедону дали священный
кубок, когда он наконец перестал быть
учеником-послушником и стал
библиарием, более семидесяти лет назад,
так давно, что он иногда даже сомневался,
а он ли был тем человеком, или, может,
какой-то другой? Ему казалось, он всегда
был Успивающим Души, его жизнь ---
циклом битв и почестей, а дух вечное
полнился свирепой страстью искоренить

врага и нерушимым кодексом военного достоинства.

Михайрас отцепил от пояса контейнер, вроде тех, которые апотекарии использовали для перевозки и хранения образцов неизвестных организмов, с которыми сражались Испивающие Души. Сейчас в нем лежал кусок спинного мозга огромного мутанта, которого убил Теллос. Сержанту не пристало таскать его, ибо он уже взял один трофей — огромный рог, срезанный со лба чудовища.

Кровавая, сочащаяся масса перекочевала в потир, и Сарнедон обхватил чашу массивной керамитовой перчаткой.

— Знай врага своего, — нараспев произнес Теллос.

Только эти слова были дозволены на древней и священной церемонии, но одновременно короткой и простой, дабы сохранить ясность разума.

Теперь, как командору, именно Сарнедону пришлось изучать душу поверженного врага. Он запрокинул голову

и влил полужидкую массу себе в рот. Сглотив, Библиарий поставил потир на стол и принялся выполнять необходимые ментальные операции, начав обряд.

Внутри него жило око духа, видящее то, чего физические чувства видеть не могли. Он представлял, как оно открывается, впитывал всей душой свет после столь долгого периода абсолютной темноты, стараясь не ослепнуть от сияния знания. В желудке началось теплое покалывание, процесс пошел.

Он чувствовал на своем теле словно тонкий слой несмываемой грязи. Его конечности стали неуклюжими и неловкими, во рту застыл вкус нечистоты, а в ушах как будто набили вату. Библиарий откинул взглядом комнату и увидел своих братьев-десантников как будто сквозь дымку, с искаженными лицами, все карты в комнате неожиданно сдвинулись, потеряли реальность. Его внутренние органы теснились в теле, почти терлись друг о друга. Все было неправильно, абсолютно неправильно. Сарнедон стал не человеком, а рисунком неумелого ребенка.

уродливым и грубым. Сверху, снизу, со всех сторон что-то давило — остальное человечество, вся Вселенная питали к нему такое отвращение, что оно обжигавшим клеймом отпечаталось в его душе и грузом висело на плечах. Он был человеком и одновременно чем-то меньшим. Он жил, но не чувствовал этого.

Сарнегон почувствовал скорбь нечистого существа, способного жить только во тьме, подальше от обжигавшего света Золотого Трона. Он не мог выбраться, он был заперт в этом грязном теле, пойман навсегда. В его душе плескалась паника, ибо так будет вечно, до самой смерти, а после нее придет пустота. Пустота, просто осознание того, что он не должен был даже появляться на свет...

Ошеломленный, Сарнегон крепко зажмурился, и грязь неожиданно исчезла из его глаз. Михайрас обеспокоенно смотрел на него, так как до сих пор не видел церемонии потира, а библиарий, должно быть, сейчас казался слабым и напуганным, что невозможно для костодекантика. Но

но того стоило. Теперь он знал своего противника намного лучше, а знание на войне — все.

Каждому послушнику при его посвящении в костодесантники вживлялся новый орган, отофагия. Она поглощала расовую память и извлекала психогенетические следы из введенных органических материалов, что давало десантнику представление об уровне подготовки врага, его вере, морали, иногда даже о стратегических планах и расположении войск. Отофагия Испивающих Души была гиперактивна по сравнению с аналогичными органами воинов других Орден, давая очень четкие и интенсивные картины. Они могли переживать мысли и чувства своих противников, но при этом оставаться разумными и неоскверненными, испытывая прежнее отвращение к нечеловечности своих врагов, но зная все об их поведении.

И здесь этот дар сослужил хорошую службу. Сарнедон чувствовал скверну тупанта, грех, лежащий в основе его существования, огромный и могучий, но

одновременно не несущий в себе ничего — ни долга, ни цели. Мутант ни во что не верил и выживал, только чтобы существовать. Смерть для него — подарок. Успивающие Души оказали защитникам фронта услугу, послав сегодня столь многих из них в чернильную темноту небытия.

— Я в порядке, братья мои. Приношу вам благодарность за помощь в проведении церемонии. Но хотя победа уже одержана, она еще не завершена. — Сарнедон мысленно ударил по иконке, горящей на сетчатке, и перевел свой передатчик на все частоты. — Успивающие Души, отзывайте патрули и собирайтесь внутри главной линии обороны. Время пришло.

Каллисфен Ван Скорвольд долго не продержался. Сарнедону понадобилось всего лишь один раз схватить его за горло и ударить о стену оболочки, как он все рассказал о многочисленных и разнообразных преступлениях, совершенных его сестрой ради извлечения выгоды, о незаконных сделках для пополнения коллекции и множестве других вещей, о которых Сарнедон предпочел бы не

слышать. Каллисфен оказался тем редко встречающимся типом преступника, которые совершают свои злодеяния скорее из скуки и праздного любопытства, чем от желания выжить. Порочность таких людей постепенно принимает просто гигантские масштабы, и тогда они становятся ничем не лучше еретиков, валяющихся в сточной канаве.

Сарнедону все это было совершенно неинтересно. Но где-то в середине своей судорожной исповеди Каллисфен Ван Скорвольд упомянул о корабле звездного форта, сохранившегося еще со времен, когда здесь была орбитально-защитная платформа. Поколения семьи Ван Скорвольдов перестраивали его и расширяли, превратив в укрепленную сокровищницу для хранения ценностей. Именно там располагалась коллекция технических и чужеродных артефактов Каллисфена. Именно ее искали Успивающие Души. И хотя операция стоила им жизни командора, она все равно войдет в анналы прославленных свершений Оргена.

Сарнегон лично возглавил ударную группу и повел ее через лабиринт проходов и машин к кораблю. С ними шли сервы с резаками наготове, а также технодесантник Лигрис. Как и ожидалось, сопротивление сошло на нет, но впереди Успивающих Души ждала главная цель их похода, и случайностям нельзя было дать ни малейшего шанса. Десантники приблизились к огромной металлической плите осторожно и во всеоружии.

Но открывшаяся их глазам картина потрясла бы любого.

— Как вы думаете, мы можем взять отсюда парочку трофеев, сэр? — Голос Люко разорвал тишину так, как мог только он.

Всего лишь один зал корабля, но здесь стояли такие дикийвинные экспонаты, которые вызывали одновременно ужас и восторг в душах воинов. Никто не мог отрицать — некоторые из этих вещей были безумно красивы и именно поэтому страшно опасны.

Пол от стены до стены покрывал темно-голубой ковер, а со стен свисали

гобелены. В потолке горели прожектора, и их лучи освещали стеклянные витрины лелеемой Калисфеном Ван Скорвольдом коллекции. В одной лежало с полдюжины древних пистолетов, в другой — поразительно компактный телтаган, в третьей — нечто многоствольное с постоянно растущим кристаллом для боеприпасов. Здесь стояли статуи женщин с головами насекомых и гуманоидные фигуры из окаменелых лоз, похожие на сплетенных змей. Глазам удивленных Успивающих Души предстала композиция из рога и татово-серого металла, ростом выше любого из десантников, с колчаном стрел, увенчанных наконечниками из ядовитых зубов рептилии, и полный доспех, сделанный из бриллиантовых пластинок, прошитых серебряными нитями.

Десантники ждали приказа Сарнегона. Он прошел сквозь массивную отполированную металлическую дверь сокровищницы в зал, его психологически чувствительный разум гудел от холодных и острых вибраций изысканности и высоких технологий. Библиарий

чувствовал себя неуютно, в этой комнате хранилось слишком много неизвестного, слишком много запрещенного. Сарнедон решил, что большинство из этих вещей будет предано огню, как только они завершат свою миссию, а Люко — наказан за предложение Оргену осквернить себя ксенотехнологиями и запрещенными приборами, даже в шутку. Среди них не было экспертов в архео-технике, и никто не знал, откуда ждать опасности. Лучше все уничтожить, чем подвергать себя риску осквернения.

--- Библиарий Сарнедон, --- раздался голос в передатчике, потрескивающий от искажения сигнала, проходящего сквозь массивные плиты внутренних структур звездного форта. --- Отделение Ворца. Мы нашли гражданских.

--- Гражданских?

--- Груз, сэр. Рабы или пленники.

--- Я думал, что в звездном форте нет груза. Нет пришвартованных кораблей.

--- Наверное, беглецы, сэр, сбежали с транспортов. Здесь есть человек по имени Узер, какой-то священник. Похоже, они

хотят нам помочь.

Половина Успивающих Души, среди них отделение Ворца, на всякий случай держала оборону вокруг сокровищницы, кругами прочесывая территорию. Особо опасаться массовой атаки со стороны разбитых защитников форта не стоило, но десантники уже потеряли своего командора от предательской руки и больше не хотели давать шансов противнику. Штурм предприняли в тот момент, когда поблизости не было замечено крупных грузовых судов, чтобы не повредить человеческий материал, но люди на станции оказались все равно безлецы, скрывавшиеся в канализации форта.

У Сарнегона не было на них времени. Он хотел закончить миссию до того, как темные тучи, собравшиеся вокруг них, начнут изливаться на воинов своим несчастьем.

— Передайте всем подразделениям обороны. Не трогать гражданских. Скоро мы уйдем и не можем позволить себе осложнений. Отбросы оставьте Гвардии.

Затерцали руны подтверждения. Группа сервов и технодесантник Лизрис аккуратно обогнули витрины и теперь трудились над массивными закрытыми дверями в дальнем конце первого зала.

Рабочие старались не смотреть на экспонаты, зная, что негостеприимное любопытство приведет к очень суровому наказанию. Даже низшие человеческие существа способны на многое, подумал Сарнедон, если принадлежат Оргену с самого рождения и воспитываются в почитении к своим повелителям. Позади Лизриса летел криптодрон, он приземлился, словно жирное насекомое, на тускло мерцавшую руническую панель первой двери. На его изогнутом металлическом теле вспыхивали лучи света, пока он обрабатывал кодовые алгоритмы замка. Раздался звук подтверждения и шипение воздуха, когда замок открылся.

Как только сервы закрепили цепи и приготовились широко раскрыть дверь, Сарнедон взглянул еще на несколько объектов из собрания Каллисфена. Рядом с

ним висело знамя, по-видимому сотканное из человеческих волос, и лежала превосходная копия человеческого черепа, вырезанная из камня тёмно-красного цвета с нефритовым отливом. Каллисфен Ван Скорвольд за свою жизнь собрал потрясающую воображение коллекцию запретных артефактов. Со сколькими чужаками-работорговцами и благородными, но падшими семьями пришлось ему иметь дело?

Библиарий понимал, что многие из этих вещей были очень красивыми, но чувствовал скверну, окружающую их. Безделушки не обманут избранного воина Императора, как они уже проделали это с Каллисфеном Ван Скорвольдом.

Дверь открылась. По сигналу Сарнегона ближайшие тактические подразделения осторожно вошли в следующую сокровищницу, опасаясь ловушек или засады. Они не могли предположить, что Ван Скорвольд пожертвует своими самыми ценными приобретениями просто так.

Перед глазами десантников предстал

коридор, по обе стороны заставленный клетками, — маленький зверинец чуждых форм жизни, ухающих и чирикающих. Сарнедон приказал тактикам остановиться и пустил вперед брата Заэна, огнемечика из подразделения Люко. Тот осторожно вошел в коридор, миновав восьминогих обезьян и птиц с оперением из стекла. Впереди, по застеленному ковром полу, катилось несколько сервиторов, простые работы, простотой по груди человеку, добавляющие еду в кормушки и чистящие клетки от экскрементов. Несомненно, тщеславие Каллисфена мешало этому зоопарку между двукрылых залатами корабля, за которыми ухаживали только сервиторы и куда не допускались даже слуги.

— Все чисто, — слышался в наушниках голос Заэна.

Сарнедон последовал за ним, чувствуя грубые мысли животных. Он никогда не получал четких образов от разумных существ, так как скорее передавал мысли, нежели получал их, а любой высокоразвитый мозг слишком сложен и

непостоянен, чтобы уловить его импульсы. Ничто здесь не было достаточно разумным, вреда эти создания причинить не могли, но библиарий все равно решил предать зверинец огню, правда не сейчас. Потом. Цель звала. Пара крохотных сапфирово-голубых глаз уставилась на него из симбиотического клубка змей, а какое-то полурастение печально прокричало десантникам вслеп. У Каллисфена были странные вкусы.

Коридор заканчивался комнатой со стенами из отполированного металла, огромной, мрачной и скудно обставленной. Единственный луч света озарял простой стол в центре комнаты.

Там лежала главная цель: Копье Души.

Эта история вырезана на стенах всех часовен и келий для медитации в каждой крепости-монастыре, раскиданных по флоту Успивающих Души. Именно ее узнавали рекруты первым делом -- еще до того, как их подвергали постоянным жесточайшим тренировкам и неуловимым обработкам химическими методами до

тех пор, пока не оставалось только несколько удостоенных чести стать послушниками. В происхождении Ордена лежала причина суровой военной гордости, ставшей фундаментальной частью любого костюмодесантника. Именно поэтому только смерть могла остановить воина перед лицом противника.

Розал Дорн, совершенный человек, созданный Императором, величайший из примархов, дал свой генетический образец легиону Имперских Кулаков. Его бойцы следовали за ним в битвах, как сыновья. За десять тысяч лет до того, как Сарнедон сложил облачение послушника и принял доспехи Успивающего Души, Имперские Кулаки сражались на стенах Дворца Императора на Терре против неслетных полчищ Предательских Легионов Хоруса. Аббаты рассказывали эту историю детям в схолумах, и она стала легендой для миллиардов, поклявшихся в верности Империи.

Когда Хоруса убили, а восстание захлебнулось в крови, оставшиеся Легионы, не предавшие Императора, были разбиты

на множество Оргенов, чтобы ни у одного человека не было власти над слишком большим числом космодесантников одновременно. Дорн знал, как гордятся его сыновья славой имени Имперских Кулаков. Он сражался за то, чтобы его легион остался в неприкосновенности. Но ему пришлось склониться перед волей остальных примархов, а его десантники образовали множество новых Оргенов. Одни сохранили прежнее имя, прочие получили другое название, новый герб и стали творить собственную историю на службе Империи.

Багровые Кулаки, Черные Храмовники, Успивающие Души...

Каждому из них Дорн дал символ священной цели, чтобы они всегда помнили: его дух с ними, а его слава — это их слава. Успивающие Души, сформированные из подразделений штурмовиков, получили Копье Души. Примарх лично нашел его в каком-то темном, одиноком мире во время Великого Крестового Похода.

И он поразил множество отрогий

варна, и именно на нем развевалось знамя в сотнях миров, покоренных в честь Императора.

Капелланы рассказывали эту историю рекрутам, прежде чем те отправлялись в мясорубку селекции, чтобы дать им хотя бы слабое представление о тех идеалах, за которые они страдают.

Сарнегон и сам знал ее, как и все десантники под его командованием. Он прошел сквозь огонь и мучение тренировочного отбора, получил новые органы костодесантника, миновал процедуру психодоктринации. И именно Конь Души удерживало его на поверхности в самые трудные минуты, а для всего его поколения оно стало чем-то еще большим: смыслом возмездия, катализатором священной ярости, столь хорошо служившей десантнику в разгар битвы.

Убо артефакт затерялся на тысячи лет, когда флагман Успивающих Души «Благословитель» исчез в варне. Теперь же оно нашлось в коллекции дегенерата, который понятия не имел о его подлинной

сущности и значении. Командор утирал, и именно Сарнедон вернет священную реликвию обратно в лоно Оргена.

Конье Души оказалось сверкающе-черным цилиндром глиной с человеческое предплечье, украшенным затейливыми диаграммами, постоянно менявшими свою форму, стоило только на них посмотреть. На поверхности реликвии ярко выделялись выемки для пальцев, в каждой гнездились лазерная игла, окруженная кольцом реагирующего на ДНК психопластика. Судя по размерам импровизированной рукоятки и по расположению и форме выемок для пальцев первоначально артефакт предназначался не для людей.

Даже Каллисфен почувствовал силу в этой простой элегантности и отвел Конью отдельную комнату. Но для Сарнедона оно сияло, как таяк надежды, ярости и праведности, как если бы все, за что он сражался: Император, примарх, место человечества во главе Галактики и священный план, ведущий людей к вселенской власти, — слилось, получило свое воплощенное завершение в одном

совершенном артефакте.

Заэн замер рядом с ним, библиарий чувствовал, как у воина перехватило дыхание от благоговейного ужаса. Следовавшие за ними тактические взводы также онемели от восторга.

--- Приготовьте челноки к отстыковке, --- тихо скотанговал Сарнедон. --- Мы нашли главную цель и теперь уходим. --- Потом, переключившись на местную частоту, приказал: --- Подразделение Люко, подразделение Хастиса, ко мне. Окажет реликвии должные почести.

А затем мир вокруг потерк.

Он потряс головой, пытаясь выгнать тьму, прийти в себя. Сарнедон валялся в неудобной позе на полу, рядом неподвижно лежал Заэн. Слух медленно приходил в норму после ударной волны, повергшей их всех наземь, в уши уже пробивались звуки внешнего мира, причиняя легкую боль.

Бомба? Это было бы в духе Ван Скорвольдов. Но технодесантники зачистили территорию. Возможно, но стало вероятно. Что тогда?

Зрение постепенно возвращалось, вокруг клубилась слепая тьма. Потом неожиданно вспыхнул яркий свет. Сарнедон резко приподнялся и увидел, что его отбросило на середину коридора, — клетки пусты, а те инопланетные создания, которые остались в живых, в панике носились вокруг. Слышался скрежет стекла, когда десантники вставали на ноги с усыпанного осколками пола первой комнаты, куда их швырнуло взрывом.

Впереди двигались какие-то фигуры — черные, в плащах. Не меньше дюжины их сгрудилось вокруг Копья Души. Ржаво-красные лица скрыты капюшонами.

Значит, не бомба... Телепортер. Но как? Такая технология была очень редкой, а те приспособления для телепортации, которые находились в распоряжении Успивающих Души, не работали уже веками. Но дело даже не в этом, а в столь запредельной точности наведения — одна маленькая комната в сердце огромной и запутанной костяной станции. Сутасшествие! Этого не мог сделать никто!

В воздухе стояло жирное зловоние, и Сарнедон заметил на полу куски перекрученной плоти, спутанные с обрывками темно-красной ткани и обломками металла. Некоторые из вновь прибывших тоже пострадали; кто бы ни активировал устройство телепортации, он, похоже, знал о возможных потерях, но не остановился перед этим.

Сарнедон быстро вскочил на ноги, болтер уже в руках. Заэн тяжело пострадал, и библиарий слышал, как десантники перешагивают через него. Сзади раздалось журлыканье плазматана, когда один воин из наступательного отделения Хастиса изготовился к битве.

--- Вы! --- крикнул Сарнедон, кипя от гнева. --- Вы! Именем Трона, назовите себя!

Ближайшая фигура повернулась. Пустые увеличивающие линзы встретились со взглядом библиария. Широкий ребристый кабель змеей выходил из рта незнакомца, покрытого мертвой кожей, железные жвала, похожие на ножки насекомого, выступали из верха груди и шеи. По краю капюшона был вышит узор

из заостренных шестеренок, символа
Agentus Механикус, а тяжелый,
отливающий черным болтер выступал из
рукава воина.

Осадные инженеры. Элита
механикусов. Они скорее всего прилетели
на своем корабле, который входил в состав
эскадры, а Хлуга не оповестили о том,
что привезли устройство для
телепортации.

Но зачем?

— Никому не двигаться! Мы
костогесантники, Орген Успивающих
Души, избранные Императора, и на
ходится здесь по его воле. — Сарнедон
поднял болтер, и все гесантники,
набившиеся в коридор позади него, сделали
то же самое.

Тяжелое оружие инженера со
стрекотом поднялось чуть выше,
установившись в грудь библиария.
Остальные двенадцать, уцелевшие после
прыжка, как один нацелились на отряд
Успивающих Души лазерными пушками,
многоствольными телтаганатами и какими-
то странным оружием, проводящими

соединенным прямо с телами механикусов. Если они выстрелят, то Сарнедон и все десантники вокруг него будут разорваны на куски.

Но огневая мощь никогда не решала исход битвы. Побеждала сила разума. Сарнедон знал это всю свою жизнь. Он не мог потерпеть поражение сейчас.

--- Вы возвратитесь на свой корабль, --- командовал библиарий. --- Станция сейчас находится под нашим контролем, и вам будет позволено войти на ее территорию, только когда мы уйдем, получив свое. Подозреваю, произошло какое-то недоразумение. Не надо доказывать мне, что я ошибаюсь.

Мог ли он пустить в ход силу Ага, если до того дойдет? Чего могли бояться эти люди? Да и были ли они вообще людьми? То, что Сарнедон знал об элитных войсках Агентус Механикус, создавало образ бесчувственных, хладнокровных воинов, способных сражаться, не поддаваясь панике, даже когда число противника в десятки раз превосходило их собственное, или

поддерживать непрерывный огонь неделями без сна и отдыха. Боялись ли они чего-нибудь в нормальном человеческом смысле?

Ближайший инженер отвернулся от них. Из-под капюшона троих механиков вырвались механические гендриты и обернулись несколько раз вокруг Копья Души, поднимая его в воздух.

Самая священная реликвия в истории Оргена находилась в их холодных, презренных руках. Это очень сильно походило на богохульство.

Потрескивающая корона голубого цвета зажглась ярким пламенем, молнии побежали по стенам комнаты, скрыв инженеров покровом обжигающе ледяного огня. А потом с грохотом настолько громким, что он скорее чувствовался, чем слышался, они исчезли.

Цокантос Галлиан Кревик Хлур спал, когда пришли последние новости. На какой-то ужасающий момент ему показалось, что он снова оказался в жилой зоне Администратума на агропланете, бывшей местом его службы последние пятнадцать

лет, и теперь опять придется тащиться
на работу и проводить еще один
бесполезный день, анализируя доли
производства и сбыта, поступающие от
фермы по выращиванию гроксов размером с
целый континент, ради которой и
существовала планета.

Затем он увидел сияние яркого диска
Лакони, пробивавшееся сквозь бортовой
иллюминатор хорошо оборудованной, но
тесной каюты, и вспомнил, что
находится на борту «Упорного», стараясь
обеспечить свое будущее и защитить
интересы Империи. Кто-то громко
стучался в дверь.

— Кто там? — крикнул он, надеясь,
что голос прозвучит достаточно весомо.

Хлурр определенно не нравились
космические путешествия — никак не
удавалось выспаться, сон постоянно
прерывался из-за расстройства
метаболической системы, по причине
постоянного полутрака, и периодических
вибраций, шедших из самого нутра
«Упорного».

— Приказ капитана Векка, сэр. Что-

то показалось на сканерах. Что-то очень большое.

Хлур с трудом влез в простую черную форму Администратума, набросив на плечи шинель. Скорее всего выглядел он откровенно, но еще хуже проигнорировать приказ капитана Векка, очень опытного человека, командовавшего флагом. Если намечалось что-то серьезное, консул должен об этом знать. В конце концов, официально флотом командовал именно он, поэтому приходилось находиться в курсе принятых решений.

--- Отведите меня на мостик, --- приказал он стоявшему за дверью пареньку, поэтому в форму какого-то офицера младшего ранга. Похоже, мальчишка нанялся на борт, только чтобы получить очередное номинальное звание.

--- Они находятся в сенсориуме, консул.

--- Ну тогда отведи меня туда.

Младший состав «Упорного», мускулистые рекруты и потемневшие от времени сервиторы, казался более занятым, чем обычно, --- на каждом

повороте младший офицерский состав изрыгал приказы. Похоже, они готовили корабль к обороне — оружейники подносили снаряды, а для наблюдения за стазочными каналами инженерные бригады бдрили вторые стены. Хлур начал нервничать.

Сенсориум — прозрачный купол, выступающий посредине корабля и украшенный готическими завитушками. Вид на пустоту снаружи искажался слоями фильтрации, созданными для защиты наблюдателей, когда корабль проходил сквозь варп, поэтому звезды отсюда казались серыми стазанными пятнами на черном фоне. Но сейчас там висел голубовато-белый цветок, затмевающий свет солнца. Даже Хлур понимал, что это нечто огромное.

Бекк стоял при полном параде в центре палубы сенсориума, окруженный возбужденно обсуждающими проблему логистами и лекстеханиками. Пришел даже один из корабельных навигаторов, и вид у него был крайне обеспокоенный. Хлур стало интересно, видит ли тот; своими генетически модифицированными

глазами, приспособленными к варпу, нечто такое, чего не улавливают сенсоры корабля. Двое астронавтов из корабельной бригады бродили тут же, закутанные в свои хлатиды, незрячие глаза устремлены в пустоту. Сервитор-официант, ростом человека по грудь, с широким плоским черепом, на котором крепился погнот с напиктами, снова в близости, видя, приняв столь большое скопление людей за светский раут.

--- Хлур, --- позвал Векк. --- Хорошо, что вы здесь. Похоже, это чрезвычайно важно. --- Голос капитана был встревоженным и четким. Консул подумал, спал ли командир вообще. --- Мы заметили эту маленькую вещь двадцать минут назад. --- Он показал на аномалию над ними. --- В обычном видимом спектре ничего не видно, но слои, реагирующие на варп, расцветчивают ее, как фейерверк.

--- Что это?

--- Трещина, --- слышался голос навигатора, высокого, худого мужчины. До этого Хлур никогда его не видел --- как и

большинство представителей своей касты, этот человек избегал любых контактов с остальной командой, большую часть времени проводя в личных покоях с бронированными стенами. --- Она локализована в корабле наших союзников, Agentus Механикус, и для корабля маловата.

--- У них повреждения? --- Хлурү очень бы не хотелось потерять корабль сейчас, когда цель была так близка.

--- Вы не поняли, консул. Трещину создали намеренно. Архимагос сам создал ее.

--- Как?

--- Интересно, что вы спрашиваете, --- заметил Векк. --- Дигорян и я обсуждали то же самое. Сначала мы приняли это за субпространственную импульсную установку, одно из тех транзисторных устройств, которые механикусы пристыковали на Тиграфүре пару лет назад.

--- Но их использование, разумеется, повлекло бы за собой инфраквантовые флюктуации гораздо больших объемов.

чем мы наблюдаем сейчас, — сказал
навигатор Дигоран, сплетя свои глиняные
уловатые пальцы в замок под
подбородком.

Хлур кивнул. Он понятия не имел, о
чем они говорят, так как, хотя мог с нуля
построить экономику целой планеты,
причуды варп-науки были просто за
пределами его понимания.

— Мы думали, это запуск
психопортальной оборонной системы, —
продолжил Дигоран. — Но астронавты не
засекли никакой активности подобного
рода.

— Тогда мы поняли, — с азартом
подключился Векк. — Это телепортер.
Механикусы привезли с собой телепортер.

Может, Хлур и не был слишком
силен в секретных технологиях, но имел
представление о той степени влияния,
которое нужно для приобретения
телепортера, даже среди Агентств
Механикусы. Ради Трона Императора, что
происходит? Хоботова атаковали? Или он
сам на кого-то напал?

— Мы привели все корабли в боевую

готовность, — заметил Векк, — просто на
всякий случай. Но, похоже, У архимагоса
Хоботова есть свои планы, которыми он
не удостоился поделиться с нами.

— Я... я свяжусь с ним. Мы выясним,
что он задумал. — Правда, Хлур уже знал
ответ на свой вопрос, в конце концов, он
получил должность консула не из-за
больших связей.

Существовало два типа операций, в
которых задействовали костогесантников.
Первый, крайне часто встречающийся, —
хирургическая атака. Малые по
численности, но превосходящие по
качеству, вооружению и организации
войска отправлялись на строго конкретное
задание, выполняли его и тут же покидали
пола боя. Врагу наносился сокрушительный
удар, атака проводилась настолько
толпиеносно, что противник зачастую
просто не понимал, откуда исходит
опасность. Неприятель не может
обороняться, если не знает, что воюет.

Костогесантники превосходили всех в
подобного рода операциях. Они мгновенно
разворачивались, продвигались четко и

уверенно по любой поверхности, принимали на себя огонь и отвечали на него многократно. Они были самыми лучшими наступательными войсками во всей Галактике. Успивающие Души специализировались на корабельных abordaжах и десантных высадках с использованием посадочных челноков, специалисты даже говорили, что среди Agentus Астартес мало Оргенов могло с ними сравниться. Их тактика базировалась на собственной скорости и замешательстве противника и, как показал штурм звездного форта, была дьявольски эффективна.

Второй тип операций, более серьезный, встречался гораздо реже. Иногда в тысячах войн Империи, шедших практически одновременно по всей Галактике, возникали ситуации, когда речь шла не о победе, а о стратегии, чести и славе. Опорный пункт, потеря которого грозила прорывом линии обороны. Космический порт врага, угрожающий целому сектору. Крепость, чья важность была столь огромной, что стоила любых

потерь, пусть даже все войска Императора
падут обескровленными у ее ворот. При
таких обстоятельствах ставки
превосходили все разумные пределы, враги
становились неустрашимыми, а сила
разума и вера в Святой Трон превращались
в такое же оружие, как ценной меч и
верный болтер, ибо Империя рождена
только для победы. Тогда
костодесантники занимали позиции и
готовились умереть, если понадобится.

Их тренировали для первого типа
миссий, но предназначены они были для
второго.

Только эта мысль не позволила гневу
Сарнедона превратиться в отчаяние. Они
сделали все, что от них требовалось.
провели атаку хирургической точности,
превосходящую любые потуги имперских
войск, прожгли себе путь сквозь орды
мутантов и преступников, выставленных
Ван Скорвольдами на их пути. Пережили
страшную потерю — потерю Кэона, но
овладели каждой запланированной целью за
максимально короткий срок. Они
буквально следовали всем принципам

ведения атаки воина-философа Дениятоса
--- были быстрыми, хладнокровными,
бесстрашными и безжалостными, гордыми
и смертоносными.

Но этого оказалось недостаточно.
Цель украли из-под носа те, кто остелился
назвать себя союзниками Успивающих
Души. И теперь первый тип миссии опасно
приблизился к тому, чтобы стать
вторым.

--- Оскорбление нанесено не вам. ---
Голос Кэона походил на шепот, командор
уже утирал. --- Вы --- избранные
Императора. Оскорбление, нанесенное
вам, --- это оскорбление самого
Императора, квинтэссенция ереси.

Сарнегону было больно видеть его
таким, ведь еще недавно могучий воин
отдавал приказы голосом, от которого
дрожали стены.

Капеллан Уктинос стоял рядом с
ним, наблюдая за смертью командора
через бесчувственные красные глаза вечно
надетой на лицо маски. Когда Кэон утрет
--- не если, а когда, --- Уктинос поможет
провести предписанные обычаями

ришталы, пока апотекарий Паллас бүгет
удалаты прогеноиды прославленного
ветерана для транспортировки обратно
на корабль Успивающих Души.

Капеллан молчал. В минуты кризиса,
когда затихала битва, он наблюдал и
выносил решение, не произнося ни слова, а
потом докладывал высшим эшелонам
Органа о степени морали во время
операции.

— Они будут молить о пощаде, лорд
Кэон, — поклялся Сарнедон. — Они узнают,
как Успивающие Души отвечают за
поруганную честь.

— Успивающие Души не могут
принять последний бой здесь, Сарнедон,
среди скверны и зловония мутантов. Не
позволяй загнать себя в ловушку, не
позволяй угрожать себе, не поддавайся, не
отступай. Если придется сражаться,
полни, для чего мы рождены: бей быстро,
сильно и никогда не оглядывайся.

Кэон договорил на последнем дыхании,
его глаза медленно закрылись, грудь
вздыбилась, пытаясь втянуть хотя бы
каплю кислорода, зазубренные красные

линии на мониторах Палласа угрожающе подпрыгнули. Яг уже проник в тыщи командора, теперь настал черед легких.

Его жертва не напрасна, поклялся сам себе Сарнедон перед оком всевидящего Дорна, Орген победит, его честь будет восстановлена. Там, над станцией, находились тысячи сильных, модифицированных гвардейцев, войска Agentus Механикус, и все они содрогнутся перед гневом Успивающих Души.

Смон. О чем он думает? Сражаться с силами боевого флота? Мало славы в такой битве. Он и его Успивающие Души должны выполнить свой долг здесь, ибо они — костодесантники, лучшие и должны быть лучшими во всем. Нельзя просто напасть и отобрать Копье Души, как поступил бы любой другой солдат. Должен быть другой путь.

Воин-философ Дениятос, величайший герой Ордена, за исключением самого Розала Дорна, писал о силе, которую внушали Успивающие Души, просто стоя на месте. Им не нужно было ввязываться в драку, чтобы победить, — порой одна лишь

их слава заставляла противников
сдаваться без единого выстрела. Конечно,
такие случаи происходили редко — враги
Империи обычно слишком глупы и
развращены, чтобы вовремя отступить.
Но Агентус Механикус и флот Хлэра —
имперские слуги, прекрасно понимающие,
как опасен разгневанный космогесантник.

Не надо угрожать слишком сильно.
Администратуру, под командованием
которого находился линейный флот, нужен
форм. Испивающие Души станут
удерживать станцию, потребуют обратно
Копье Души и покинут плацдарм только
тогда, когда им вернут священную
реликвию. Конечно, придется убедить
своих бывших союзников в том, что угроза
вполне реальна, разместив людей у
оборонных систем станции и
подготовившись к нападению. Но
гвардейские подразделения и войска
Агентус Механикус просто не осмелятся
напасть, зная, что космогесантники
контролируют территорию. Разумеется,
сначала будет парочка хвастливых
заявлений, обычные бюрократические

проволочки, но командующий консул
Администратума Хлур -- иля всплыло в
памяти Сарнегона из инструктажа перед
миссией -- никогда не остелится всерьез
рассмотреть вариант сражения с
Успивающими Души.

Да, это должно сработать. Они
признают свою ошибку, отгадут обратно
Копье Души с раболепными извинениями, и
десантники отправятся готовой с
триумфом, забрав с собой тело Кэона.
Именно так Орген стал тем, что он есть,
отказываясь отступить или склоняться
перед слабостями людей второго сорта.
Они -- избранники Императора и
отвечают только перед Императором, а
не перед медной жестянкой, полуташиной,
техножрецом или прикованным к столу
бюрократом Администратума.

Достаточно сражений. Все реальные
враги уничтожены, потери минимальны,
но погиб лучший из Успивающих Души.
Пришла пора решить конфликт без
кровопролития, таким образом, чтобы
десантники восстановили поруганную
честь и вернулись готовой без потерь, со

священной реликвией Оргена. Это место
многого им стоило, и, как только этот
неприятный инцидент разрешится, они
уберутся отсюда как можно скорее.

Сарнедон отдал честь Кэону и вышел
из часовни, оставив Уктиноса
бодрствовать над телом.

Пора приготовиться к обороне.

Глава третья

Хотя флотские офицеры, собравшиеся на борту «Упорного», были представителями старой военной аристократии и никогда бы не постыдились проявить слабость перед логистами или младшими чинами, сейчас большинство из них пребывали в состоянии тихой паники.

Посредине капитанского мостика стоял голографический сервитор, его торс раскрылся мясистыми лепестками, показывая картину, проецируемую на переднюю часть обзорного экрана.

Многие впервые видели костодесантника, если не считать манекенов в витринах да цветных картинок в схолариумах или часовнях кадетских школ. Его лицо было иссечено шрамами, не такими, которыми были отмечены большинство флотских офицеров, считая их своеобразным знаком призвания, но сотнями крохотных ранок, за многие годы превративших человека в воплощение войны, в утес, постоянно

погвергающийся ударам волн. Возраст
Успивающего Души не поддавался
определению, в нем юношеская сила
сосуществовала с усталостью от времени, а
глаза сияли опытом и молодым бездумным
фанатизмом. Голова человека была
обрита, а из-под массивного темно-
пурпурного воротника доспехов выступал
защитный капюшон. На плечевом
бронированном щитке виднелся знак
потира, символ Ордена, перекликавшийся с
эмблемой крылатой чаши, ярко сиявшей на
груди воина.

— У нас звездный форт, — сказал
десантник, и голос его раскатился по
мостику, подобно грому. — Мы можем
оборонять его бесконечно. Я думаю, не наго-
дишь раз повторять, насколько
недальновидны будут любые силовые
действия с вашей стороны.

Человек назвался командором
Сарнедоном, и, хотя оглушительный бас
сдерживался тисками холодной
дисциплины, было видно, что он просто
кипит от гнева. Его глаза горели
лихорадочным огнем, взглядом

пришпиливая офицеров к палубе, а канаты
мускулов на шее напряглись от злобы.

--- Если вы хотите получить свой
приз, консул, у вас есть два пути. Вы
можете попытаться отобрать его у нас ---
в этом случае вас ждет незавидная
участь. Или можете вернуть наш трофей,
принадлежащий нам по праву победителя.

Старший консул Хлур был
дипломатичным человеком. Он всю жизнь
провел, обсуждая крайне деликатные
сделки, от которых зависела экономика
целых планет, поэтому сейчас надеялся на
свои таланты.

--- Командор Сарнедон, --- начал он,
стараясь не показать свой ужас перед
этим человеком, но тут же потерпев
полное фиаско, --- вы должны понять, что
Agentus Механикус только номинально
находятся под нашей юрисдикцией.

--- Наши попытки связаться с их
кораблем оказались безрезультатными! ---
загрохотал Сарнедон. --- Они украли нашу
вещь, нашу реликвию, убежали на свой
корабль и оборвали все контакты. Все это
прямым образом касается вас, консул. Если

вы не можете командовать собственным флотом — это ваша проблема, а не моя. Возвратите Конье Души или возвращайтесь домой без звездного формата. Сеанс связи окончен. Не заставляйте нас долго ждать.

Изображение затерцало и исчезло, голографический сервитор с жужжанием закрылся. Несколько секунд на командном мостике «Упорного» стояла тишина, огромное серое лицо все еще живо стояло в памяти офицеров.

— Сэр? — очнулся первым флаг-капитан Векк. — Ваши приказы?

Костомесантники. Хлур так гордился собой, что сумел привлечь их к операции. Она могла стать вершиной его достижений, залогом комфортабельного будущего, которого он так жаждал. А теперь стало понятно, что все предварительно оговоренные планы рухнули, а вместо них пришла только зловещая неопределенность.

Но он не мог позволить миссии развалиться просто так. Хлур уже много лет сталкивался с конфликтами и

постоянным упрямством. Он десятилетия
провел в договорах, выбивая из жадных
торговцев и фермеров долю Империи.
Просто надо сделать это еще раз.

— Они держат звездный форт. У
больше ничего. Флот у них маленький,
всего два ударных крейсера. У нас
преимущество по кораблям, идеальные
условия для блокады. У них нет снабжения
и поддержки, покинуть станцию без
нашего разрешения они также не смогут.
Если дело пойдет до блокады,
десантникам придется уступить.

— Это космодесантники, сэр. Им не
нужны припасы... — встрял Мание,
командир корабельных вооружений.

— Мы все слышали байки о том, как
они могут выжить, питаясь только
воздухом и верой, Манис. Но, в конце
концов, Император избрал людей, им
нужно есть и дышать, а форт построен на
основе старой орбитально-защитной
платформы, которой нужны новые
фильтры переработки и сжиженный
кислород, чтобы поддерживать
приемлемую для людей атмосферу. Нам

наго просто подождать до тех пор, пока они не образумятся и не попросят нас позволить им вернуться на свои корабли.

--- Гораздо проще вернуть им их реликвию, дорогой консул, --- медленно произнес Күргья, капитан «Гигранэ Ко».

--- Это решение также кажется мне самым простым, капитан Күргья. Но не думаю, что кто-либо из здесь присутствующих может мне сказать, как повернутся мысли у этих технокосантников, поэтому нет ничего зазорного в планировании всех возможностей.

Собрание все еще продолжалось, когда младший офицер --- тот же самый светливый парень, который разбудил Хлүра утром, --- подбежал к начальникам, сгрудившимся около голопроектора.

--- Офицер на мостике, --- объявил он. --- Архимагос Хоботов.

Противоударные двери мостика тут же открылись, и в помещение вплыл Хоботов. Его сопровождало с дюжину техногвардейцев в ржаво-красных бронеплащах и со странными ружьями в

руках. Над ним летали дроны, похожие на жирных омерзительных насекомых.

--- Думаю, --- сразу перешел к делу Хлур, --- что вы все слышали. --- Консул махнул рукой в сторону проектора, откуда час назад на них взирало лицо Сарнегона.

--- Естественно, --- прогудел архимагос.

--- Тогда вы понимаете, что у нас к вам есть несколько вопросов.

Бекк, убивев техногвардейцев, молчаливо вызвал отряд из батальона безопасности «Упорного», который незаметно проник на мостик. Хлур уже достаточно знал об Имперском флоте, чтобы понять, как капитаны не любят, когда кто-то другой распоряжается на их корабле. Иногда Бекк был просто невыносим, но консул радовался, что этот человек на его стороне.

--- Мы просмотрели сообщение, --- сказал Хоботов. Техногвардейцы вокруг него соткнули ряды, как только войска безопасности в черных доспехах вошли на мостик. --- И приняли к сведению взгляды командора Сарнегона.

--- Вы планируете что-нибудь сделать, исходя из вновь полученной информации?

--- Силы командора Сарнедона скудны, плохо обеспечены и не оснащены для длительной обороны. Вряд ли они выдержат массированный удар со стороны Имперской Гвардии и Агентус...

--- Мы не собираемся атаковать их, Хоботов, --- резко заявил Хлур. Как всегда, было совершенно непонятно, серьезен ли архимагос или намеренно вводит всех в заблуждение. Он что, действительно хочет воевать с костогесантниками? Говорят, техножрецы начинают по-другому мыслить, когда в них становится больше от машины, чем от человека, но Хоботов же не мог просто так отправить на смерть столько людей. --- Мы хотим дать им то, что они требуют, и забыть об этом инциденте. Вы все еще находитесь под моим командованием, архимагос, как бы вам ни хотелось представить ситуацию по-другому. В следующий раз, когда Сарнедон выйдет на связь, я хочу, чтобы вы сказали ему, где

находится Конье Души и сколько времени займет его возвращение. И эти же вопросы я задаю вам сейчас.

Хлурр приходилось иметь дело с неуклюжими клиентами. Он договаривался с планетами, крайне враждебно относившимися к Империи. Но ему еще никогда не приходилось оценивать реакции человека, который скорее всего в физическом смысле уже давно человеком не был. Хлур мог по тону голоса и языку тела сказать, о чем думает его собеседник, но с Хоботовым это не работало. Приходилось изображать твердость и прямоту, а в душе лелеять надежду, что точка зрения архимагоса совпадает с мнением консула и техножреца. Еще в своем уме, несмотря на неумеренное увлечение имплантатами.

— Хорошо. — Хоботов посмотрел Хлурр прямо в глаза, а тот поймал только отсвет линз глубоко внутри капюшона. — Конье Души сейчас находится на борту высокоскоростного тяжелого корабля, следующего по варп-маршруту двадцать шесть, Унсилон-Супериор.

--- Пункт назначения?

--- Коген Тертиус.

Коген Тертиус. Мир-кузница, планета, находящаяся в полной власти Агентус Механикус, центр производства и исследований, знаменитый надежностью военных двигателей, поставляемых имперским армиям сектора Обскүра. Между Когеном и Лаконией находилось пол-Галактики. Название именно этой планеты было выгравировано на корабле 674-XU8, оттуда прилетел сам Хоботов и вся его команда. Архимагос отправил Конье Души к себе домой.

--- Понятно, --- проронил Хлүр. --- Похоже, просить вас возвратить артефакт бессмысленно.

--- Именно так, старший консул. Связь с кораблем, находящимся в варпе, невозможна. По достижении точки назначения он переходит под юрисдикцию архимагосов Коген Тертиуса, а не вашего флота.

--- Поэтому вы навязались к нам, не так ли?! --- воскликнул капитан Күрдья откуда-то из-за спины Хлүра. --- Коварная

собака! Вы прилетели сюда, только чтобы
выкрасть свою таленькую изрушку!

— Думаю, старший консул Хлур сам
придет к такому выводу, поэтому нет
нужды лишний раз подкреплять его
фактами. — Каким-то образом
монотонный голос техножреца казался
издевательским.

Хлур не мог справиться с дрозью.
Конье Души исчезло, ситуация стала
практически неразрешимой. К тому же
Хоботов мог делать все, что ему
вздумается, консул просто не в состоянии
был следить за его сообщениями или
применить прямую власть в условиях,
когда 674-XU8 обладал неизвестными, но,
по-видимому, превосходящими Имперский
флот возможностями.

Похоже, Конье Души потеряно
окончательно, главный козырь сделки
показался на Коген Тертиусе, а достать его
оттуда нереально. Но Хлур прилетел
сюда делать свою работу, установить
контроль Администратума над звездным
флотом Ван Скорвольдов. Надо довести
все до конца, не важно, сколько времени

это займет. После таких поворотов, сказал он сам себе, награда будет принадлежать ему по праву.

--- Не думаю, что нам нужно знать больше, --- сказал Хлур.

Флагман-капитан Векк тахнул рукой, и войска безопасности отошли назад, когда техногвардейцы стали спускаться с мостика. Хоботов направился к выходу, двигаясь обманчиво быстро. Он не шел, а скользил, его одежды шуршали по полу сзади. Пухленькие дроны, созданные из переработанного человеческого материала, последовали за хозяином, напоминая внимательных херувимов, следящих за проводками.

На плечо консула опустилась тяжелая рука, он почувствовал запах дыма и старости.

Друвильо Трентиус, сегой и обычно сключный капитан «Византийского дьякона», уставился на него пьяными глазами.

--- Полный провал, Хлур. --- Это были первые слова, которые он произнес на мостике за весь день.

Пока офицеры вместе со своими лакеями направлялись в сторону челноков, консул пытался побороть в себе уверенность, что Трентиус на самом деле прав.

Узер выглядел плохо. Ему уже перевалило за пятьдесят, от постоянного недоедания он выглядел тощим и измученным. Его волосы и борода походили на спутанные крысиные хвостики. Несмотря на то, что священник старался держать тело в чистоте, но в результате всего лишь подчеркнул изможденную бледность кожи. Узер был одет в лохмотья, грудь практически открыта. На его шее висел кулон, какое-то украшенное украшение, двуглавый имперский орел с просверленными глазками на каждой голове, смотрящий в обе стороны. Вперед и назад, в прошлое и будущее. В центре фигурки пробито отверстие для цепочки. Символ придавал этому человеку ауру святости и целеустремленности, которая произвела впечатление даже на Сарнедона.

Они стояли в помещении, которое Узер называл своей церковью, бывшем

бункере обеспечения, массивном
закругленном по краям цилиндре,
расположенном в глубине звездного форта,
куда свет попадал только изредка, а
единственный доступный воздух висел в
карманах вокруг утечек из линий
переработки. Тут когда-то стояли груды
еды и других припасов, которые должны
были перегрузить огромным грузовой
краном, но запасы уже подошли к концу или
стали мусором, усеивавшим пол бункера.
Большая четырехпалая рука крана,
упавшая с опоры, затеняла церкви купол, а
контейнеры безлецы приспособили под
скатами и боковые часовни. Порванные
знамена — потертые ткани, сшитые
вместе, разрисованные символами,
похожими на детские рисунки, — свисали с
пластиковых балок. Место, освещенное
призрачным светом галогеновых рабочих
ламп, качавшихся наверху, казалось
странно безмятежным. Вокруг дул мягкий
ветер конвекционных потоков, колышавший
знамена.

— Ты — Узер? — спросил Сарнедон. Он
стоял в тени храма, возвышаясь над

крохотным человеком, который
выказывал на удивление мало страха. Для
костюмодесантника такая ситуация была
непривычной.

--- Да.

--- Священник?

--- Да, служу своей пастве. Нас мало,
но Архитектор пролил свой свет на нас.

Архитектор Сүгеб оказался
Императором. У Божественного
Императора было столько имен, Его
почитали по всему Империи, Он мог
быть Властелином Погоды на какой-
нибудь примитивной сельскохозяйственной
планете или Избирающим Воинов в
зараженных преступностью трущобах
каждого мегаполиса. Агентство
Министров закрывало глаза на такие
вещи, если только на месте признавали
верховенство имперского культа. Сарнедону
такое издевательство казалось лишним
доказательством того, что ничтожные
люди просто не способны понять подлинное
величие Императора и Его примархов. Но
человек, стоящий перед ним сейчас, совсем
не казался слабым.

--- Наша церковь небольшая, к
сожалению, --- продолжил Узер. --- Все, что
мы могли, --- это постараться выжить в
глубинах станции, когда сюда посылали
команды загонщиков. Но больше... Вы
пришли, и настала их очередь платить за
свои грехи.

Отряд Ворца обыскивал церковь и
кучи обломков. Нашедшие Узера теперь
изучали храм и прилегающие к нему
территории, чтобы произвести оценку.
Тут оказалось много полезных
заброшенных линий переработки и
грузовых каналов, лучами расходящихся от
бункера обеспечения. Пункт стоило
укрепить. Большинство остальных
испивающих Души подготавливали к
работе макролазерные орудия и ракетные
установки, которые еще можно было
задействовать, а Сарнедон хотел, чтобы
маршруты внутри станции оставались
безопасными для повторного
развертывания сил и перемещения грузов.

Разумеется, до такого не дойдет.
Они выступили против бумажных червей
Административта и гвардейцев, которые

отступят, как только полностью осознают, против кого собираются воевать. Но на всякий случай стоило приготовиться к обороне — и сделать это на совесть.

Отряд Гивриллиана охранял подступы к бункеру, теперь он стал командным подразделением Сарнегона, когда командор передвигался с одного конца форта на другой. За последние несколько часов библиарий проконтролировал подготовку к бою оборонных установок с солнечной и орбитальной сторон, изучил обстановку на магнитно-левитационном терминале, где Теллос расквартировал мобильный наступательный батальон, в задачу которого входила немедленная реакция на любые попытки высадки противника.

До этого не дойдет. Но лучше быть уверенным.

— Я всегда знал, что Он пошлет своих избранников спасти нас, завершить Его план, — захлебывался от восторга Узер. — Никогда не думал, что увижу такое при жизни, но сны мои сошли в реальность и

стали явью.

--- Сколько вас?

--- Где-то четыре дюжины. Мы строим дома по темным углам станции и собираемся здесь на службы.

--- Сбежавшие заключенные?

--- По большей части. У одних или двое -- из людей Ван Скорвольда, уставших от постоянного труда в юголи скверны.

--- А, скверны. Хорошо, что ты и я видел ее в этом месте. Мои люди должны укрепить станцию, и нам нужен кто-то, знающий все системы обороны, которые мы не можем пропустить. Если хочешь послужить своему Императору, то должен рассказать нам все, что знаешь о звездном форте.

Цзер улыбнулся:

--- Вы -- избранные Архитектора, лорд Сарнедон. Я видел вас, когда Он посылал видения в мой разум. Любую вашу просьбу я постараюсь исполнить беспрекословно.

Видения. Обычно разговоры о видениях опасны. Сарнедон уже видел последствия теленатического дара, когда

тот становился достоянием слабой воли или откровенного зла. Он видел, как радуги зеленых молний пронзают вершины гор Адского Лезвия, слышал невнятные крики безумцев городских трущоб, знал, что видения постоянно посещают вероломных вельм. Такие люди всегда говорили, что голоса и сны посланы им исключительно Богом.

Но Узер казался совсем другим. Брошенный в темноту этого проклятого места, он ответил судьбе, вцепившись в веру, и та одарила его аурой святости. Может, годы, проведенные здесь, стоили ему слишком больших жертв, а может, он действительно получил благословение света Императора. Сейчас Сарнедон радовался, что заполучил хотя бы одного союзника.

— Я спрошу совета у своей паствы. Мы сможем заново подключить некоторые из куполов слежения и снова ввести в строй боевых сервиторов. Скорее всего мы придумаем что-нибудь еще, в любом случае я тут же дам вам знать, лорд Сарнедон.

--- Хорошо. Люди сержанта Ворца пойдут с вами.

Узер кивнул и улыбнулся, заторопившись обратно к своим прихожанам. Создавалось впечатление, будто он действительно всегда ждал Испивающих Души и теперь искренне радовался возможности наконец выполнить свою задачу. Сарнедон на секунду задумался, что случится с этим человеком, когда космогесантники получат Копье Души и улетят со станции. Скорее всего его ждет судьба, которой он всеми силами пытался избежать, --- промывка мозгов, а затем переработка в сервитора. Совесть? Возможно. Но он всего лишь человек, а правила категорически запрещали брать на корабль Испивающих Души любое существо, не являющееся членом Органа, поэтому с ними он улететь не мог.

Неожиданно библиария озарило.

--- Узер! --- крикнул он. --- Ты был заключенным. За что тебя посадили?

--- Я был вором, --- ответил священник.

--- А теперь?

— Я то, что пожелает создать из
меня Архитектор Судеб.

Кораблю 674-XUS Agentus Механикус
было уже больше тысячи лет. Каждую
сотню лет с точностью до дня он
проходил полную реконструкцию в доках
Коген Тертиуса, в него встраивали
последнюю заново открытую и
переоборудованную археотехнику,
улучшали показатели духа машины.
Боевую силу звездолета поддерживали
цехи техногвардейцев, осадных инженеров
и других, еще более необычных солдат,
которые нуждались в постоянном
улучшении и замене износившихся
деталей, для того чтобы действовать
соответственно своему полному
потенциалу.

Уже долгое время эта работа шла
под руководством архимагоса Хоботова,
которому недавно исполнилось триста
лет.

Он верил в верховенство машины,
считал ее краеугольным камнем
человеческой цивилизации. Техника
эффективна и неутомима, она обладает

холодной, аналитической и всегда преданной индивидуальностью, которой Хоботов и сам бы гордился. Ее преданность обретению потерянного шедевра знания Омниссии вполне сравнима с его, и именно машины ежедневно подавали людям пример микроста человеческого совершенства.

Кроме подразделений техногвардейцев, 674-XU8 был полностью укомплектован командами сервиторов и техножрецов, чье трудолюбие и выдержанность знаниями соответствовали стандартам архимагоса. Здесь царствовали имплантаты и высокоэффективные протезы, со всей команды едва ли удалось бы наскрестить плоти, чтобы составить хотя бы одного полностью естественного человека. Хоботов и сам уже давно забыл, сколько в нем органики, а сколько — синтетики, хотя и был рад этому, ибо так исчезало еще одно препятствие на пути к шедевр Омниссии. В массивных криптомеханических внутренностях корабля, в коридорах сверкающего стекла,

где царил дух древних машин, среди оружийных рельсов отката и рукавов сенсориума перестраивалась карта человеческого знания. Между лагати и сервиторами, суровой личностью самого Хоботова и темной пульсацией духа корабля плелась паутина информации, которая будет расти и зреть, пока однажды Омниссия не увидит в ней часть себя самого. Как только будет достигнута некая критическая точка знаний, их совокупность позволит раскрыть любой секрет Галактики, ничего не бояться и раздвинуть решетку тюрьмы реальной Вселенной. Однажды, когда корабль, его команда и информация станут единым целым, в этом далеком будущем все потерянное в извращениях Темных Веков Технологии вернется...

Но сейчас корабль еще слишком молод. Тысячи лет недостаточно для такой задачи. А архимагос всегда занят, так занят. Иногда цель казалась такой далекой, что о ней даже не приходилось фантазировать.

Вот так говорит в техножреце

слабость человека.

Хоботов взглянул на огромный строй массивных поршней, пребывающих в уравновешенном состоянии, но готовых в любой момент вырвать кусок из днища корабля и отправить его истекать воздухом и смазкой в открытый космос. Архимагосу было физически больно наносить такую рану кораблю, частью которого являлся он сам, но Хоботов знал, что это только к лучшему. Дух машины согласился с ним, пылко громыхнувшись гидравлическими поршнями и пробивными разрядами.

Вокруг стояло всего лишь несколько сервиторов, так как атмосфера, близкая к вакууму, разрушала их ткани, поэтому положенные ритуалы пришлось исполнять техножрецам и более высоким по положению магистрам. Разумеется, это была не столь утонченная операция, как при запуске священного телепортера, но и такая работа требовала точности, четкости и аккуратности. Некоторые из присутствующих навевали страх своими темными согбенными или нечеловечески

изогнутыми фигурами, закрученными в
спирали. Другие, напротив, вызвали
улыбку, яркие и сияющие, с молодыми
человеческими телами, украшенными
декоративными протезами из стекла и
хрома.

Не следует думать, что Хоботов был
бесчувственным, полностью избавившимся
от человеческих инстинктов. Он хорошо
понимал обыкновенных людей. Как дети и
животные, они легко сердились и
постоянно искали удобств, нуждались в
поощрении, чтобы совершать логические
поступки, а иногда и в страхе.

Говорили, будто космогосантникам
неведом страх, но они все равно оставались
людьми. Хоботов знал только, что не
сомневался в своих способностях
просчитать их действия и разрешить
ситуацию, которую те создали своим
невыносимым упрямством. Все просто.
Надо не дать им другого выхода, надо
заставить их уступить. Они считали себя
элитой Империи, следовательно, логика
подсказывала, что их надо поставить
перед такой ситуацией, в которой у них

останется только один вариант действий, но при этом не дать повода и возможности применить силу против собственных союзников.

Архимагос мог спокойно все бросить, вернуться на Коген Тертиус и приступить к изучению Копья Души, оставив Хлұра разрешать конфликт. Но тогда механикусы будут выглядеть в глазах Успивающих Души трусами, а в глазах Администратума --- безмозглыми головорезами. Сами по себе эти понятия не имели смысла, но Хоботов понимал, что они очень важны для других имперских властей. Он не был политиком, но человеческие мысли так легко просчитать. Если ему удастся вынудить костодесантников отступить, то они начнут уважать Агентус Механикус, станут считать их храбрыми и сильными. Администратум с радостью встретит возможность новых альянсов. Но в конце концов такой результат будет выгоден прежде всего самим Агентус Механикус. Методы, которыми приходилось действовать, сейчас казались

ему невыносимо инфантильными, но Хоботов еще раз наполнил себе, что, прежде чем вступить на тропу познания Бога-Машины, он и сам старался соблюсти лицо и часто думал о политической выгоде.

Поэтому он не улетел. Космогесантники оставят звездный форт, Администратум получит свою вожделенную добычу, а Хоботов поможет им в этом, так как это даст величайшую выгоду слугам Омниссии.

План был прост. Успивающим Души не оставалось ничего, кроме как оставить форт и возвратиться на свои корабли согласно условиям перемирия. В любом другом случае им придется сражаться с войсками Хлұра и силами самого Хоботова. Такой вариант неприемлем для всех. Десантники отступят.

Все просто.

Удовлетворенный качеством проведенных ритуалов и приготовлений, Хоботов решил вернуться в архив и продолжить изыскания. В этом мире столько всего непонятного, нерешенного,

неосмысленного. Проблема, поставленная перед ним, больше не потребует внимания. А он так занят...

--- На дальних какое-то движение, --- сказал брат Михайрас. --- Как думаешь, что это?

Бывший слуга Кэона сейчас наблюдал за сенсориуматами, усеивавшими всю поверхность звездного форта. Несколько часов назад он заступил на стелу в прозрачном пузыре, смотрящем на звездное поле и огромный сияющий диск Лаконики. Флот Администратума и Агентств Механикус казался скопищем сверкающих продолговатых тел, повешенных в пространстве. Его внимание привлек яркий белый снап огня, выделяющийся на черном фоне космоса.

Как только брат Михайрас увидел его, то тут же вызвал техногесантника. Вспышка произошла в центре корабля механикусов, но на этот раз она гораздо больше походила на обыкновенный взрыв.

--- Как давно? --- Техногесантник Лигрис забрался в тесную оболочку сенсора вместе с увенчанной зажиматаи серворучкой.

выступающей из его ранца.

--- Три минуты.

--- Хм... --- Лизрис постучал по закругленной поверхности отполированного пузыря. --- Если это второй взрыв после атаки, то тогда у механикусов серьезные проблемы. Но вот тут виден намеренный выброс газов. Не воздуха. Пневмогвоздители посадки или воздушные поршни. И еще поток ледяных кристаллов, они тоже говорят о гидравлике.

--- И что это значит?

Лизрис взглянул на потемневшие стекла приборов и счетчиков, увидев данные, подтверждавшие его подозрения.

--- Это значит, они запустили что-то в нашу сторону. Что-то большое.

Капитан Бекк имел привычку кричать на сервиторов по пустякам. Пустоглазая штукovina всего лишь доставила анализ корпуса логистов, но всегда лучше наорать на робота, которого человеческие эмоции совершенно не волнуют, чем срывать злость на живых членах команды.

--- Мне нужно больше! --- надрывался он. --- Шестьсот семьдесят четвертый подбит?

Взрыв был ясно виден на обзорном экране, на маленьких дисплеях транслировались изображения, полученные с сенсоров других кораблей. Звездолет *Агентус Механикус* выплюнул белое облако пара из своего корпуса, огромную массу газа и жидкости, растущую на глазах. А потом капитан увидел это. Сначала крохотный проблеск, стремительно приобретающий форму. Что-то большое и Плоское --- часть палубы? Крупная нетронутая секция корпуса, вырванная каким-то внутренним взрывом? Или?...

--- Мне нужны спецификации, немедленно! Размер, направление, класс!

--- Похоже на обломок, сэр...

Бекк пронзил взглядом молодого офицера из группы тактиков, вставшего в разговор.

--- Он совершенно не похож на обломок. Я был у туманности Дамокла, сынок. Я знаю, как выглядит кусок металла, вырванный из корабля. Я хочу, чтобы эту

итүкү просканировали и
классифицировали, причём очень быстро!
Двигайтесь!

Через несколько минут у Векка не
осталось никаких сомнений. Может, это и
к лучшему, а может, и к худшему. Все
зависит от того, какой план созрел в
кибернетических мозгах архимагоса.

--- И разбудите Хлүра кто-нибудь!

Глава четвёртая

Орбитальная артиллерийская платформа класса «Герион» быстро получила признание среди обитателей искусственных миров, находящихся на самом краю Империи, на границе галазоны. Они постоянно сталкивались с противником или просто какими-то неизвестными силами, неизменно встречающимися в глубинах космоса. В таких условиях смятение и разрушение оказывались потенциальным оружием, которым можно было прикрыть отступление или задержать возможного врага для сбора дополнительной информации. «Герион» с самого начала задумывался как оружие дальнего массового поражения, его электромагнитные и магнитно-осколочные пушки сеяли хаос в рядах противника, полностью ликвидируя связь и вырубая все сенсоры в радиусе нескольких тысяч километров от точки разрыва, по сути оставляя врага на поле боя слепым.

злүхит и нелыт. После этого дело решало более традиционное вооружение, также входившее в комплект системы.

Огромная пушка располагалась на уровне ординаты станции, она выбрасывала разрывные снаряды в глубины костоса, которые детонировали посреди атакующих кораблей. Размещенное на орбитальной платформе, орудие само напятинало маленький костический корабль. К сожалению, «Герион» был фактически бесполезен в обычных схватках по сравнению с менее специализированным вооружением такого же размера. Его польза и популярность постепенно понижались, так как командиры все чаще и чаще в случае нестандартных ситуаций предпочитали просто подорвать все вокруг, применяя более изощренные методы только при виде горящего и потерявшего управление корабля противника.

Тем не менее архимагос Хоботов, похоже, доверял «Гериону», поскольку именно эта установка отделилась от 674-XU8 и сейчас спускалась на

геостационарную орбиту Лаконию за несколько тысяч километров от звездного форта, представляя собой стандартную артиллерийскую платформу диаметром с остров средних размеров.

Сарнегон быстро пробежал глазами данные на информационной панели, переданной ему техногесантником Лигрисом, и задумался. До очередного хода механикусов ситуация уже зашла в тупик, но техногесантники контролировали ситуацию, так как могли держать станцию столько, сколько нужно. Теперь все изменилось. Администратум взял верх.

Они знали, что не могут захватить звездный форт, не могут сражаться с Испивающими Души. Но теперь им это было и не нужно. Можно спокойно забрасывать станцию ракетами, пока силы гесантников не окажутся полностью подавленными и не падут перед солдатами Гвардии, только ждущей, как бы выбить их с платформы. Они не могли встретиться лицом к лицу с избранниками Императора, но были столь тщеславными и тщеславными, что не

желали признать поражение. Стало ясно, бывшие союзники скорее вырежут лучших представителей человечества, чем признают свою неправоту.

--- Оскорбление, нанесенное нам, --- это оскорбление Императору, ибо мы --- Его избранные, а Дорн --- Его сын, --- отчеканил Сарнегон.

--- Согласен, командор, --- ответил Лигрис.

--- Значит, эти люди оскорбили Императора.

--- Именно так, командор. --- Лигрис говорил рублеными, жесткими фразами, как и большинство технокесантников, его голос легким эхом раскатывался по магнитно-левитационному терминалу, очищенному от трюнов мутантов. --- Вы говорили об этом с Кэоном?

--- Кэон утирает, Лигрис. Я не могу доверять ему, он уже не владеет собой полностью.

--- Плохая смерть.

Сарнегон захлопнул информационную панель.

--- А хороших мало.

Что теперь делать? Их корабли находились с другой стороны Лаконии, да они и не смогут сражаться с линкорами Имперского Флота. Уйти с форта тоже не удастся — это, несомненно, входило в планы Администратума и механикусов загнать космогесантников, как крыс, и истребить их издалека. Будь они прокляты, совершая подобное именованное Императора! Успивающие Души были лучшими людьми Империи, и все же Администратум и Агентус Механикусов сначала украли священную реликвию, а потом постели угрожать им, чтобы оставить Конье себе. О чем они думают? Разве они не знают, с кем имеют дело?

Как может Империи быть инструментом воли Императора, если его населяют такие ничтожные люди? Как смогут воины и корабли, облеченные волей Императора, унижать тех, кто лучше всех понимает Его замысел? Сарнедон давно знал, что гниение и праздность проникли в самую суть Империи, но никогда не видел столь вопиющего примера этому и никогда не подвергал

такому риску свою жизнь и жизнь своих братьев.

Когда «Герион» заговорит, Успивающие Души проиграют, а Администратум и Агентус Механикус сохранят лицо. Этого нельзя допустить. Этого не должно случиться. Но как Сарнегону найти выход из такой ситуации? Их поймали в ловушку в звездном форте, над ними нависал орбитальный артиллерийский комплекс, а в трюмах кораблей Имперского флота томилась ожиданием Гвардия.

Похоже, старший консул Хлур и архимагос Хоботов собираются применить силу, если Успивающие Души не сдадут звездный форт, но костодесантники не могут отступить, по крайней мере пока жив Сарнегон.

Неужели им придется умереть вот так, отвечая на оскорбление, нанесенное слугами Императора? Отстаивая свою гордость, свою честь? В чем тогда разница между сопротивлением Администратуму и кражей Конья? И то и другое — преступление. Но не в этом суть

проблемы. Успивающие Души были выше всех, кого мог поставить против них флот. И властям следовало обращаться с десантниками как с элитой, как воины того заслуживали.

Если Успивающим Души суждено умереть, а Галактике увидеть, насколько серьезно они относятся к вопросам воинской чести, лежащей в основе их жизненного кодекса, так тому и быть.

Но оставалась надежда. Сарнегону не пришел в голову гениальный план, просто любому костомесантнику чуждо отчаяние. Выход найдется, даже если им придется встретить смерть как воинам. Легенды не лгали — десантники никогда не проигрывают, даже умерев.

Гивриллан, охранявший периметр терминала, подошел к Сарнегону, сбив его с мысли.

— Командор, у меня сообщение от Ворца.

— Обычный доклад? — Сейчас его занимали совершенно другие вопросы.

— Нет, сэр. Священник Узер показал им какие-то устройства с орбитальной

стороны, и... в общем, он кое о чем вспомнил. О чем-то древнем. Ворчун думает, вам и Лигрису будет интересно на это взглянуть.

Лигрис уже осматривал технику, показанную Узером, когда подошел Сарнедон. Принимая во внимание общую разруху и плохое состояние звездного форта, такого сюрприза командор не ожидал. Полностью функциональную, оборудованную летающую платформу.

Лигрис имел дело в основном с оружием и доспехами, в особо трудных случаях занимался починкой посадочных челноков, когда не справлялись сервы. Но каждого технодесантника во время послушничества натаскивали на бесчисленное множество боевой техники. Так что он разбирался и в истребителях.

— «Разящие молоты», — бормотал он. — «Охотники за скальпаты». Троном Земли клянусь, этим штукач место в музее.

Все вокруг действительно легко можно было принять за музей. Летающую платформу, широкую и относительно

громады звездного форта тонкую,
встроили прямо внутрь орбитальной
станции, в результате она
горизонтальной трещиной проходила через
несколько палуб. Здесь осталось очень
мало воздуха, поэтому Узеру выдали
респиратор одного из сервов-рабочих, а
десантники надели шлемы.

Там, где в помещение просачивался
кислород, металл проржавел и
истончился, но большая часть летающей
платформы осталась нетронутой, на ней
до сих пор сохранились темные ожоги от
взрывов. Яркие черные и желтые полосы
отмечали пути управления на оружейной
палубе, тут и там вздымались топливные
баки, датчики на многих из них до сих пор
показывали максимальный уровень
наполнения.

А вокруг стояли корабли. Огни уже
превратились в груды ржавчины, с других
ободрали все, оставив только скелет опор.
Но многие выглядели вполне целыми. По
сравнению с современными тупыми
машинами убийства эти казались
гладкими и благородными, с ребристыми

нагстройками и крыльями обратной стреловидности, кончики которых были увенчаны лазерами. «Разящий молот» мог похвастаться огромным подвесным плазма-разрывником, еще один корабль, с башенками мегаболтеров толстого сечения, оказался «Охотником за скальпатами», истребителем сверхкласса. Эти модели признали устаревшими тысячу лет назад, когда еще не пропало Копье Души. Тогда они патрулировали пространство вокруг Лакони, до того, как платформу приобрел картель.

--- Ван Скорвольды думали использовать их снова, --- рассказывал Узер, его дыхание затуманивало маску респиратора. --- Но ремонт скорее всего слишком дорого стоил, да и кто бы на них летал? Мы иногда использовали это место как укрытие, когда с воздухом было получше.

Были и другие корабли --- огромный заправщик ближнего действия, истребитель-бомбардировщик с единственной ботбой, прикрепленной к днищу. Ленты снарядов кучами валялись

по всей палубе, а помеченные
предупреждающими знаками ракеты
выглядывали из-под пола. Корабли,
топливо, боеприпасы...

Сарнегон думал, что они в ловушке,
что им придется защищать каждый метр
звездного форта в случае нападения. Но
вдруг появилась альтернатива, теперь
Успивающие Души могли действовать
так, как умели лучше всего. Воин-философ
Дениятос писал, что самый лучший способ
обороны — это атака на врага до тех пор,
пока тот уже просто не сможет ничего
захватить. С таким вооружением данный
пункт «Боевых Катехизисов» вполне
можно было воплотить в жизнь.

Сарнегон повернулся к
техногесантнику и увидел, что тому явно
пришла в голову похожая мысль.

— Лизрис? Сможешь сделать?

Техник посмотрел на площадку, куда
привел их Узер.

— Один не справлюсь. Отзовите
остальных от орудий и дайте мне всех
сервов. Возможно, тогда некоторые из
этих штук полетят.

--- Пусть будет так. Не отказывай себе ни в чем.

--- Слушаюсь, командор. Могу ли я спросить, что вы планируете?

--- Очевидное.

Пока Сарнедон собирал силы, а сервы-рабочие надрывали спины под галогеновым светом оружейной палубы, командор Кэон утер.

Капеллан Уктинос провел похоронные обряды почти в одиночестве. В случае такой смерти много народу не требовалось, к тому же остальные были заняты подготовкой к обороне. Присутствовали только Михайрас и аптекарий Паллас. Церемония прошла быстро, как будто на поле боя: Уктинос монотонно, почти скороговоркой прочитал песнь о Кэоне, перечислив подвиги командора. Жизнь ветерана оказалась достойной эпоса Оргена, а его дневники, вести которых были обязаны все десантники, станет частью общего летописного свода. Паллас со всеми приличествующими церемониями извлек железный генокода, оружие усопшего

опечатали и отправили в арсенал. Рано или поздно его выдают очередному послушнику, а когда тот достигнет статуса десантника, капелланы расскажут ему историю Кэона, лишняя раз подчеркивая преемственность и важность призвания, судьбы воина, живущего для славы своего Оргена.

Командору не нашли даже подходящей могилы, перед входом в часовню просто навалили пиратиду из обломков и мусора. А потом все ушли, возвратившись на свои посты.

Меньше чем через двадцать минут после того, как Лигрис поклялся, что приведет боевую платформу в рабочее состояние, вокруг церкви Узера собралось около сотни Успивающих Души. Все понимали, что происходит, знали, на что идут, возможно, придется пойти ради собственной защиты, на лицах многих застыла печать странной, мрачной тоски.

Но смерть Кэона и потеря Копья ожесточили их разум, Сарнедон видел гордость, блеспевшую в глазах своих воинов. Скорее всего никому из

десантников не нравилась перспектива
поднять оружие против слуг Умне-риута,
но они были уверены, что честь превыше
жизни. Библиарий чувствовал надежду,
тлеющую затаенными углами в их глазах,
что Agentus Механикус раскаются в
собственной глупости, осознают свою
ошибку и отдадут Конье Души. Когда
артефакт попадет к ним в руки, а сами
Успивающие Души вернутся на корабль,
оскорбление можно будет считать
стытым.

Сарнедон втайне радовался, что
сержант Теллос сейчас стоит вместе с
ними. Его неистовый напор в битве,
кровавая жажда победы заражали других,
он уже давно стал талисманом для
штурмовиков, которых в окружающей
новоявленного командора толпе было
большинство. Гивриллан также решил
участвовать в операции. Внутренний,
надежный человек, на него можно
положиться в случае, если начнется
безумие. Большинство тактиков
останутся обеспечивать оборону форта.
Атакующая сотня, состоящая в основном

из наступательных подразделений и нескольких специалистов, оказалась самой быстрой и самой смертоносной из всех, что когда-либо встречались Сарнедону. У них, эти совершенные воины, подчиняются ему. Он ими командует. Смерть Кэона, конечно, трагедия, но он уже умер, и не надо лишний раз поминать прошлое. Сарнедон поведет своих братьев, пусть не в бой, пусть просто показать силам Администратума реальность угрозы. Библиарий вспомнил тот прилив гордости, который обуял его, когда он только вошел в ряды Успивающих Души. Знать, что сейчас эти люди смотрят на него, как он сам смотрел на командора Кэона или на самого магистра Оргена Торголеона... Просто неописуемо.

Сарнедон не мог читать чужие мысли, но все равно чувствовал готовность воинов, стоящих перед ним, вселить страх перед Императором в своих противников. Они все видели то оскорбление, которое им нанесли техножрецы, и сейчас желали поставить техникусов на колени. И если кто-нибудь осмелится сопротивляться,

они преподадут ему урок всемирной силы, имеющимися в их распоряжении, они покажут, что бывает с теми, кто выступает против Успивающих Души.

--- Лигрис здесь, командор. --- Голос техника раздался в бусине передатчика. --- Устремители старые, но в космос выйдут, в них достаточно горючего для полета в один конец. Можно взять на борт сто двадцать десантников, если снять большинство оружейных систем.

--- Нас всего около сотни, не надо экономить на вооружении. Выбери пилотов, если еще не сделал этого.

Сколько тебе нужно времени?

--- Два часа.

За два часа бурильные ракеты проложат себе путь в сердце форта и взорвутся там или магнакластерные бомбы прольют смертельный заряд осколочных торпед на его поверхность.

--- У тебя есть один.

--- Слушаюсь, командор.

--- Сержант Теллос! --- рывнул Сарпедон, повернувшись к собравшимся десанникам. --- Я хочу, чтобы ты разбил

группы на отряды по восемь человек, по крайней мере одно плазменное оружие в каждом. Возьмите с собой столько телтаблов, сколько сможете унести. Организация отрядов на твое усмотрение. Все приготовления следует закончить в течение часа.

Теллос отдал честь и принялся собирать автономные отряды, каждый со своим командиром, техногесантником или аптекарем. Впереди их ждала возможная битва в неизвестном и непредсказуемом окружении, где каждый боец должен действовать, полагаясь только на собственные силы.

Это была первая полноценная операция, проходившая под командованием Сарнегона, и он понимал, насколько она рискованная. Если Агентус Механикус начнет сопротивляться, то прольется много крови, а многие боевые братья умрут.

Но даже если такой совершенно невозможный вариант развития событий случится, Успивающие Души будут сражаться с честью и вернут Конье Души.

Невзирая на все обстоятельства, в душе библиария все еще билась надежда, что оскорбление будет стерто, все недоразумения останутся в прошлом, а Сарнедон вернется на корабль со священной реликвией в руках.

Дениятос писал: «Когда вокруг царит тьма, а любой путь отмечен кровью и озажен огнями битвы, всегда остается надежда».

Но до этого не дойдет. Механикусы не станут драться с космогесантниками, одно имя которых внушает противникам ужас. До этого не дойдет.

Человеческая жизнь в Шестерках. Полное имя подразделения состояло из двенадцати букв и символов, говоривших о его размерах, составе и расположении базового лагеря на борту 674-XU8. Только техножрецы, магистры команды и старшие офицеры, нетерпеливо ждущие своего посвящения в ранг жрецов, помнили его полностью. Логическая цепочка начиналась с цифры шесть, и бойцы всегда называли себя Шестерками.

Кив был Шестеркой всю свою жизнь.

как и большинство технозвардейцев. Во
время редких набегов на населенные миры
он всегда тревожился и страшился того,
как люди строили свою жизнь. Ему
вручили гранатомет еще в детстве, когда
только подключили нейроразъемы в
основание черепа, а потом
усовершенствовали до технозвардейца. Он
знал свой темп огня до десятой доли
секунды и расстояние, на котором
электромагнитические импульсы и плазма
фотонов сохраняли эффективность. Он
знал, что вот под этим определенным
углом может запустить осколочную
гранату, а она аккуратно пройдет между
переборками управляющей палубы
«Гериона» и попадет прямо в горло
атакующему. Платформу полностью
обогрели, а затем отремонтировали так,
что ни одного первоначального
компонента не осталось, но сохранился дух
машин, с которыми Кив говорил трижды в
день во время обязательного Ритуала
Эксплуатации. У архимагоса Хоботова
существовала такая же общность с
огромным и сложным комплексом корабля.

она давала ему глубокое священное
понимание упорядоченной Вселенной,
которую магистры создавали своим
трудом.

Великий дух логики,
противостоящий случайному хаосу
Вселенной, -- Омниссия, Бог-Машина,
защитник разума и знания. Кив
предполагал, что Омниссия и Бог-
Император -- просто две стороны одной
медали, хотя магистры, когда он задавал
им этот вопрос, постоянно уходили от
ответа. Наверное, выводы подрастергали
под собой концепции, которые ему просто
не понять.

-- Выше головы, Шестерки! Боевой
протокол номер девяносто три, жесткая
оборона и отражение -- Голос жреца-
полковника Клайдена, грохоча,
перекатывался по палубам, каждый
Шестерка на управляющей палубе
пробудился от своих снов. -- Действуйте,
собаки, действуйте!

Через секунду завывли сирены, статус
командующего позволял проникать на
элементарные уровни духа машины и

предсказывать важные решения корабля.

Батальон Шестерок в полном составе перевели на артиллерийскую платформу перед запуском. Сейчас каждый был наготове, все заряжали оружие, вокруг стояли кофры с боеприпасами, солдаты поспешно натягивали пуленепробиваемые доспехи. Подразделения вывели даже на поверхность платформы. Огромный ствол пушки призраком маячил вверху, далеко выступаая над верхней границей корпуса, но массивные гасители отката и боеприпасы располагались в середине платформы, и именно на этой стальной горе разместились основные силы техногвардейцев, организуя оборону.

Бой. Кив видел его много раз, и его постоянно угручали неминутная случайность и хаос, царящие на поле сражения. Это чувство походило на праведную решимость, с которой техногвардейцы и другие боевые подразделения Агентус Механикус брались за оружие и старались одержать победу, дабы превосходящая все и вся логика, построенная ими, сохранилась в

неприкосновенности, а беспорядочные волны битвы отхлынули назад. Кив надел тяжелый пуленепробиваемый плащ и затанул на уровне колен ремни высоких ботинок, защищавших ноги и ступни от осколочных гранат. Он поднял металлический цилиндр гранатомета, знакомый ему так же, как и обыкновенная конечность, вытащил провода из устройства прицеливания и подключил их к разъемам в своем черепе, мгновенно слившись с машиной, ощущая систему наведения оружия собственным вестибулярным аппаратом, температуру ствола — кожей, а количество гранат в магазине — как полному желудку. По сравнению с операциями, через которые проходили архимагосы Agentus Механикус, имплантаты, встроенные в техногвардейца, были очень простыми, но все равно помогли Киву чувствовать хотя бы отдаленное подобие экстаза полного единения с машиной.

— Подсистема девять! Перейти и развернуть оборону! — пришел сверхусиленный динамиком голос Клайдена.

Подсистема девять была участком мобильного отряда Кива.

Рядом пробежал техногвардеец, волоча за собой тележку с телмаганатами, плазменными винтовками и хеллганатами. Механикусы подходили к сражению по особому, каждому оружию отводилось свое собственное место, чтобы разрушительная сила гранатомета Кива, урон, наносимый энергетическим оружием, и огонь хеллганов создавали точную и эффективную боевую машину.

Пришел страх. Но это был хороший страх, походивший на ритуал диагностики, он проверял каждую цепь мозга, вычисляя слабые звенья трусости. Их не нашлось. Кив -- Шестерка всю свою жизнь, а Шестерки не утирают. Они ломаются.

-- Засечены множественные сигналы, -- прогремел голос духа машины, живущего в артиллерийской платформе. Он был частью 674-XU8, и в нем звучали столь знакомые всем техногвардейцам властные нотки. -- Векторы приближения подтверждены. Приготовьтесь к высадке в

свенадцатый сектор.

Враг, кем бы он ни был, наверное, думал, что подлетает незаметно, что нанесет неожиданный удар. Но дух, контролировавший «Герион», обладал такой же пронизательностью, как и его родитель на 674-XU8. Никто не мог приблизиться к пушке незаметным. Атакующих встретят готовая к бою армия техногвардейцев и оружейные системы полностью контролирующей ситуацию орбитальной платформы.

Высоко над управляющей палубой другие подразделения техногвардейцев карабкались по загрузочным подъемникам и кранам, подающим снаряды, готовые дорого продать свои жизни, но не допустить проникновения беспорядка на шедевр мысли, каким являлся «Герион».

Артиллерийская платформа класса «Герион» сверкала серебристым бриллиантом на фоне костической черноты, отражая свет планеты Лакония. Сарпедон наблюдал за ней сквозь стекло иллюминатора, покрытого грязью, накопившейся за много лет. Плоть

истребителя-бомбардировщика «Разящий
молот» содрогалась вокруг командора по
мере того, как пилот вел машину к цели.

На корабле, кроме Сарнедона,
находились еще девять десантников под
командованием сержанта Гивриллиана.
Еще одиннадцать истребителей,
«Разящих молотов» и «Охотников за
скальпатами», стремительно, рассыпным
строем приближались к «Гериону». Они
рассядутся по всему периметру
платформы, войдут в нее с двенадцати
разных сторон, уже внутри свяжутся друг с
другом и установят контроль над
оружием. Как только пушка окажется в их
руках, у Агентус Механикус не останется
другого выбора, кроме как вернуть Копье
Души. Затем два крейсера Оргена спокойно
поглотят к форту и заберут Успивающих
Души с платформы и еще около двух сотен
воинов, оставшихся внизу.

— Но нам стреляют! — затрещал в
передатчике голос пилота-серва.

Сарнедон взглянул на голопроектор,
установленный посредине трюма, и увидел,
что тревожным красным цветом горит

руна подразделения Фогеля.

--- Фогель, сообщи детали.

--- Массированный лазерный огонь, ---
сообщил пилот-серв, его голос страшно
искажился из-за неожиданных статических
помех.

Командор посмотрел сквозь толстое
стекло иллюминатора наружу и увидел
рубиново-красные лазерные полосы, идущие
от платформы, пущенные прямо в сторону
серебряных вспышек, наступательных
кораблей Успивающих Души.

Несмотря ни на что, несмотря на
законы чести, традиции, да просто самую
обычную верность общему делу, Agentys
Механикус начали сопротивляться. Это
должна была быть всего лишь
демонстрация силы, молниеносный рейд,
бескровный захват артиллерийской
платформы, но техножрецы решили
ввязаться в драку.

Пока готовилась операция, в душе
Сарнегона не переставая копошился
червячок сомнения. Те, кто не побоялся
обокрасть избранных Императора,
просто так не отступятся, они будут

сражаться. Он утешал себя мыслью, что человек в здравом уме никогда не поднимет оружие против Успивающих Души, но, похоже, им противостояли безумцы.

В чернильной тьме костоса вдруг разгорелась ослепительная вспышка, и связь с подразделением Фогеля прервалась. В эфире заскрежетали помехи. Луч лазера рассек серебряный кораблик, и тот свалился на быстро приближающуюся платформу. Шесть отличных десантников погибли мгновенно, когда «Охотник за скальпатами» развернулся от взрыва, косым крылом задел угол платформы и, кувыркаясь, врезался в стойку опоры. Его разнесло на куски, топливо расплескалось, а обломки разлетелись вокруг механизма, поддерживающего огромный ствол пушки наверху.

Две раны еще горели — десантника из взвода нападения и аптекаря. Они зацепились за корпус платформы, спиной к вакууму, посреди озера горящего топлива, наблюдая, как спускаются остальные.

Сарнегон смотрел, как шесть десантников жизни, поморгав, погасли на командной голопанели.

Первые потери под его командованием.

«Разящий молот» страшно содрогнулся — Гивриллан и шесть десантников его подразделения зацепились за балки и стойки грузопассажирского отделения корабля. В иллюминаторе уже показались огромная металлическая поверхность артиллерийской платформы и колоссальная туша самой пушки. В ее гигантском жерле могли скрываться все его корабли, а за свою долгую жизнь библиарий видел города меньшие по размеру, чем паутина откатогасителей, теснившихся вокруг основания. Еще три истребителя нырнули вниз, натереваясь сесть на широкую поверхность между антеннами сенсориума и соплами двигателей поворота.

Очевидное предательство Агентус Механикус стоило жизней Успивающих Души, с которыми не мог сравниться ни один техножрец. Каждый десантник знал

об этом, как здесь, так и внизу, в звездном
форме. Потеря боевых братьев только
ожесточит их сердца, хотя сейчас они
шептали молитвы Дорну, прося за души
погибших.

Сарнегон чувствовал их гнев, ибо он
был внутри него, отливаясь в холодную
решиимость. Это война, все-таки война.
Механикусов придется убивать, силой
возвращать священную реликвию. Честь
требовала, чтобы преступники ответили
за свои грехи.

Защитники привели в действие все
оборонительные системы, вокруг мелькали
ракеты и лучи лазеров. Яркие разряды
энергии пронеслись рядом с
иллюминатором, когда сервитор
истребителя захватил цель и открыл
огонь. Сарнегон недоумевал, почему
защитники «Гериона» не понимают, что
Успивающие Души летят просто
установить контроль над платформой. В
ином случае они не стали бы атаковать
так глупо, в лоб, а облетели бы с другой
стороны, взорвали колонны двигателей и
склады боеприпасов, и тогда от проклятой

пушки осталась бы гряда обломков.

В них едва не попали, корабль
тряхнуло, десантники попытались
удержаться в условиях нулевой
гравитации. Впереди затаячила
платформа --- они стремительно
поглетали к огромной металлической
поверхности, два истребителя рядом. За
боем двигателя Сарнегон слышал свист и
треск лазерных зарядов, проносящихся
мимо и обжигающих корпус.

Погбили «Разящий молот», ему
отрезало одно крыло, корабль под углом
обрушился на платформу. Командор не
видел взрыва, но еще девять датчиков
жизни мигнули и погасли.

Потом пилот-серв резко направил
истребитель вниз. Наступала финальная
стадия полета, внизу проносились холмы и
долины стального пейзажа, над ними, в
черноте костоса, огненными цветками
распускались ракеты.

Корабль грохнулся прямо на брюхо,
пилот использовал столкновение, чтобы
замедлить падение, --- на «Разящем
молоте» плохо работали реверсивные

сблизатели. Шум стоял ужасный --- скрежет металла, который, казалось, никогда не кончится, треск опор. Обшивка корпуса под давлением расползлась, как сдираемая кожа. Пол истребителя выгнулся и прорвался, а плиты корпуса платформы, повисшие под удар, разлетелись в разные стороны, когда отсек затрясся, как будто повис в кулаке великана. Сарнедон заглянул в кабину пилота, тот боролся с управлением, вакуумный щит из-за падения раскололся на куски. К тому времени воздух из корабля уже улетучился, а респираторный капюшон серва затуманился от пота.

Истребитель остановился. Свет погас, и только командная голопанель светилась слазыанным зеленым пятном в темноте.

--- Доложить о повреждениях!

Взвод откликнулся. Все остались живы. Серв, если выживет, будет соответственно вознагражден по возвращении.

--- Дверь шлюза заело, --- выдохнул пилот.

--- Вытащи нас отсюда, --- приказал Гивриллиан, взглянув на Такса. Тот стоял в хвостовой части трюма.

Гравитация восстановилась, они вошли в силовое поле платформы, а Такс выступил вперед, держа в руках лазерный резак. Такое приспособление входило в оснащение каждого истребителя. Пока он беззвучно вырезал большую дыру в обшивке, тишину заполнил звон распарываемого корпуса «Разящего молота». Передатчики слабо шипели, механикусы подавили радиосвязь, и пришлось перейти на обычные разговоры, для чего был необходим воздух.

Кусок обшивки выпал наружу, и Сарпедон увидел поле битвы. Холмистое пространство склепанных плит корпуса, кое-где его пронзали какие-то механические приспособления и неуклюжие горы ангаров для техники. Мощный ствол пушки нарисовался высоко над ними, угрожающий и мрачный. От него отражался мерцающий свет ослепительного диска Лаконики, а дальше виднелись звезды.

Гивриллиан встал рядом, болтер на
изготовку, десантники резво выбирались из
изувеченного истребителя.

--- Похоже, туннель для боеприпасов
располагается где-то в полукилометре,
если идти на запад. Подойдет для входа?

--- Веди нас, сержант.

Десантники быстро продвигались по
платформе, составив кордон вокруг
Сарнегона. Так с его плазмаганом шел
впереди, а двое Успивающих Души
прикрывали тыл группы, готовые
встретить огнем любую неожиданность.

Туннель подachi снарядов оказался
большим открытым квадратным люком,
перечеркнутым чересполосицей
металлических перекладин, и вел в
неизвестность. Вполне возможно, его
специально оставили открытым,
подготовив атакующую ловушку.

Хорошо. Пусть попробуют. Пусть
узнают, что бывает, когда скрещиваешь
мечи с Успивающими Души.

Сарнегон переключил передатчик на
командную частоту. До боли знакомый гул
и крики битвы полились в уши:

--- Подразделение фогеля погибло. У
меня визуальное...

--- ...приземлились тяжело,
множественные повреждения, направляется
ко второму шлюзу...

--- ...противоперезгрузочные скафандры
и энергетическое оружие, попали под
огонь...

Они уже теряли людей. Но в
предприятии такой сложности риск был
запланированным. Когда они окажутся в
гуще врагов и смогут ответить,
техники заговорят по-другому. Если бы
существовал иной путь решения проблемы,
Сарпедон с радостью выбрал бы его. Но
других не было. Воры, недостойные носить
эмблему с имперским орлом, вынудили их
отвечать смертью на смерть. И сейчас
предатели просто лишний раз показали
всю глубину позора, в которую загнала их
скверна.

Библиарий задержался на этой
мысли, стал лелеять ее --- Чистота через
ненависть. Гордость через ярость. Слова
воина-философа Дениятоса, написанные
восемь тысяч лет назад на страницах

«Боевых Катехизисов», — скала в море войны.

«Чистота через ненависть. Гордость через ярость. Пусть огонь внутри тебя зажжет все вокруг».

Картина прояснялась. Первый истребитель сел неповрежденным, экипаж получил только несколько ран. Следующие попали под оборонный огонь, два корабля подбили, погибло около четырнадцати десантников. Среди них атакующее подразделение сержанта Фогеля и один техдесантник. От еще двух кораблей сообщений не поступало.

Подразделение Теллоса уже было внутри, появившись в главном проходе и пробив огромную брешь в рядах защитников мелтаболбатами и зарядами болтеров. На фоне криков хорошо слышался узнаваемый рык цепных мечей, рассекавших тела.

Лазерный огонь бесшумно бортомал над их головой, а отряд Гивриллиана застыл у входа в грузовой отсек. Гранаты с корнем вырвали несколько плит для обеспечения прохода. Частишки металла,

взметнувшись от взрыва в полном вакууме, причудливо застыли на лету.

--- Вперед! Вперед!

Десантники быстро запрыгнули в шахту. Такс первым, Гивриллиан и Сарнедон следом. Туннель оказался извилистым и вел в сердце платформы. Испивающие Души старались держать шаг. На голоплате засветился план платформы --- шахта шла вдоль массивных механизмов зарядки «Гериона» и откатогасителей прямо к палубе управления, где десантники смогут оглядеться и захватить оружие. Они двигались в правильном направлении.

--- Сигналы не проходят, --- послышался голос Гивриллиана из темноты. --- Помехи.

Еще глубже, по кишкам огромной машины. Через решетки по бокам шахты улучшенное зрение Сарнедо на улавливало движение массивных шестеренок, ритмичные удары поршней. В наушниках раздавались обрывки голосов, но по ним можно было понять только то, что схватка уже началась. Через помехи прорвался ликующий голос Теллоса.

--- Контакт! --- слышался крик снизу, а через секунду мощная взрывная волна пронеслась по туннелю.

Атмосфера. Тут должны быть техногвардейцы.

Яркое свечение плазматана Такса волнами разлилось внизу. С двух сторон затрещал огонь. Сарнедон сорвал шлем, почувствовав вкус масляного воздуха во рту, и проскользнул вниз.

--- За Дорна! --- закричал он, воздев над головой энергетический посох.

Контакт.

Ветер завыл в шахте, когда техногвардеец Грик повернул ручку насоса. Дух машины 674-XU8 говорил с платформой, вдыхавшей атмосферу в грузовой трюм, Шестерки могли сражаться, не боясь смерти в вакууме. Пока они были внутри «Гериона», то были уверены: поле боя на их стороне.

Грузовая шахта, сквозь которую проник враг, выходила прямо в горловину механизма распределения боеприпасов, все машинные блоки из отполированного металла были испещрены бронзовыми

иконами и вырезанными молитвами. Огромные шестерни за спиной двигались, периодически создавая огромную засасывающую воронку, втягивающую ракеты в казенник «Гериона». Механикусы переменили направление всасывания, а сами поднялись наверх, готовясь встретить атакующих. Они создали Успивающим Души лишнюю преграду, создав практически непробиваемый воздушный поток.

Боевой отряд из двадцати техногвардейцев распределился вокруг выхода из шахты, лучи фонарей устремлены в изогнутую трубу. Клайден поднял руку, и они затолчали, прислушиваясь.

В шахте раздался крик. Паника, без сомнения. Атакующие поняли, что их обнаружили, и теперь скорее всего карабкаются назад, пытаясь найти выход из ловушки.

Кулак сожмулся. Успех.

Оба Шестерки-огнеметчика поспешили вперед, направив стволы орудий в отверстие туннеля. После того как они

все обрабатывают пламенем, подключаются техногвардейцы с хеллганатами и телтаганатами, уничтожая выживших после предварительной зачистки.

Неожиданно из темного отверстия с диким ревом вырвался плазменный заряд, стрела ослепительно обжигающего жидкого огня, пронзив огнеметчиков и растворив одного на месте.

Края глаза Кив увидел захватчиков — блеск пурпурного кератита, на котором ярко отсвечивались вспышки жара, мерцание нефритово-зеленых глаз, сияние костей.

Второй техногвардеец потерял половину тела, кости руки каплями сочились на пол, ребра сожжены начисто. Он увидел атакующих, как только плазмаган выстрелил.

— Космогесантники, — прохрипел несчастный и умер.

— Давай спутывающие бомбы! — закричал Клайден, когда из трубы вылетел заряд болтера и прожег несколько дыр в техногвардейце, рикошетом отскочив от распределителя.

Кив понимал, что теперь вся надежда только на него, его гранаты электромагнитным ударом могли временно лишить десантников подвижности, оглушив их и повредив силовые доспехи. Он хотел закричать вместе со своим гранатометом, посылая на Успивающих Души волны гнева, ослепляя их, спутывая суставы ненавистного пурпурного керамика. Вокруг утирали Шестерки, одному шаром заряда вонзился в горло и начисто оторвал голову. Разряды резали края пуленепробиваемого плаща Кива, трещали в ушах разрывы, а оружейный дым кольцами вился в воздухе.

Он прицелился, изготовился выпустить гранату в горловину шахты, прямо в массивные фигуры нападших, вбить ее в их лица. Гранатомет сам вел его палец к курку.

За порядок. За логику. За Отниссию.

Потрескивающий посох из рунного дерева неожиданно вырвался из шахты и вонзился Киву в глаз.

Первый враг, который попался

Сарнедону, оказался бледным, наголо бритым техногвардейцем, облаченным в красно-коричневый пуленепробиваемый плащ, с кожей, испещренной проводами и интерфейсами. У него было трогательно юное лицо, ярко контрастировавшее с выражением решимости и гнева, искажившим черты. Тело легко соскользнуло с силового посоха, стоило библиарию слегка повернуть кисть.

С дюжину механикусов все еще сражались, а десантники до сих пор понятия не имели, сколько же человек обороняет платформу. Сотня? Тысяча? Пять тысяч? Сколько людей придется уничтожить Испивающим Души, прежде чем будет гарантирована безопасность их чести и жизни?

Сарнедон на секунду задумался, но потом решил, что это не имеет значения. Техногвардейцы всего лишь люди. И не более.

Он окунулся в гущу схватки, сзади из шахты выпрыгивали десантники с болтерами наперевес. Библиарию выпустил три заряда в грудь ближайшего

механикуса, упала на пол отрезанная по локоть рука с зажатым в ней хеллганом.

Гивриллиан на полной скорости врезался в полча бионического предводителя техногвардейцев, повалил его на пол и разможил голову прикладом болтера. Изогнутая рука впилась в наплечники доспеха сержанта, вырывая целые пригоршни керамики, добираясь до плоти, пока десантник не пробил кулаком грудную клетку противника.

Другой брат стащил Гивриллиана с тела врага, а Такс спокойно выстрелил в спину механикусам, отступавшим, скрываясь за массивными стальными опорами. Одного заряд пронзил насквозь, на других попали капли раскаленной плазмы, и они упали, крича от невыносимой боли. Десантники быстро продвигались вглубь машины, справляясь с техногвардейцами до того, как те успевали раскрыть рот.

Сарнедон добил последнего раненого механикуса посохом.

--- Обеспечить сохранность точки входа, командор? --- спросил Гивриллиан.

Библиарий указал на широкий

темный туннель, идущий вниз.

— Нет времени, сержант. Надо продолжать движение, помни о цели.

Пол согнулся так, как будто со стальных небес ударил гром. С вибрирующих стен слетали хлопья ржавчины, а огромные глыбы железа стали сдвигаться. Между ними открылись проходы, и Сарпедон увидел, как медленно повернулись шестерни.

Механизм активировался.
Десантник поглотил отпрыск 674-XU8.

Никрос, единственный косто десантник, оставшийся в живых после крушения истребителя Фогеля, вместе с аптекарием Диоганом каким-то образом удалось отыскать дополнительный склад боеприпасов и установить там мины замедленного действия. Правда, на этом их удача закончилась. Застигнутые врасплох отрядом осадных инженеров, Диоган погиб от огня болтеров, а Никрос получил серьезное ранение.

После этого сработали таймеры, и взрыв выграл огромный кусок из тела

платформы, испепелив все живое на
расстоянии двухсот метров вокруг.
Несколько дюжин техногвардейцев погибли
из-за разгерметизации, не успев надеть
скафандры. Когда переборки закрылись,
ликвидировав утечку, на личном счету
Никроса и Диогана оказалось около
трехсот убитых защитников «Гериона».

Подразделение сержанта Грэвуса
вместе с еще двумя взводами — одним
атакующим, другим тактическим —
захватили огромную посадочную зону в
углу платформы, обращенном к солнцу.
Они действовали, ни на шаг не отступая
от канонов, изложенных в «Боевых
Катехизисах», или гордился бы сам
Дениатос. Грэвус ворвался на огневую
позицию противника, как в укрепленный
город. Разя направо и налево, десантники с
легкостью проложили себе путь к
огромному сплетению проводов и
датчиков, в котором жила часть духа 674-
ХУ8. Отряды техногвардейцев не могли
стрелять, опасаясь повредить священные
когитаторы и средства передачи знаний,
поэтому набросились на Испивающих Души

с голыми руками.

Грэвус, хладнокровный убийца, только устехнулся, глядя на столь нелепую выходку. Он разделался с механикусами несколькими ударами силового топора, пока техногесантник Лигрис устанавливал связь между духом машины и контрольными системами «Гериона».

Отряд Теллоса пробился сквозь поверхность платформы с помощью телтаболб и соскользнул в гущу техногвардейцев, готовящихся к обороне на обширной палубе управления с высокими потолком. Подразделение вырезало себе плацдарм на поршнях отката, сделав его фокусной точкой для развития наступления.

Теллос стоял на холме из трунов механикусов, вокруг него нитом полыхала энергия, сверкали лучи лазеров, а позади с потолка сыпались гесантники, стреляли, резали, убивали. Защитники «Гериона» скармливали все больше и больше людей всепожирающей воронке смерти, которую создал вокруг себя сержант. Он принял решение истощить живую силу

противника, перевести огонь на себя, пока
разрозненные отряды Успивающих Душ
решают более важные вопросы.

Машина изрыгнула Сарнегона и
подразделение Гивриллиана в приемник
стазочных материалов. Они прошли
половину пути по огромным гасителям
отката. Металлические жвала
раскрылись перед ними, и десантники
вошли в скользкий коридор, темно-зеленая
стазка дождет лилась с потолка. Брата
Дошана засосало в зияющую черную дыру,
прежде чем Гивриллиан успел схватить
его, погрузив ботинки госпехов в
окрашенный металл и прекратить
скольжение.

Сарнегон подтянулся на руках так,
чтобы его глаза находились на уровне
траншеи распределителя, и посмотрел
вниз.

До главной палубы было где-то сто
пятьдесят метров. С одной стороны
вздымалась полусфера огня, где минуту
назад взорвались боеприпасы. В воздухе
стоял густой дым, а беспорядочные группы
техногвардейцев пытались

скоординировать огонь. Ниже находился
отсек, разделенный на комнаты и
коридоры без крыши, забитый
механикусами, стремительно
двигавшимися к центру.

К склепу. Тела лежали так плотно,
что защитникам приходилось взбираться
на трупы погибших — только чтобы
попасть под огонь десантников.
Тактические отряды, организовавшие
завал, открывали ураганный огонь, стоило
показаться очередной группе противников,
бесполезно стрелявших в подразделение
атакующих космодесантников.

Разумеется, во главе бойни стоял
Теллос. Волосы спутаны, доспехи
потемнели от крови. Она текла по его
обнаженному лицу и дождем лилась с
вращающихся зубцов цепного меча.
Сарпедон увидел, как он одним ударом
сразил двоих, проигнорировав выстрел из
хеллгана, выжегший в доспехах целые
каналы, похожие на отметины когтей.

— Связь восстановлена, сэр! — крикнул
Гивриллан. — Лигрис докладывает, что
установил контакт с духом машины!

--- Скажи ему, пусть держит нас в курсе. Мы тут пока держимся.

--- Принято, командор.

Лизрис --- хороший техник. Он знает, что делать.

Каждая битва трудна по-своему. Сражение в звездном форте было трудным, но это оказалось намного страшнее. Мутанты Ван Скорвольдов дрались храбро, но за них все решили отсутствие должной подготовки и недостаток вооружения. Техногвардейцы же были регулярными войсками, экипированными самыми последними разработками Агентус Механикус. Звездный форт --- всего лишь репетиция, время для настоящей схватки пришло только сейчас.

--- За мной! --- закричал Сарнедон, и подразделение Гивриллиана рванулось за ним, как только ближайший отряд техногвардейцев заметил их и открыл огонь.

Для этого он родился. Вот почему Император взглянул на него и отметил печатью воина. Великая Жатва Испивающих Души заметила его, сильного

и отважного юношу, обреченного на превосходство, не испугавшегося даже бронированных гигантов, спустившихся со своего корабля, чтобы судить его.

Сражаться. Купаться в крови своих врагов, знать, что каждый разрез, удар, выпущенная пуля ведут к счастью человечества, к великой славе Империи.

Вот для чего родился Теллос.

Техногвардейцы быстро учились, как и все, кому приходится учиться, чтобы выжить. На их стороне были скорострельные энергетические винтовки высокой мощности, и они атаковали плацдарм десантников сразу со всех сторон. Теллос, как и любой Испивающий Души, знал, какую силу имеет психология во время битвы, поэтому выбрал одну линию врага, полностью ее уничтожил и оставил других с ужасом глазеть на зияющую дыру в своих рядах. Они заколебались, повернули. А потом умерли, ибо самое опасное, что может сделать в бою воин, — это развернуться и побежать.

Он нырнул в гущу схватки. Лезвие мелькнуло над головами техногвардейцев.

два из которых держали в руках автоматную пушку с бронзовым стволом. Теллос ударил плечом, сжав чью-то грудную клетку, цепной меч срезал кому-то ноги, боевой нож, который держал в левой руке, он загнал в подбородок командира расчета, провернул лезвие и одним резким движением вытащил, — почувствовав, как с хрустом подгались хрящи. Челюсть противника упала на пол. Забил фонтан крови.

Руку пронзила острая боль — заряд из хеллгана, точный и мощный, прошел сквозь плускулы. В вены хлынули болеутолители. Теллос рассек обидчика широким ударом сверху вниз, приемом новичка, который позволил бы любому другому врагу, не будь тот оглушен и напуган, пронзить грудную клетку десантника.

Он знал, что уже проигрывает, нервы напуганы, лохмотья, тело просто не успевает регистрировать повреждения. Иногда на войне находится место элегантности и поединкам, но эта схватка с самого начала походила на кровавую резню.

Теллос любил все — изысканное искусство благородной дуэли и славный натиск праведного побоища. Он любил их еще до того, как корабли Великой Жатвы пришли в его мир. Поэтому стал избранным.

За ним следовали десантники, стреляя из болтеров в спину убегающим и быстро убивая любого, находящегося поблизости. Над головой Успивающих Души проносились снаряды, посылаемые тактиками из тыла, они разрывались о переборки, окатывая техногвардейцев волнами пламени так, что те даже не могли поднять головы.

Несколько энергетических разрядов вырвались из какого-то невидного Теллосу укрытия и практически разрезали пополам стоящего рядом с ним десантника. Другой получил скверную рану в живот из лазера, его оттащили назад. Нападающим пришлось срочно перегруппироваться, пока их не окружили.

Они утирали. От подразделения Теллоса уже осталась половина. Только несколько из выбывших снова смогут

стать в строй — великолепная техника
противника наносила серьезные и
непоправимые повреждения. Паллас,
апотекарий, действующий в связке с
тактиками, вырезал у мертвых
прогеноиды и штопал раны тем, кто еще
мог выжить.

Но они забрали с собой сотню, а
может, даже тысячу врагов, хотя еще
много техногвардейцев оставалось на
платформе. Десантников тяжело убить,
тяжело нанести им удар, и, хотя сам
Теллос уже истекал кровью от дюжины
нанесенных ему ран, он, как никогда, рвался
крушить все вокруг себя. Может быть, им
суждено умереть здесь. Всем. Но они все
равно победят.

Сзади кто-то крикнул, и Теллос с
ужасом понял, что никогда не слышал из
уст своих братьев вопля такой агонии.
Подразделение Ворца попало под
неожиданную атаку. Автоматическая
сержанта заметили вспышку, но поток
искр, дождем сыпавшийся из разрезанного
тела десантника, все равно ошеломял.
Защитники платформы зашли им в тыл.

соскакивая со стен и консолей, бесчувственные, словно создания Хаоса.

Их было всего шесть, кожа нападавших полыхала спиральными рисунками, сияющими ослепительно синей белизной. Этот огонь мог выжечь глаза обыкновенному человеку. Вспышки молний рассыпались из-под их пальцев, мелькали в глазах, пробежали по обнаженным телам. Они двигались так быстро, что у людей Ворца не было никаких шансов.

Электрожрецы. Теллос никогда не видел их живьем, только слышал легенды о малочисленных фанатиках, стертоносных дервишах культа машин. Он встретился с ними лицом к лицу и принял вызов. Просто не мог иначе.

Одного электрожреца сразил заряд из болтера, прежде чем он spryгнул на пол. Другой попал под удар цепного меча. Остальные неожиданно оказались в самой гуще подразделения Ворца — шлемы взрывались под ударами электрических рук, какого-то костодесантника отшвырнуло на двадцать метров вспышкой выпущенной энергии, из

сочленений изувеченного господина повалил
густой дым.

Теллос выбрал себе одного из
нападавших и начал атаку, парирруя удары
обнаженных рук, сильных, будто сделанных
из пластили. Глаза электрожреца слепот
сияли серебром. Он двигался и прыгал
быстрее любого человека, опережая все
выпады десантника. Механикус
завертелся, поднырнул вниз и схватил
Теллоса за колено. Тот еле удержался на
ногах от боли, пронзившей ногу, и
почувствовал, как обожженная кожа и
мускулы прилипают к внутренней
поверхности господина.

Сержант извернулся, нанес удар, и из
тела жреца хлынул снап искр. Но
противник все еще был жив и искрающимися
пальцами схватил ценной меч прямо за
лезвие. Оружие согнулось, во все
стороны, как шрапнель, полетели зубья
цепи. Теллос ответил ударом ножа, целясь
в пространство между ребрами, туда, где
было сердце еретика, но другая рука
жреца с нечеловеческой силой схватила его
за запястье.

Ток лезвием пронзил сержанта. Он не мог убрать руку, хватка была слишком сильной, как будто кисть облепил магнит. Теллос попытался ударить жреца в лицо обломком меча, но тот поднял вверх другую руку и заткнул цепь. Электричество огнем прошло тело десантника, прежде чем тот в последней попытке сумел освободиться.

Теллос тяжело упал на спину и заметил, как враг поднимается на ноги. Был струями бил из ран, оставленных на его теле ценным мечом. Противник поднял с пола две пурпурные латные перчатки.

Сержант посмотрел, держит ли еще в руках нож, но увидел только обугленные обрубки кистей. Его руки. Жрец держал его руки.

Мир стал белым, в ушах раздался страшный звон. Кто-то схватил его, и Теллос краем глаза увидел белый наплечник. Паллас тащил сержанта подальше от схватки за воротник доспехов, разряжая болтер прямо в лицо электрожреца.

Его руки.

Вот так. Он здесь утрет. Теллос был создан для битвы. Теллос был рожден, чтобы умереть здесь. Изувеченный, окровавленный, в окружении братьев и трунов врагов.

Это не так плохо. Его будут помнить. Но он еще так много может сделать, так много...

Что-то темное и большое возникло перед ним. Вокруг жезла и защитного капюшона вновь прибывшего струилась искрящаяся энергия. Душа Теллоса встрепенулась, он утирал на глазах командира. Его смерть будет славной.

Сарнегон решил дать техногвардейцам то, что они заслуживали. Решил наслать на них Аг.

Чего они боятся? Элементарно. Наво просто понять, чего они хотят. Порядка, логики, плана во Вселенной, Галактике, где будут править согласно законам Бога-Машины. А страх? Беспорядок и анархия, смятение и безумие, хаос, импульсивность, ярость.

Вот он, их аг.

То, что эти люди когда-то называли себя союзниками Успивающих Души, даже облегчило задачу. Предательство в глазах Сарнедона было хуже, чем печать чуждости или скверна мутантов, — оно казалось ему воплощением подлинного зла. Те, кто связал свою жизнь с развратом Хаоса, тоже становились предателями, они шли против Императора, против праведности Вселенной. А измены десантники презирали больше всего.

Вот так, очень просто.

Он позволил Аду пеной излиться с гор трюмов под его ногами и дождем хлынуть с конструкций платформы вверх. Крики умирающих превратились в завывания жаждущих крови, вокруг разлился страдальческий плач и горящей плоти. В воздухе замелькали круги света, переливающиеся невозможными, сводящими с ума цветами, а смертельные пятна ржавчины плесенью расползались под руками огромных призраков разложения.

Техногвардейцы побежали, но электрожрецы только согрогнулись от отерзания и ярости, они зашли слишком

далеко, но не могли сражаться посреди запахов, звуков и образов Хаоса, круживших вокруг них. Остатки подразделения Ворца повалили одного, в воздух взлетели искры, когда ценной меч погрузился в плоть жреца и добрался до гиперактивных внутренних органов.

Сарнегон усилил давление. Стоны ломающихся машин, тающих, как айсберги под лучами солнца, потрясли главную палубу, а в воздухе замелькали слабо светящиеся тени падающих шестеренок и разрывающихся автоматов.

--- Вперед! --- крикнул Паллас, приняв на себя командование среди выживших.

Подразделения Волиса и Гивриллиана подняли болтеры и открыли огонь по угрогнувшим рядом технзвардейцев, пришедших в невыносимый ужас под действием Ага. Стена смертоносных разрядов прокатилась по пуленепробиваемым плащам и усовершенствованным телам. Подоспело подразделение Грэвуса, обрушившись из вентиляционных туннелей прямо на собирающихся с силами осадных инженеров.

Виген был только мерцающий мопор
сержанта, яркий голубой бриллиант, снова
и снова вздымающийся в гуще алого
тумана.

Сарнегон присоединился к трем
выжившим из подразделения Ворца, когда
они встретились вслеп за Волисом к
техникусам, пытавшимся выкатить на
поле боя тяжелую артиллерию. Две
лазерные пушки и одна автомпушка, шесть
единиц obsługi, тридцать
техногвардейцев, укрепившихся за
колоннами блоков памяти когитатора.

— Лигрис! — связался Сарнегон с
техником. — Эта платформа управляется
духом корабля?

— Да, мой лорд.

— Выясни, как он связывается с
командой. Если команда словесная, мне
нужен образец. У тебя двадцать секунд.

Лигрису хватило пятнадцати.

Сарнегон подбежал к подразделению
Ворца, укрьившемся за
энергоустойчивыми плитами. Он уже
знал, что слышат техникусы, когда дух
ташины общается с ними при помощи

громкоговорителей, разбросанных по всей платформе и на основном корабле. Мягкий лужской голос с оттенком аристократического превосходства, обнадеживающе уверенный, спокойный и понимающий. Прекрасно.

Он еще больше усилил психическое давление, едва заметив, как наконецник посоха срезал руку одному из противников, который уже хотел выстрелить из пушки. Все мысли Сарнегона занимал только Аг.

Чего они боялись?

— Умрите! — прогремел голос духа машины. — Умрите! Умрите! Умрите!

Большинство механикусов знали, что происходящее — всего лишь какой-то хитрый трюк, но это не имело значения. Противники замерли, просто не могли понять, как их возлюбленная машина, единственная вещь во всей Вселенной, которой они доверяли, могла повернуться против них.

— Умрите!

И они выполнили приказание. Болтеры Волиса поглотили десятки, ценные мечи подразделение Ворца

расправились с еще большим количеством человек. Сарнедон вырезал двадцать техногвардейцев, беспорядочно палящих в воздух или пытающихся убежать. Они наконец смогли соединиться с Грэвусом, оставляя позади себя усыпанный телами коридор, окружая и убивая паникующих механикусов.

Но даже если они вырежут всех на платформе, боевой флот просто уничтожит их, как только поймет, что пушка захвачена. Всеми своими усилиями они покупали время -- и ничего больше.

Над главной палубой, в темном и холодном комплексе банков памяти, который Грэвус захватил в самом начале атаки, Лигрис и еще несколько десантников разбирали груды запутанных устройств. Сооружение представляло собой скопище когитаторов и банков памяти, соединенных лакированными каналами и бесконечными, извивающимися во всех направлениях кабелями. Стоны умирающих и громкий треск разрядов просачивались с палубы внизу, отражаясь

причудливым эхом в ступенных тенях. Десантники наконец оторвали тусклую металлическую пластину от четырехметрового обелиска когитаторов, обнажив путаницу разноцветных проводов. Лигрис нагнулся и вытащил наружу целую связку.

--- Ну, не будем излишне оригинальничать, --- мрачно сказал он и ножницами своей серворуки перерезал основную кабель, толщиной со среднего человека.

Судорожно затигали лампы, висящие под потолком, а сотни огней в сплетении проводов и когитаторов потухли. Духовные машины отрезали от «Гериона», по крайней мере на какое-то время.

Лигрис вытащил из ранца за спиной интерфейс --- извивающуюся связку проводов, увенчанную острым серебряным шипом. Он редко использовал это устройство, но знал его досконально. Такое слияние с техникой трудно объяснить тем, кто никогда не сталкивался с изучением машинного кюльта. Сейчас десантник хотел сделать то, к чему

обычно готовили только представителей высшего командования, и хотя он был Успивающим Души и лучшим из людей, но все равно содрогался от ужаса, который бы испытал любой техножрец при виде такого святотатства. В любом случае других вариантов просто не существовало.

Лигрис вытащил подходящие для дела кабели передачи данных, пульсирующие от информации, которая бежала по их волокнам, нашел гнездо входа и подключил туда еще один провод, чувствуя, как тот оживает в его руках.

--- Прикройте меня, --- сказал он, взглянув на взвод десантников-тактиков. --- Пару минут я буду без сознания.

--- Бюджет сделано, сэр.

Лигрис взял кабель интерфейса и воткнул шип в нейроразъем на затылке. Глаза его закатились, руки бессильно повисли, но он ничего не заметил. В разуме техника расцвел ослепительно белый бутон знания --- обыкновенный импульс связи обычно просто дезориентировал человека, этот легко мог выжечь мозг. Сквозь Лигриса шел

поток информации с корабля механикусов, ее было слишком много, он не мог даже рассмотреть ее толком, не то что прочесть.

Техник знал, что не может подсоединиться напрямую. Никто не мог. Если такая технология когда-то и существовала, то навсегда осталась в прошлом. Он должен сконцентрироваться, найти системы наведения и запуска, сделать свою работу и уйти.

Помни, за кого ты сражаешься. За Императора. За Дорна.

Казалось, десантник сейчас утонет в потоке информации. Но в конце концов Лигрис засек форму — нечто огромное, сильное и жестокое. Он чувствовал, как пылает этот разум, выплывший из горячей белой реки данных, слышал гулкое биевание виртуального сердца, ощущал зловоние старого железа, словно кровь на губах.

Он искал имя и нашел его: «Герион».

Лигрис знал, что дух машины будет проверять все второстепенные цепи и системы резервирования, стараясь

выследить того, кто постел вторгнуться в его владения. Черный луч, как отблеск фонаря, уже ощупывал глубины систем памяти платформы, охотился. У техника было всего лишь несколько секунд, прежде чем огромная аморфная тьма духа машины найдет его.

Никто, кроме механиков, не знал, что может сделать древняя и могущественная машина с нарушителем ее границ. Лигрис знал, ему крупно повезет, если он отделается только полным стиранием памяти.

«Герион» разверзся перед ним, колоссальный и темный. Техник принялся быстрее карабкаться по бледным кристаллам, которые его разум создал, изображая файлы банков памяти, он прорывался сквозь бесконечные петли кабелей, контрольных интерфейсов, взламывал пластальные двери, которые представлял вместо электронных барьеров жесткой защиты. Лигрис погрузил воображаемые пальцы в твердый металл командной программы, принуждая ее подчиниться своим рукам, чувствуя

гигантскую машину, бормочущие
массивные тени, касающиеся его кожи. Он
приказал огромным перевозчикам
боеприпасов загвинуть гигантские
ракеты весом с танк в казенники.
Охлаждатели, компенсаторы отката, баки
с топливом — все пришло в движение.
Слишком поздно. «Герион» навис над ним,
направив информационный удар такой
силы, что тот должен был взорвать разум,
техника, а схлынув, оставить мозг
лишенный памяти и рассудка. Все кончено.
Лизрис уже практически утер.

Но он совершил то, чего дух машины
ожидал от него в последнюю очередь,
нырнул прямо в черное облако, в дымящую
глотку «Гериона», почувствовав, как его
зловонное дыхание обожгло кожу. Техник
карабкался вверх быстрее любого живого
существа в Галактике, но все равно
каждую секунду ожидал, что «Герион»
сейчас поймает его и сдавит кольцами
информации.

Лизрис пробирался во тьме,
направляясь к лгущемуся черному
безумию нейроцепей, мозгу духа. Он искал

маленькую точку света, связь между
«Герионом» и сенсориумами платформы,
канал, по которому информация о внешней
пустоте вливалась в разум машины.

Быстрее, еще быстрее. Лигрис думал,
что сейчас умрет от перенапряжения. Но
«Герион» не отставал ни на шаг, его
дыхание опаляло спину техника, зубы
заскрежетали, когда десантник нырнул в
мерцающий портал и оказался внутри
сенсорных систем.

Лигрис посмотрел на костос сквозь
огромное око машины. Заметил что-то,
сконцентрировался. Разрешение возросло.
Управляющие башни, оружейные гнезда,
орлиный нос, яркое сияние двигателей.
Имперский линкор, гордый, сильный, ---
большая и такая соблазнительная мишень.

Он взял цель. Он был заряжен.

Он выстрелил.

Артиллерийская платформа класса
«Герион» имеет несколько видов
вооружения. Во-первых, разрушитель звезд,
одну титаническую ракету с
колоссальным радиусом действия,
создающую непосредственную зону за-

граждения, через которую любые атакующие корабли, даже самые маленькие крейсера, не могут пролететь.

Во-вторых, полдюжины вакуумных зарядов, которые распространяют во всех направлениях электромагнитный мусор и импульсные волны. В результате такого взрыва вся территория, попавшая в зону поражения снаряда, становится звездным пыльным полем.

И наконец, около сотни дигранторных ракет, основанных на картечном принципе. Они вызывают временное отключение систем наблюдения и связи, создавая мощную волну помех. Именно такая ракета вылетела из огромной металлической глотки «Гериона» и разорвалась на орбите Имперского флота Хлұра, выпустив на волю десятки цилиндров, забитых электромагнитным сором.

Один ударился о дно «Гигранэ Ко» и с разгона прошел сквозь семь палуб, прежде чем взорваться, посылая тучи волокон и обрывков по коридорам и грузовым трюмам. Более тридцати человек

погибли в момент взрыва, еще около семидесяти задохнулись из-за мусора, заполнившего нижние палубы. Половина воздушных фильтров оказалась забита, и корабль принялся посылать во все стороны призывы о помощи.

Несколько цилиндров разорвалось между звездным фортотом и кораблями флота. «Упорный» и «Византийский дьякон» практически не пострадали, но у них отказали все приборы наружного наблюдения. Два разведывательных корабля, патрулирующих пространство вокруг «Дьякона», лишились управления, у них накрылись серверы и вся компьютерная система. Через несколько часов в машинах закончилось горючее и их экипажи погибли от обморожения.

«Дьякон» быстро ответил на неожиданную атаку, запустив несколько осколочных торпед в направлении поля помех. Боеголовки вышли из строя, как только достигли электромагнитной зоны, и быстро взорвались, лишь добавив шума к общей сумятице.

На мостике «Упорного» одним

мощным импульсом заткнуло все командные системы, загорелись навигационные консоли. За несколько минут все вокруг погрузилось во тьму, жар и смерть. Крики утирающих и рев пламени смешались с шипением экстренных систем пожаротушения, заполнивших зоны огня туманом и пеной.

Команда контроля неисправностей прибыла через три минуты, мускулистые солдаты с ломатами и веревками вытаскивали офицеров и навигаторов-сервиторов из горящего лесива. Когда пожар наконец потушили, выяснилось, что артиллерийская платформа оказалась в рұках Успивающих Души, а маленькие звездолеты засеченные радарам, были отнюдь не кораблями обслуживания.

Стало ясно: десантники решили действовать гораздо более жесткими методами. Прогноз Хлұра не оправдался, но консул решил не упоминать об этом.

Только 674-XUS относительно не пострадал, расположившись так, чтобы иметь полный обзор звездного форта, и использовав все системы подавления для

нейтрализации последствий
электромагнитного удара. К сожалению,
вооружение механиков сейчас оказалось
под контролем Испивающих Души на
орбите Лакони и у них осталась только
пара турелей для оборонительного огня.

Техножрецы 674-XU8 заметили
любопытный факт: на оборонительных
системах звездного форта резко упала
энергия.

--- Репорт о повреждениях! Быстро! У
сенсоры!

Губо Курдья ненавидел, когда вещи
выходили из-под контроля. Он выпрыгнул
из капитанского кресла, обитого темной
кожей, крича на младших офицеров и
логистов, перетинающихся с ноги на ногу в
полусумраке командного мостика.
Большинство ламп взорвалось, только
мерцали экраны конструкторов. Завитки
белого дыма струей выбивались из
разбитых кабелей, а экран визуального
наблюдения был забит призрачными
потехами. Слышались шипение искр и пара
да выкрикивание приказов и проклятий. В
остальном вокруг стояла тишина.

привычный шум двигателей неожиданно
столк.

Строчки яркого зеленого текста
доклада застрекомали по панели экрана,
встроенного в командное кресло.
Структурные повреждения от боеголовки
ракеты ограничивались достаточно малой
территорией, но половина контрольных
систем вышла из строя.

Двигатели остановились из-за
экстренного отключения. Кургья знал, что
они не включатся еще несколько часов, так
как команда по ремонту сначала должна
была проверить охлаждающие системы, до
того как плазменные реакторы
перегреются.

Сенсоры -- самая тонкая и самая
полезная вещь на любом корабле, -- к
всеобщему прискорбию, не работали.
«Гидранэ Ко» фактически ослеп. Самым
эффективным средством навигации,
наведения и маневрирования стал обзор из
иллюминатора.

-- Фронтальный сенсориум сдох, сэр, --
-- доложил техник, которому досталась
невеселая обязанность поддерживать

контакт между персоналом механиков и экипажем корабля. -- Но тыловые сенсоры в рабочем состоянии.

-- У?

-- У нас на экранах энергетические следы, идущие с дальней стороны планеты, сэр. Два крейсера направляются...

-- С какой скоростью?

-- Очень быстро, сэр. Наш корабль не приспособлен для таких гонок.

-- Крейсера космодесантников, -- пробормотал Кургья. Великолепно. Его корабль временно ослеп и неисправен, но это не имеет значения.

Настоящей целью залпа «Гериона» было предотвратить связь между тремя крейсерами флота, иначе они смогли бы перехватить корабли десантников, на которых было не слишком много вооружения. Но один на один «Тигранэ Ко» имел мало шансов, даже находясь в полном порядке.

Кургья рухнул в командное кресло и нажал контрольную кнопку на подлокотнике. Если она еще работала, то сейчас где-то на нижних палубах

прозвонит звонок, давая знак слуге-сервитору идти на мостик и принести графин с ликером из дьявольских ягод восьмидесятилетней выдержки и бокал. «Гидранэ Ко» все равно сейчас недееспособен, а в таких ситуациях Күргья всегда старался позволить себе маленькие радости, пытаясь убедить себя, что все еще не так плохо.

--- Как бы я хотел никогда не получать под командование этот корабль, --- задумчиво произнес он, дожидаясь выпивки в полутраке мостика.

Сарнедон посмотрел вокруг --- он стоял в коридоре из огнеупорных плит, в который они ворвались прямо с главной палубы, постоянно ожидая атак со стороны техногвардейцев. Вокруг все еще горел Ад --- в воздухе пылали исчезающие уравнения, а по пропитанному кровью полу ползли змейки ржавчины. Сейчас первоначальный шок уже прошел, но тут и там десантникам попадались заблудившиеся механикусы, призывающие заткнуться нагнетательный баритон дуга машины.

В наушниках раздался голос, сильно

искаженный помехами:

--- Командор Сарнедон, это «Вечное правосудие». Мы стоим вас забрать.

Сработало. Лигрис все сделал. Если технодесантник уцелел, а воины, приставленные к нему для охраны, доложили, что соединение с духом машины не прошло для него бесследно, то его вознаградят по справедливости.

--- Принято, «Вечное правосудие», --- ответил Сарнедон, стараясь перекрыть шипение статики. --- Готовился к выходу.

Вокруг библиария собрались почти все Успивающие Души, кроме тех, что охраняли Лигриса. Он навскидку выстрелил в голову, высунувшуюся над грудой покоренного металла, промахнулся, на глаз прикинул расположение тела и выпустил очередь по укрытию. Кто-то вскрикнул.

Предательству не спрятаться.

--- Успивающие Души! --- закричал Сарнедон. --- Готовьтесь к отступлению! Грэвус, Ворц, встречайте Лигриса и обеспечьте безопасный отход. Остальные --- за мной!

«Гончая» и «Вечное правосудие» проскользнули с другой стороны орбиты Лакони, где висели в зоне, недоступной для сенсоров, пока десантники занимали звездный форт, а затем платформу. Удвигатели, перегруженные из-за сумасшедшей скорости, излучали спаренный сигнал, в результате чего на сенсорах «Гигант Ко» появилась информация о корабле гораздо больше, чем просто крейсер.

Имперский звездолет решил не вмешиваться. Успивающие Души пролетели рядом с линейным флотом, воспользовавшись временно царящей суматохой и бездействием сенсоров. Только судно Агентус Механикус попыталось остановить их, открыв символический огонь из оружейных башен, но темно-пурпурная обшивка «Гончей» лишь слегка потемнела от выстрелов, больше ничего.

Ударными крейсерами управляли экипажи сербов под командованием небольших групп Успивающих Души. Они знали, когда надо запустить двигатели и

открывать огонь, а когда лучше
непридержан пыл. Оба корабля были
переоборудованы для ближнего боя и сейчас
элегантно спускались на платформу, все
еще окутанную кольцами пара после
выстрела «Гериона». Лизрис успел
включить несколько оборонительных
систем — прицельные батареи ближнего
действия и легкие волновые торпеды
гарантировали, что больше к платформе
никто не приблизится.

Из «Вечного правосудия» вырвалось
двадцать «Громовых ястребов»,
направившихся к стыковочному доку,
который подразделение Грэвуса заняло час
назад. Десантники уже собрались рядом со
станцией дозирования, охраняя зону
приземления.

Трюмы «Гончей» были пусты, все ее
челноки усеивали корпус звездного форта.
Лишившись средств для эвакуации войск,
команда корабля решила полететь прямо
к станции, присоединившись к широкому
корабельному проходу, по которому за
столетия существования картеля прошла
не одна тысяча обреченных. Сервы Оргена

обеспечили безопасную стыковку, и Успивающие Души быстро покинули оружейные гнезда и точки сбора, поднявшись на борт крейсера.

Капеллан Уктинос, в отсутствие командора являющийся старшим по званию, лично проверил, чтобы приказы Сарнегона были выполнены с точностью, забрав с собой весь персонал, в том числе и священника Узера с его наствой.

Когда Успивающие Души поднялись на борт «Грозовых ястребов», оказалось, что в кораблях осталось много места. Узера высадившихся на платформу ста десантников в живых остались только шестьдесят три.

Как только они прибыли обратно на крейсер, «Вечное правосудие» изящно развернулось и запустило основные двигатели, чтобы как можно быстрее отправиться к краю системы на встречу с «Гончей», к точке перехода в варп. Позади остались тридцать семь мертвых десантников и неисчислимые тысячи тел техно-гвардейцев.

Когда «Упорный» восстановил свои

системы и сумел сфокусировать сенсоры, миновав поле помех, два ударных крейсера Успивающих Души уже давно исчезли. Хлурү осталось только сидеть в командном кресле и смотреть, как утирает звездный форт. Весь обзорный экран занимала угрожающая туша станции Ван Скорвольгов. Она засверкала, как молния, когда первые заряды взорвали ее металлическую оболочку.

--- Вспомогательные топливные баки, --- пробормотал Мание, командующий вооружениями «Упорного», когда завязь огня стяла кожу станции. --- Они знали, что сделали.

Скорее всего Успивающие Души заложили связки гранат или воспользовались взрывчаткой из арсенала картеля, снабдив ее таймерами. Каждый костодекантник проходил специальную тренировку по уничтожению крупных объектов, точно зная, куда заложить заряд для причинения максимального ущерба.

--- Мы можем спасти станцию? --- спросил консул.

--- Никаких шансов, --- ответил Мание.

Звездный форт опасно накренился по направлению к бледной сфере Лаконики. Сообщение оповестил Хлур, что первыми взорвались гравитационные стабилизаторы. Наверное, сработали телтагранаты, объяснял он, хотя можно обойтись и обыкновенными, если знать, куда их класть.

Еще один взрыв, самый мощный, вырвал огромный кусок из тела станции. Пылающие обломки медленно скатились с корпуса, прежде чем погаснуть в вакууме. Теперь станция двигалась быстрее, тяжеломерно переворачиваясь, падая с орбиты.

Хлур должен был арестовать Ван Скорвольгов, разрушить их империю и реквизировать ее именем Администратума. Он думал, что провернул гениальную операцию: с помощью правильно поданных слухов привлечь к миссии Испивающих Души, тем самым избавившись от ненужных потерь и сохранив собственные войска. Но вместо этого провалил миссию так позорно, как только мог: форт уничтожен, флот

поврежден, выгодный бизнес по переработке человеческого материала сгорел. Администратум потерпел колоссальные убытки. Правда, во всем можно было обвинить Ван Скорвольдов и хоть как-то сохранить лицо.

Хлур старался убедить себя, что самое худшее -- это потеря миллиардов кредитов, сгоравших прямо на его глазах, но постоянно вспоминал об имперских службах, вся деятельность которых была посвящена публичному наказанию таких людей, как он.

-- Ваши приказы, сэр? -- Векк стоял перед ним, руки скрещены за спиной, как будто ничего не произошло.

-- Я думаю, нам лучше последовать за ними, -- устало произнес Хлур. -- Мы их все равно потеряем, но могут возникнуть вопросы, если не попытается.

-- Слушаюсь, сэр. -- Флаг-капитан развернулся и стал выкрикивать приказы, словно они еще были важны.

Проклятый Хоботов. Чертовы десантники. Ни денег, ни славы.

Каллисфен Ван Скорвольд так и не

нашел выхода из старого командного центра защитной платформы. Когда трение атмосферы Лаконии расплавило внешнюю оболочку, а по коридорам звездного форта понесся поток огня, он утер в тучах, чувствуя, как сгорают на костях мускулы и кожа. В конце концов бывший коллекционер превратился в пепел, разбросанный по холмистым зеленым равнинам Лаконии вместе с миллионом тонн пылающих обломков.

Веритас Ван Скорвольд сумела добраться до спасательного челнока, который всегда держала наготове, и отлететь на порядочное расстояние от звездного форта, чтобы не попасть в воронку падения станции с орбиты. Она дрейфовала три дня, пока ее не подобрала команда «Гигранэ Ко», который висел на высокой орбите в ожидании хотя бы частичной ликвидации ущерба, нанесенного выстрелом Лигриса. Ее арестовали и тут же бросили в камеру. На корабле не работали системы безопасности, и содержание Веритас оказалось очень хлопотным делом.

особенно когда она принялась кусать приставленных к ней охранников. До капитана Күрды иногда долетали разговоры, что Успивающие Души специально оставили ее ил, зная, какой это подарочек.

Каждому воину нужен погребальный костер. Командор Кэон получил свой, когда огонь прорвался сквозь обшивку звездного форта при входе в атмосферу Лакони. Тело десантника сжечь очень трудно, но к тому времени, как орбитальная платформа распалась на сотни пылающих кусков, тело самого гордого из Успивающих Души уже обратилось в пыль.

Глава пятая

«Гончая» и «Вечное правосудие» убежали от Имперского флота уже шесть месяцев, последний из которых они провели в гуще Поля Цербера. На расстоянии оно казалось прекрасной россыпью мерцающих пылевых облаков и ярко сияющих астероидных скоплений, озаряемых светом звезд, сверкавших в глубине. Но, подлетев поближе, вы понимали, что глубоко заблуждались. Виг открывался мерзительный. Поле целиком состояло из катней, как будто пережеванных глыб камня, вращающихся совершенно независимо друг от друга. Самые большие из них были размером с луну Терры, хотя больше всего вреда причиняли маленькие, постоянно набиваясь в сопла двигателей и оставляя на стеклах иллюминаторов извилистые трещины.

Именно тут нашли пристанище крейсера костогесантников. Они висели в гуще катней с выключенными двигателями, темнопурпурная краска на

корпусе кораблей была уже практически полностью содрана постоянными столкновениями с микрометеоритами. Постоянное мельтешение пыли и каменных облаков скрывало их от корабельных сенсоров, поэтому команды звездолетов могли спокойно переговариваться друг с другом. Засечь местоположение крейсеров можно было только случайно, постопрев на каменное поле и заметив крохотные серебряные всполохи звездного света, отражающегося от металлической обшивки.

Но не это определяло ситуацию. На кораблях осталось мало горючего и подходило к концу продовольствие.

Апотекарий Паллас беспокоился за сержанта Теллоса, даже лично вызвался заботиться о нем, так как чувствовал странную ответственность за этого человека. Он вытащил его из переделки и доволот огромное тело десантника до поверхности платформы, и долг заставлял Палласа завершить лечение.

Но это было давно. Теперь, шесть месяцев спустя, любопытство и интерес

стенились заботой и обеспокоенностью за
изувеченного сержанта. Правда, прежде
чем приступить к лечению Теллоса,
сначала его надо было найти, так как
десантник опять сбежал из лазарета, где
Паллас наконец-то придумал, что же с
ним делать.

Теллоса было нелегко отыскать,
впрочем, это уже никого не удивляло, так
как беспокойный больной сбежал с
больничной койки уже по меньшей мере раз
шесть. «Гончая» была не самым большим
кораблем Успивающих Души. Где-то там,
на их базе, стояли огромные боевые баржи
и раздутые транспорты снабжения, но
экипаж крейсера был лучшим из лучших, а
вследствие этого крайне малочисленным,
поэтому целые палубы пустовали. Здесь, в
монастырском крыле, где ни один брат-
десантник не появлялся веками, грохот
тяжелых керамитовых подошв эхо
разносил по кельям и часовням. Тут и
там мелькали сервиторы-уборщики,
поддерживающие это место в идеальной
чистоте, но каким-то образом их
присутствие делало все вокруг еще более

пустым и бесприютным.

Паллас проверил биосканер. Ничего. Это само по себе беспокоило — датчики жизнедеятельности Теллоса за последние несколько недель все реже и реже мелькали на экранах прибора апотекария. Он взглянул на высокие арки потолка и на темные, матово-серые стены келий, выстроившихся аккуратной линией вдоль прохода. Множество мест для укрытия, особенно если знаешь, чего хочешь. Может, Теллос считал эти еженедельные прятки своеобразным вызовом судьбе? Если так, то он мог скрываться тут неделями и даже дольше — согласно последним данным, сержант отдыхал и ел все меньше и меньше, существуя только на энергии собственного тела.

Коридор привел к флигелю библиотеки. Прошли годы с тех пор, как сюда ступала нога костодесантника или послушника, а «Гончюю» переделали в абордажный корабль. Раньше здесь держали летописи Ордена, от новейшей боевой статистики до древних песен, сочиненных давно умершими героями.

желавшими, чтобы их легенды не канули в
бездну времени.

Сейчас полки, упиравшиеся в потолок,
стояли пустые, только пара книг
выднелась то тут, то там. Рядом стояла
кафедра, с которой капеллан некогда
брал послушников или вдохновлял их
рассказами о великих свершениях Оргена.
На ней лежал текст эпической поэмы о
каком-то крестовом походе, даже память
о котором давно исчезла во тьме веков.
Паллас постарался не отвращаться до
пожелтевших ветхих страниц перчаткой
успеха.

Одна стена полка была доверху
забита тонкими томиками «Боевых
Катехизисов» Дениатоса с
иллюстрациями. Здесь все говорило о
смерти, так как эти книги принадлежали
погибшим десантникам, и на их
страницах навеки остались комментарии,
написанные от руки. По правилам, убрать
все тексты из библиотеки можно было
только после того, как «Гончюю» спишут в
рубрику.

Защищал биосканер, край глаза

Паллас заметил предупреждающий огонек. Сигнал слабый, но это все равно мог быть Теллос.

Апотекарий прижался к стене, зная, что тени, привольно раскинувшиеся в сумрачном свете, не скроют его от зоркого взгляда другого десантника. Одна рука сомкнулась на ручке инжектора, впрыскивающего лекарство и извлекающего генное семя из мертвых тел, другая обхватила рукоятку болтера.

Нет, Теллос, конечно, не станет нападать, но сержант всегда был непредсказуем. Паллас чувствовал в душе холодок неуверенности, слишком уж изменился за последнее время его пациент.

Он увидел, как кто-то пересекает либрариум и входит в арочный проем, ведущий в боковую часовню. Лишенные кожи мускулы существа обвивали прутья ржавого металла, две сверкающие линзы выдавались вперед из обогранной головы, казалось, состоящей только из сухожилий и костей. В одной руке создание держало пулемет, в другой — алебарду с гвутьялезвиями. За ним шлейфом вились пучки

проводов, а сервомоторы были при движении.

Боевой сервитор. Еще послушником, как и любой Успивающий Души, Паллас истребил десятки подобных штук болтером, ценным мечом, ножом, голыми руками и всеми видами оружия, которые мог использовать или найти на поле боя. Он до сих пор помнил, как трудно было их убить, к тому же тренировочный автомат стрелял далеко не холостыми патронами. Ученики, провалившие боевые испытания, не выживали по определению.

Искусственные глаза сервитора сканировали либRARY. Паллас знал, что у механизма ограниченный угол зрения и пока он его не видит. Апотекарий даже не предполагал, что на «Гончей» остались столь древние машины. Должно быть, их, как и книги, забыли, когда перевозили оборудование монастыря.

В тишине зала слышался легкий щелчок, сервитор переключил пулемет со стрельбы одиночными на стрельбу очередями.

Паллас поднял болтер, прочитав

политву, когда взгляд механических глаз
остановился на нем.

Вторая фигура, на этот раз
человеческая, упала прямо с потолка,
блокировав прицел Палласу. Сверкнуло
что-то глинное и серебряное, и половина
головы сервитора упала на землю,
поблескивая влажной поверхностью
свежеразрезанного мяса. Пулемет
выпустил очередь, пули защелкали по
массивным колоннам, остановился на
секунду, выбрал тишень и выдал еще одну
очередь.

Но атакующий был слишком быстр.
Робот промахнулся.

Мелькнула алебарда. Разумеется, у
нее не было силового лезвия, но голубое
потрескивающее поле энергии могло
парализовать мускулы и отвлечь
противника, давая сервитору драгоценные
секунды найти в теле тишени уязвимое
место. Послышался лязг, когда вновь
прибывший парировал удар изящным
движением, закрутив меч вокруг алебарды.

Неожиданно механизм разрезало от
горла до крестца, кабели и петли мышц

повалились на пол. Потом удар пришелся на оружие, затем на ногу и, наконец, на оставшуюся часть головы.

Куски соскользнули по металлической поверхности сервитора и с хлюпаньем шлепнулись на пол. В неожиданной наступившей тишине слышалось только бормотание затихающих сервомоторов да тяжелое дыхание победителя.

Обнаженный по пояс, бледный, с широкой спиной, человек стоял на останках тренировочной машины. Кожа мужчины просвечивала, и Паллас видел, как перекаченные мускулы спины и рук медленно расслабляются по мере того, как остывает ярость схватки, а под ними проступают странные черные щитки.

Оружием необычного воина оказались любовно заточенные метровые лопасти вентилятора воздушной шахты, отполированные до зеркального блеска. Мужчина прикрепил лезвия к культям рук.

— Приветствую, сержант Теллос, — медленно произнес апотекарий.

Десантник повернулся. Кожа на его лице была такой же, как и на спине.

Паллас выдел, как сдвигаются мускулы челюсти при разговоре.

--- Апотекарий. Не ожидал, что ты найдешь меня даже здесь.

--- Ты подчиняешься приказам, Теллос, и должен оставаться в лазарете. Тебе надо вылечиться. --- Паллас почувствовал запах пота, когда подошел поближе к своему пациенту. Затем он взглянул на сочащиеся останки сервитора. ---

Практикуешься?

Теллос улыбнулся:

--- Заново прохожу тренировку, апотекарий. Если Орген захочет снова отправить меня в бой, я должен всему научиться заново.

--- Сержант, ты не можешь сражаться. Мы тебе говорили это много раз. Шок повредил нервы, ты не можешь поставить бионические...

--- Мне не нужны протезы, Паллас. Я не могу держать в руках цепной меч, но зато могу отдать свою жизнь за честь Оргена. Ничего не изменилось. --- Теллос поднял свои самодельные лезвия, их крошечные концы ярко засверкали в полутраке. --- Мне

просто нужно больше практиковаться. В конце концов, все мы когда-то были новичками.

--- Нет, Теллос. Все кончено. Поговори с капелланом, если тебе трудно принять это. Я забочусь о твоем физическом здоровье, ты --- мой брат, и, хотя твоя жизнь на поле боя осталась в прошлом, я все равно за тебя в ответе. Мы не знаем, что с тобой происходит, Теллос. Ты мучаешься. Может быть, это твои прогеноиды так реагируют на травму, мы не знаем. До тех пор, пока твое состояние не стабилизируется, аптека-риум не сможет позволить тебе гулять где угодно. --- Он снова посмотрел на сервитора. --- Откуда ты выкопал эту древность?

--- Просто исследовал все вокруг. Никогда не делал этого раньше. Я ходил на одном корабле, потом на другом, но никогда не задумывался, что находится за следующей переборкой. Почему так, Паллас? Может, мы боимся? Подчиняемся приказам? Или просто нам никогда не приходило в голову спрашивать?

--- Такие вопросы надо обсуждать с канцеляристом, Теллос. Позволь мне тебя рассмотреть, и ты сможешь поговорить с ним.

--- Я снова буду сражаться, Паллас.

--- Знаю, сержант. Так ты пойдешь со мной?

Апотекарий повел Теллоса из библиотеки обратно в лазарет «Гончей», где сервы и аптекарь Оргена снова изумятся процессам, происходящим в его теле, и в очередной раз пожмут в недоумении плечами.

Обзорный экран в лекционном зале на борту «Упорного» уже несколько месяцев показывал одну и ту же картину -- Поле Цербера, озаренное отблеском дальних звезд. Где-то там, в парящей массе камня, затаились два крейсера Успивающих Души.

Скопище астероидов блокировало для сканеров флота все сигналы, кроме самых основных. Пока все данные разведки говорили только о том, что «Гончая» и «Вечное правосудие» практически не сдвинулись с места за пять месяцев. Что

делают десантники, сколько их осталось, каковы их планы, состояние кораблей, количество боеприпасов --- все это по-прежнему оставалось в области предположений.

Поле Цербера было поглощено кошмаром, попытки вытащить оттуда Испивающих Души --- верным самоубийством. Крейсера всего лишь уйдут еще дальше, а имперские линкоры попадут под массированный удар астероидов, если попытаются продолжить преследование. Но, с другой стороны, десантники не могли покинуть свое убежище, у них практически не было шансов уцелеть в случае побега, так как флот Администратума стал гораздо больше и мог запросто обложить все Поле Цербера по периметру.

Старший консул Хлур никогда не думал, что будет раз потерять контроль над самой важной миссией в своей жизни, но теперь ощущал странное облегчение --- теперь от него ничего не зависело. Конечно, его имя вписывалось в официальные компьютеры, давая принятым

решениям статус номинального одобрения
Администрации, но вот его мнение
больше никто в расчет не принимал.

Хлур стал пассажиром,
наблюдателем, неспособным изменить
события вокруг себя. Он избавился от
любой ответственности за то, что могло
стать очередной кровавой бойней.

Если бы Векк не решил действовать
быстро и решительно, они бы никогда не
нашли след двух ударных крейсеров в Варне.
В зоне астероидов связь с
адмиралтейством подсектора
отсутствовала, поэтому линейный флот
Администрации больше не получал
подкреплений. «Гидранэ Ко» остался у
Лакони на ремонт, но еще до прибытия в
Поле Цербера в их распоряжение
поступили два новых крейсера,
артиллерийский дивизион эскорта,
несколько подразделений истребителей-
бомбардировщиков, костический госпиталь
Департамента Муниторум и огромное
количество кораблей поддержки, роет
носящихся вокруг гигантских звездолетов.
Им даже прислали «Ярость кающегося

зрешника», выдавший лучшие дни
«Разнарек», огромный боевой корабль,
оснащенный большим количеством
разрушительных средств, чем Хлур мог
себе представить.

--- Пять месяцев, --- пробормотал он.

--- Консул? --- Кто-то неслышно
подожел к нему сзади.

Талая, должно быть, стояла там уже
какое-то время. Она была флотским
тактиком, одной из семи дюжин, которых
послало адмиралтейство. Именно они в
конце концов вырвали власть из рук Хлур
и теперь все вместе фактически
управляли флотом Администратута.

--- Тактик, я думал, что нахожусь
здесь один, --- указал он на гигантский
обзорный экран амфитеатра. Обычно на
нем показывали тренировочные лекции, но
сейчас подключили к экрану капитанского
мостика. --- Иногда вдали от шума и суеты
легче критически оценить ситуацию.

--- Согласна с вами. Вам не нужно
ничего объяснять. Ваша должность --- это
такой стресс и напряжение.

Хлур не мог понять, скрывалась ли в

ее словах издевка, или просто Талая мало общалась с людьми. У нее было острое бледное лицо, призрачным пятном выделяющееся на фоне темно-синей униформы, которое, казалось, просто не создано для выражения эмоций.

--- Вы что-то сказали, консул?

--- Просто думал... Они там уже пять месяцев. Никто не приходил и никто не уходил. Нам постоянно подвозят припасы, а у них ничего нет. Ни одного шаттла. Что они делают с едой? Или топливом?

--- У нас очень мало информации, мы не знаем, какова степень сопротивления костогесантников физическим лишениям, --- ответила Талая. --- Вполне возможно, что в традиционном смысле им вообще не нужны еда и вода. Даже требования, предъявляемые к поддержанию жизни, у них совсем другие, не как у обычных членов корабельного экипажа, приняв во внимание их сопротивление ужасающим условиям на поле боя.

--- Может быть. Ваши выводы как-то не вдохновляют, мы же вроде собираемся уторить их голодом.

Он видел только один путь сломить волю Успивающих Души и послать их на дисциплинарные процедуры. Все наступательные стратегии были отклонены с порога, учитывая плотность поля астероидов и возможную наступательную способность ударных крейсеров. Правда, люди просто не упоминали об ужасе перед еще одним сабордажем Успивающих Души.

До сих пор никто не мог понять, кто же будет проводить военный трибунал над тремя сотнями костодесантников, никто не мог подсчитать ущерб, нанесенный разрушением звездного форта и захватом «Гериона». На фоне ожесточенных ведомственных споров как-то затерялся резонный вопрос, есть ли на кораблях достаточно крепкие и просторные тюрьмы, в которые можно посадить солдат, по слухам, разбивавших переборки голыми Руками и смеявшихся от прямого попадания из хеллгана в грудь. Так далеко у тактиков мысли не заходили.

--- Блокада --- это только одна стратегия. Есть и другие. Когда подойдет

еще несколько наступательных кораблей, мы сможем провести полноценную атаку, для чего запросили космическую фабрику класса «Голгофа».

С ее помощью мы сможем расчистить дорогу сквозь поле астероидов.

--- Талая, это займет месяцы. Годы.

--- Если понадобится, то мы пойдем и на это, консул. Они предатели, эти костогесантники из знаменитого и проверенного в боях Ордена. Я не могу даже представить себе более опасного врага.

Естественно, она была права. Где-то в гуще Поля Цербера дрейфовали два корабля с самыми смертоносными и фанатичными солдатами, которых уже трудно было назвать людьми. Что бы ни заставило их вынуть нож в спину союзников, пусть даже этот урод Хоботов и тупая бездельница, которую все вокруг напыщенно называли Коньей Души, Хлур слышал достаточно легенд о десантниках и понимал очевидное: они не сдадутся, они не простят обид, они скорее всего просто не поймут, что предали Имперium.

--- Нам придется убить их всех.

консул. У нас нет другого выхода.

Он посмотрел на Талаю. На лице женщины не отразилось ни единой эмоции.

— Вы отдаете себе отчет в том, что сказали, Талая? Я имею в виду, это же...

— Нельзя представить ничего хуже, консул. Предатели, свободные делать все, что им вздумается. Бандитизм, изголопоклонничество, раскол — все самые страшные преступления, совершенные с доблестью и самоуверенностью Ордена Космогесанта. Если у нас уйдет век и мы потеряем все корабли этого флота, все равно надо их остановить. Мы осознаем, каковы последствия может привести уничтожение воинов такого класса, но также понимаем, что сделают они, если мы не будем действовать с максимальной жестокостью.

— Я знаю, тактик. Я видел, что осталось от «Гериона». Но... я никогда в жизни не мог себе представить, что дойдет до такого.

— Разумеется, нет, консул. И вам не надо винить себя за потерю звездного

форма и предательство Успивающих Души. Вы просто не ожидали такого поворота событий.

Но-видимому удовлетворившись моральным воодушевлением, тактика Талая неслышно поднялась по ступеням аудиториума и исчезла в артериях «Упорного», где офицеры и специалисты из разных имперских ведомств объединили усилия, сформировав нервный центр миссии. У него даже имя появилось. Попытку выследить и поймать или скорее всего убить предателей официально нарекли «Лаконийской травлей».

В тщедушном теле Узера жил на удивление мощный голос, наполнявший часовню «Вечного правосудия». Комната была полностью высечена из камня, от кафедры впереди до скамей с высокими спинками, на которых разместились представители священника. Под потолком металось холодное эхо. Это место, казалось, несет на себе печать возвышенной одухотворенности, а Успивающие Души сейчас очень в ней нуждались.

— Вы уже видели, что происходит, когда имя Императора поминают всле, — говорил Узер. — Когда Он становится всего лишь предлогом для установления законов, помогающих некоторым получить власть и богатство, когда Он превращается в монстра из детских сказок, дабы боялись Его слабые и подчинялись раз вращенным.

Вы видели, ибо все вы, мои заблудшие братья и сестры, подвержены этому богохульству, как десантники, так и низшие из паствы моей. Теперь на нашу долю выпали тяжкие испытания. Столь велики машины порчи и самолюбования, построенные этими людьми, что Даже величайшие из воинов, избранники самого Императора, тяжко гонимы их наваждением.

Но Император, Архитектор Судеб, все видит и все знает. Разве не нанесено глубокое оскорбление Империи, живое, стоящее пред глазами вашими? Разве не проявили себя отступники самовлюбленные, кинув в грязь имя Успивающих Души и подняв руку на них? Но знает мы, что, хотя мало число наше,

а враги Императора окружают нас даже сейчас, ведомы нам подлинные замыслы Повелителя нашего и сильнее они, чем самый могущественный космический флот.

Возможно, слова эти покажутся слабым утешением тем, кто много потерял или уже утирает. Но быть просветленным на пороге смерти в тысячу раз величественнее, чем жить веками, пребывая в невежестве. Нас мало, нас окружили со всех сторон, но мы свободны.

Узер взглянул на собравшуюся перед ним паству. Из его последователей осталось меньше тридцати человек — многие оказались ранены или просто забыты в суматохе эвакуации из звездного форта, другие умерли от слабости, болезней, из-за скудной пищи. Но среди выживших стояли новые последователи, привлеченные светом истины Архитектора Судеб, — костогесантники, Успивающие Души. Около сотни гигантов в полных доспехах, отремонтированных и сверкающих, стояли перед ним на коленях и молились.

Его обескураживала сама мысль, что такие люди слушают его, когда сам он некогда был вором, низшим из низших. Но Узер знал: истина на его стороне. Он слышал, как Архитектор зовет его убеждает, призывает сыграть решающую роль в его священном плане, убоя от развращенной и долопоклоннической церкви Agentus Министорум и северного иза ее многочисленных культов. Теперь, когда Успивающие Души вживе увидели, как Император обращается с теми, кто старается следовать по дороге Императора, они открылись учению Узера. Каждый десантник, у кого не было работы на «Гончей» или на «Правосудии», стоял тут, безмолвствуя, погруженный в размышления, постепенно позволяя словам священника стелаться с десятилетиями обучения, через которые они прошли. Даже их капеллан Уктинос, никогда не снимавший свой шлем в виде черепа в присутствии Узера, слушал его и находил зерна истины в словах проповедника.

Бывший вор чувствовал силу. В своих мечтах он видел легион воинов в пурпуре и

ности, который возьмет планы
Архитектора Судеб и воплотит их в
реальность. Если Узер будет с ними, когда
это произойдет, если поможет показать
ил путь... Но сам он ничего не значит, он
просто рука Императора, направляющая
их мысли.

--- Будьте сильными, братья и
сестры. Не сдавайтесь пред оком Его.
Наполните жилы свои верой, отриньте
врагов и приготовьтесь. Убо Он -- наше
спасение, погибнем ли мы под руками
неверных или нет.

Когда проповедь закончилась, паства
вернулась к своим обязанностям. Одни
отправились к больным, другие -- на
корабль, многие десантники решили
посвятить эти минуты предписанным
периодам размышления, они думали о
принципах, на которых построена их
жизнь. Один подошел к священнику -- Узеру
не нужно было даже подытать голову,
чтобы понять, кто это, так как он
ощутил энергию, kloкочущую в его
собеседнике.

--- Узер, я бы хотел поговорить с

тобой, -- сказал Сарнедон, тот, кого другие десантники называли командором. -- Некоторые из нас... меняются. Ты, наверное, слышал о Теллосе.

-- Мне стыдно, но моих ушей коснулись эти слухи. Несколько моих последователей внушают твоим воинам благоговение, командор Сарнедон. Они любопытны, и они говорят.

-- Мы не знаем, что с ним происходит или как именно он меняется. Детали сложны, но полностью трансформировалась химия тела Теллоса, и он отказывается признать, что его боевые дни кончились, хотя раны говорят сами за себя. Есть и другие, но у них все не столь явно. Модифицируется костная структура руки сержанта Грэвуса, а Гивриллан говорит, что какие-то изменения происходят с его зрением. И это всего лишь два человека из множества.

-- Если ты желаешь услышать объяснение от меня, командор, то я тебя разочарую. Я могу чувствовать присутствие Архитектора Судеб, я ловлю отблески того, что Он хочет мне сказать.

но больше ничего не знаю.

Сарнедон развернулся, намереваясь уйти, но затем остановился:

--- Узер, есть еще кое-что.

--- Командор?

--- Мы повернулись спиной к тому, что, как нас учили, является священным. Мы увидели угрозу, которую сам Император представляет для порядка во Вселенной. Думаю, мы просто поняли, как мало знает и насколько различны причины, по которым сражаются люди... Для нас это слишком много. Я сам не уверен, что происходит со мной. Вся Вселенная перевернулась.

--- Вера, командор Сарнедон. Больше ничего не нужно. Но думаю, это тебе известно.

--- Разумеется, проповедник.

После того как Сарнедон ушел, образ его горел в разуме Узера еще долго. Он никогда не чувствовал такой силы. Понимал ли Сарнедон, кем может стать? Могли ли даже избранные воины Императора быть полностью готовы к исполнению Его воли? Видения священника

показывали, что должно сделать. Он видел мир, построенный на лжи, и ужасный разульт в сердце его, и надо было очистить от скверны все вокруг, дабы доказать Императору, что они достойны быть Его слугами. Готовы ли они? Существоют ли на свете люди, способные выдержать такую ответственность?

На все вопросы существовал только один ответ. Вера. А больше ничего не нужно.

Ни единый луч света не пробивался сквозь пурпурно-серые облака искусственного мира Коген Тертиус, но снизу он освещался огнями фабричных ям. Огромные колонны пламени километровой высоты вырывались из выхлопных отверстий, погруженных в каменистую почву, обжигая жилые хабитаты и комплексы управления, ревя от ярости, горящей в сердце планеты. Здесь большинство жилых территорий располагалось в толще скал или под землей, а на поверхности взору наблюдателя открывались глинные и тонкие металлические паутины.

раскинутые между опорами и пиками гор, — поддерживающие стойки и сенсорные вершины. Густой слой дыма висел везде, делая любую картину размытой и серой, перечеркнутой мощными колоннами огня, вырывающимися из геотермального ядра планеты.

Техножрица Сасия Коралом смотрела на это зрелище через иллюминатор во флигеле ее лаборатории. Она знала, что когда-нибудь перестанет считать тьму и огни родной планеты такими уродливыми. Мелкие эстетические абстракции становились ничем, когда все вокруг поглощала гениальная логика — инструмент и создание Бога-Машины.

Постепенно Сасия будет улучшаться, получать новые имплантаты, пока от ее первоначального тела не останется столько мало, что разум ее отринет внешний мир, сосредоточившись только на механике реальности.

Техножрица так ждала этого дня, ведь Вселенная была таким тратным местом, и только Омниссия мог принести

В нее стыл.

Покой лаборатории нарушился, и в помещение вплыл сервитор, примитивный механизм, состоящий из устройства передвижения и голосовой коробки.

— Сообщение техножрице Коралот. По вашему сведению доводятся пожелания архимагоса Хоботова. Первое: техножрица Коралот должна связаться с ним, точка встречи — выход Кобальтового маршрута. Второе: ее лаборатория и все инструменты должны пройти очистку и быть готовыми к временному осмотру. Третье: архимагос ожидает, что он получит доступ к проведенным исследованиям и материалам дискуссий. Запрошен ответ.

— Я прыг, — ответила Сасия, и сервитор с жужжанием уплыл.

Сама идея, что архимагос Хоботов выбрал ее, что ее работу наконец заметили... Кропотливый инженерный анализ различных объектов, прибывавших с экспедициями, занимал все ее время, рабочие столы лаборатории Сасии были сплошь завалены го блеска

отполированными деталями. Но она никогда не думала, что откроет нечто достойное упоминания, или что ее прилежание и преданность работе заметит кто-то из вышестоящих.

Может, вот оно? Может, так начнется ее восхождение? А может, это просто наивные мечты. Информационная панель, имплантированная в кожу левой руки, засверкала, показывая на карте Кобальтовый маршрут. Сасия вышла из своей мрачной лаборатории и заторопилась по каменным коридорам, забитым сервиторами всех размеров и модификаций, единственной общей чертой которых было присутствие переработанных человеческих тканей, использовавшихся для построения нервной и мускульной систем. Изредка попадались техножрецы, такие же послушники, как и она, или более почтенные магистры, за которыми обычно тянулась толпа подмастерьев.

Она уже начала смотреть на людей как на машины из мяса и костей. Лежащая в основе Вселенной логика очаровывала ее,

а налет ржавчины, который ей приходилось регулярно счищать с техноклабов и зондов для сбора данных, с каждым разом вызывал все большую волну отбращения. Когда-нибудь она будет парить в этих каменных анклавах со своими собственными подмастерьями, терпеливо снося их бесконечные вопросы и совершенно о них не заботясь. Она все поймет.

Кобальтовый маршрут редко использовался, он был проведен в каменной толще прямо к причалу шаттлов на поверхности. Когда Сасия вышла наружу, то сначала увидела сервиторов, стоявших плечом к плечу по всей улице. Фаланга охранников разделилась, и показался Хоботов собственной персоной, его глазные линзы сверкали в тени капюшона.

Когда-нибудь она станет такой же.

--- Техножрица Коралот, --- сказал архимагос голосом, похожим на великолепный металлический гул. --- Я даю вам разрешение самой набрать команду для испытаний и провести обряды инженерного анализа на свое усмотрение.

Что-то прожужжало за ее спиной. Дрон-херувим -- мертвая кожа лица застыла в безмятежной улыбке, вместилища рук извиваются ловкие механические дендриты -- с преувеличенной предосторожностью передал ей объект исследования.

Сверток, простой, самый обыкновенный сверток, едва ли глиняное предплечье. Сасия развернула его и увидела то, что ей предстояло исследовать.

Цилиндр, поверхность которого сверкала затейливыми золотыми графиками, с какими-то устройствами, встроенными в рукоятку. На первый взгляд они напоминали запредельно миниатюрные генные дешифраторы. Достаточно маленькая вещь, но ее опытом общения с доимперскими технологиями подсказывал, что этот артефакт -- нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Сасия почувствовала энергию сложности, переливающуюся под ее пальцами.

-- Архимагос, что это?...

-- Эта вещь известна как Конье

Души. Нам стоило больших усилий достать ее. Я ожидаю от вас предварительной информационной исповеди в течение года.

Коралот не могла отвести глаз от артефакта, даже из почтения к Хоботову. Чем же он был — оружием, щитом, средством транспортировки, если огин взгляд на него вселял в нее уверенность, что в ее руках лежит шедевр? И разве сможет она сделать анализ подобного творения?

Сасия с усилием оторвала взгляд от Конья и посмотрела на Хоботова:

— Почему вы выбрали меня, архимагос?

— У вас не слишком высокое положение, поэтому ваши исследования не привлекут к себе излишнего внимания. Благоговение передо мной и перед ценностями Олниссии, которые я олицетворяю, не позволит вам предать меня. Когда на карту поставлено столько многого, разумно извлечь выгоду из низших.

Хоботов пронесся мимо, широкими шагами удаляясь по Кобальтовому

маршруту, в сопровождении стражи из сервиторов, соткнувшейся вокруг своего хозяина. Коралот осталась наедине с Коньей Души.

«Нузишх». Слово неприятно резануло. Но такой она останется недолго.

Кое-что о ней не знал даже Хоботов. Он не понимал глубины ее решимости посвятить себя работе Отниссии, яркости, с которой цель горела перед ее глазами. У нее только.

Много больше. На Коген Тертиусе жили и другие, такие же преданные делу, как она. Их связывала не только обычная профессия. Они станут ее командой и с помощью Конья Души начнут свое восхождение в ранг магистров.

Стены цитадели Квиксиан Обскүра горели. Артиллерия утюжила их целую неделю, прежде чем началась полноценная атака, и химические пожары, разожженные снарядами, бьющими на зубчатых камнях огромной крепостной стены.

Сарнедон выкарабкался из посадочного челнока и увидел, что они приземлились одни из последних. Командор Кэон уже

перебросил свое грузное тело в тяжелых
доспехах через край подъемника ворот,
поливая зарядами из болтера ксеносов
внизу, в то время как энергетические
разряды плавил камни вокруг него.
Подразделение Каллиса, к которому был
приписан Сарнегон, заняло оборонительную
позицию, готовясь прикрыть штурмовиков,
выскакивающих до них. Пятнадцать человек,
они должны были захватить управление
гидравлическим подъемником и открыть
огромные ворота внизу, чтобы ударные
части авангарда имперской армии смогли
испробовать свои мечи на ксеносах.

Над ними пронесся всполох огня,
раздуваемый воющим ветром, но
десантники не обратили на него внимания.
Каллис оценивал ситуацию. Старый,
седой, с лицом как будто сшитым из
поскутков измятой кожи, он командовал
еще зелеными юнцами, только недавно
посвященными в Успивающие Души,
проверял, что же они выучили, будучи
послушниками. Они все прошли сквозь
жесточайшие тренировки, участвовали в
патрулировании, но только некоторые

побывали в схватке, подобной этой.

--- Я хочу, чтобы плазма сожгла весь восточный край. Огнеметчик, библиарий, снимите вон тот укрепленный узел! --- Каллис показал на оружейное гнездо, вырезанное прямо в камне, где раньше скорее всего стояла лазерная пушка или пусковая установка, но сейчас там закрепились шесть чужаков с тонкими чертами лиц, оружейный расчет огромной энергетической пушки, из которой они вели бешеный огонь в тыл наступающим Успивающим Души. Вперед пошел Вискс, огнеметчик, сзади Сарнедон, готовящийся выбросить энергию Ага. Некоторые библиарии Оргена расправились бы с оружейным гнездом с помощью телекинеза или пирокинеза, но у Сарнедона был другой метод. Он взламывал разум врага.

И все-таки... в чем заключался смысл этой битвы? Мысль ворвалась в его разум, подобно захватчику. Он помнил каждую деталь боя за крепость Квиксиан Обскүра, как, собственно, и любого сражения, в котором принимал участие, но никогда, никогда не задумывался об их смысле. Нет,

он старался представить себе самый страшный кошмар, которого боялись эльдары, и выжигал их, не отставая от своих братьев-гесантников, чувствуя только, как по всему его телу разливается праведная ненависть.

Но в чем был смысл? После того как цитадель взяли, что с ней стало? Еще один мир, пустая оболочка, где правят жадность и жажда наживы, населенная мелкими чиновниками, которыми просто не понять всю тщетность их жизней. Уничтожить ксеносов — это благородная цель, но потом потакать капризам жирных торговцев и лживых священников? Что в этом-то благородного?

Неожиданно все вокруг стало новым, непривычным. Сарнедон понял, насколько изменилась вселенная вокруг него. Подвиги, которыми он так гордился, теперь казались пустыми и напрасными. Тупой героизм, поддерживающий гнилой режим. Он пытался избавиться от этих мыслей, вытрясти их из головы, но ничего не получалось. Ворчливый голос где-то глубоко внутри оставался, но, что все

бесстысленно, что он сражался, удовлетворяя прихоти самовлюбленных бюрократов, которые теперь хотели уничтожить его боевых братьев. Когда Сарнедон хотел посмотреть на себя со стороны, то старался оживить битву, а не просто наблюдать, как она бездушной лентой прокручивается в его памяти. Он представлял резкий, режущий ветер, проносящийся над зубцами крепости, зловонные серные облака артиллерийских выстрелов, клубящиеся внизу, тихое грохотание приказов, вырывающихся из миллионов глоток имперских гвардейцев, и терцание в воздухе сотен несущихся к ним сюрикенов, выпущенных неприятелем.

Неожиданно Сарнедон снова оказался там, когда десантники ворвались на позицию, превратив энергетическое оружие в полыхающий костер и затинировав все боеприпасы. Но это оказалась засада, и из-за края стены вырвались эльдары в масках, с ярко сверкающими силовыми мечами, они с невероятной быстротой и ловкостью подпрыгивали, увертываясь от выстрелов.

Сложилась критическая ситуация. Но Сарнедон не боялся. Пришла ярость, она бросила его в гущу схватки, заставляя раз за разом разряжать болтер в незащищенные тела, сворачивать шеи и раскалывать черепа, скрытые масками с драгоценными камнями вместо глаз.

Очередь из болтера перерезала ближайшего из нападавших, его почти разорвало надвое, вся красота ксеноса истекла, как только тело упало на камни. За время меньшее, чем понадобилось пуле найти свою цель, к смерти приблизились еще двое. Он рубанул мечом одного, тот упал, другой ответил, и язык лезвия глубоко погрузился в бедро библиария. Десантник ударил нападающего в голову, позволил ему упасть, а потом наступил на шею кератиновым ботинком, почувствовав, как под ногой стинается плоть.

Но в этот раз, переживая все заново, Сарнедон ничего не ощутил. Как будто под подошвой хрустнула яичная скорлупа или какая-то былинка.

Когда покачнулся третий, оставив

свою руку зажатой в кулаке библиария, Сарнедон не ощутил священного триумфа, который охватил его в тот день. Когда тело противника, больше похожее на кровавое месиво, перевалилось через край стены и полетело к земле, маячившей в ста метрах внизу, он не воскликнул от радости победы, хотя помнил, что делал так всегда.

То был момент, когда Сарнедон доказал, что достоин носить имя Успивающего Души, показал себя на поле боя. Младший библиарий со странными психопе-редающими способностями, которого приняли в Орген только в качестве эксперимента, убил троих вероломных ксеносов, подержав арьергард наступающей группы. Его хлопали по спине и приветствовали на победном пире, когда крепость сгорела. Он знал, что наконец заслужил свое место на стороне Дорна. Теперь все это не имело значения. Вообще.

Архивисты Оргена даже посвятили ему несколько строк в своей саге об осаде крепости Квиксиан Обскура. Это был его третий бой после послушничества.

Десантники говорили, что он, наверное, сильно проникся словами Дениатоса, если столь уверенно следует букве «Боевых Катехизисов». Такая честь выпадала только нескольким воинам его статуса, но теперь Сарпедону почему-то стало на все это просто наплевать.

Он знал, что посмотрит вокруг, увидит тело сержанта Каллиса, зарубленного силовыми мечами эльгар, соберет оставшихся в живых из своего подразделения и ударит в тыл ксеносам, уже собравшимся напасть на атакующих боевых братьев. Он знал, что услышит страшный грохот открывающихся ворот, от которого содрогнется земля, и радостные крики тысяч гвардейцев, вливающихся в крепость, дабы предать ее мечу и огню. Он был там, вспоминал момент своего триумфа сотни раз. Но сейчас все оказалось другим, незначительным и отдаленным. Братья-десантники погибли. За что? Презренные тела ксеносов лежали перед ним — разве стоило из-за них тратить жизни отличных воинов? И кишащая тупая орда

зваргейцев внизу — разве было в той крепости хоть что-нибудь, за что стоило сражаться? Император, чье имя звенело у всех на устах, находился за тысячами световых лет от поля боя, а Его воля извращалась и попиралась людьми, которые правили вместо Него.

Вокруг простиралась пустыня. Вместо гордости осталась огромная пропасть.

Кэон, стоявший на зубцах гидравлического подъемника ворот, скользких от крови ксеносов, неожиданно повернулся и уставился на Сарнедона глазами, в которых горел бес войны.

— Утри, — сказал он голосом духа машины 674-XU28. Сарнедон ожесточенно затряс головой, и перед его глазами вновь появились стены кельи. Космогесантники никогда не спали, но в редкие часы полудремы могли грезить, и в этих снах Сарнедон часто посещал крепостную стену цитадели Квиксиан Обскүра. Но никогда он не чувствовал того, что сейчас, такой пустоты перед лицом битвы, когда Успивающий Души должен наслаждаться

славой сражения.

Зарево горящей крепости наконец погасло, и библиарий оказался один в келье. На стене висела панель Для чтения инструктажей и докладов да полка, на которой стоял томик «Боевых Катехизисов». Доспехи аккуратно сложены в углу, болтер и энергетический посох размещены на оружейной стойке. Большие в комнате ничего не было. Хотя разве Успивающему Души нужно что-то еще?

Все стесалось, волнение переполняло библиария. Он воюет уже семьдесят лет, но понимает ли хоть что-нибудь в этой жизни? Сарнедон затерялся в бесконечной круговерти чести, сражений, священного гнева. Семьдесят лет, сотни битв, а больше ничего нет. Победы, как и прежде ярко горящие в памяти, почему-то перестали наполнять гордостью, хотя еще пару месяцев назад от воспоминаний замирало сердце. Сарнедон посмотрел на свое тело и увидел шрамы от ран и операций — десятки порезов по краям имплантированного панциря, уродливый рубец, оставшийся от орочьего цепного

меча, белесое пятно там, где ему
пересадили кожу, и дюжина оспин,
оставшихся после удачных выстрелов
противника. Они нигде не исчезли,
просто теперь он почувствовал, что,
получив их, ничего не приобрел взамен.

Крохотный зеленый курсор затигал в
углу панели корабельной связи. Сарнегон
сосредоточился на иконке сетчатки, и на
экране появилось изображение техноде-
сантника Лигриса. Тот получил ужасную
нейротравму во время борьбы с духом
машины, и апотекарии хирургическими
скобками зафиксировали его лицевые
мускулы, чтобы предотвратить
постоянные спазмы. Выглядело это так,
как будто чье-то чужое лицо прибили к
передней части головы техника.

--- Командор Сарнегон, требуется
ваше присутствие на мостике. Команда
сервов что-то засекла.

--- Что-то?

--- У нас есть некоторые
предположения, но нет должного допущения.
Тут самые засекреченные коды, которые
мы когда-либо видели.

--- Подробнее.

--- Картинный уровень, командор.

--- Даже наши старшие тактики не могут открыть картинный уровень кодировки. Придется ждать, пока они до нас доберутся, если хотим узнать, кто же это такие. --- Бекк из всех сил старался казаться важным, поэтому набрал полную грудь воздуха и заложил руки за спину соответственно ситуации. Скорее всего медали за долгую службу, висевшие на тундире, капитан полировал именно для таких случаев.

Талая взглянула на плывущие по экранам потоки бессмысленных символов.

--- Согласна. Предварительное сканирование показывает значительный энергетический потенциал. Предлагаю включить защитные поля, как того требует стандартная процедура на случай приближения неизвестного корабля.

--- И приготовить красную ковровую дорожку в одном из стыковочных шлюзов, --- продолжил Бекк. --- Могут быть гости.

--- Очень хорошо. Сделайте все. --- Хлур не сомневался, что решение приняли

без него. Он окончательно превратился в тарулетку.

Два взвоя истребителей с «Грандиозного» даже сейчас виднелись маленькими потеченными пятнышками на обзорном экране капитанского мостика. Они развернулись веером, окружив новый корабль и тщательно карауля его. На всякий случай.

--- Связь потеряна! --- закричал кто-то, неожиданнотревожные сигналы цвета спекшейся крови озарили мостик своим болезненным светом. --- Мы потеряли контроль над связью!

На палубу по команде тревоги ворвались войска безопасности и несколько команд ремонтников, техножрецы низшего ранга. Служебные сервиторы, блистающие множеством сервоинструментов, выкатились из ремонтных альковов. Все начали ожесточенно рыться в консолях, отвечающих за обеспечение связи.

--- Перехвачено управление системой оповещения и сетью связи, --- невыразительно пробормотала Талая. --- Воспреещение и использование.

— Почему? Они враждебны? — Хлур пока удавалось избегать непосредственного участия в конфликте, и он явно не желал менять сложившуюся ситуацию.

— Неизвестно, — предсказуемо ответила Талая, темно-красный свет только подчеркнул острые черты ее лица.

Бекк спрыгнул в отделение датчиков сенсориума, погруженного в палубу «Упорного», которое сейчас было забито жестикующими, гомонящими техножрецами и младшими офицерами, старавшимися понять сигналы, залившие информацией корабельные сенсоры. На полу валялись горы распечаток.

— Вот! — закричал Бекк, указывая на поток координат. — Выведите это на экран!

Появился корабль. И какой корабль! Яркая вспышка в костосе, деформирующая потоки света, проходящие сквозь нее, так, что звезды превращались в глинные белые полосы. Несколько сенсорных датчиков, показания которых понимал Хлур, утверждали, что перед «Упорным» ничего не было.

--- Это имперские корабли? --- спросил консул.

--- Возможно, --- ответил Бекк из сенсориума. --- Вот только если это так, нас ждут большие неприятности.

Неожиданно завопили корабельные громкоговорители, Хлур попытался прикрыть уши, но тщетно. Он представил, как точно такой же звук несется из каждого динамика на всех кораблях флота, но связи до сих пор не было, поэтому наверняка ничего сказать было нельзя.

--- Потерян контроль над управлением, --- сказала Талая, прежде чем полностью вырубилось освещение.

Экипаж застыл. Капитанский мостик «Упорного» освещал только обзорный экран, озаряя лица команды призрачным бело-голубым светом.

--- Членом Бессмертного Императора и всех Его Доминионов, --- раздался звонкий гортанный голос из каждого громкоговорителя на корабле. --- Этот линейный флот переходит под командование лорда Горго Тсурса и Ордо Еретикус. Ваши корабли теперь мои, как

и ваши души и тела. Все вы всего лишь
инструменты для исполнения воли
Императора.

Хлур слышал шепот младших
офицеров внизу. Но правде говоря, он знал,
что это произойдет. Принимая во
внимание природу их противника и
принципы, поставленные на кон, это
должно было случиться. Консул отдал бы
все, чтобы сейчас очутиться на какой-
нибудь ферме по разведению гроксов, где
удобно, только подальше от организации,
теперь командующей его флотом.

Изображение на обзорном экране
поплыло, когда линкор попал под действие
сенсорозащитного поля, отражающего
любой сигнал от корабля, омываемого
потокатами мерцающего света. Взглядом
команды «Упорного» предстал темный
блестящийся металл, разбитый на
сенсоротражающие треугольные панели,
со светящимися черными портами
просмотра, похожими на прищуренные
глаза, и острыми лезвиями излучателей,
выступающими вперед. Звездолет походил
на блестящую летучую мышь. Два

обтекателя светились сзади, словно веера из стальных перьев, а из сверкающей сердцевины вырывались на волю маленькие хлопья — служебные корабли, образуя вокруг своего родителя ожерелье охраны, сияющее голубым светом выхлопов двигателей.

На полностью черном корпусе корабля сверкала Эдая эмблема. Очень простой символ, но его хватило, чтобы подтвердились наихудшие опасения Хлұра и перехватило дыхание у всех членов экипажа. Мало кто из команды когда-либо видел его вживе, но каждый знал, что он значит, по детским историям, которыми проповедники схолаиұтов вбивали послушание в учеников.

Большая стилизованная буква «Т» со светящимся черепом наверху.

«Лаконийская травля» теперь официально переходила под командование Священной Имперской Инквизиции.

Глава шестая

Угловатый черный шаттл, с символом Инквизиции, выпущенным на корнүсе, упорно петлял среди вращающихся катней Поля Цербера. Он не был вооружен и передавал сигнал перетирия, держась на почтительном расстоянии от «Грозовых ястребов», которые «Вечное правосудие» выделило для сопровождения.

Сарнедон наблюдал за приближением челнока с капитанского мостика «Вечного правосудия». Как только корабль стал виден на экране, библиарий уже знал, что он послан Инквизицией. Сервы в вакуумных скафандрах зафиксировали блестящий звездолет в шлюзе стыковки и поспешили удалиться, едва захватчики появились.

Сарнедон ждал в комнате для аудиенций, где на потемневших от времени стенах висели гобелены с изображениями героев Оргена, а плиты пола стали идеально гладкими от поколений топтавших их керамитовых ботинок. Он смотрел на голопанель,

наблюдая за появившимися из корабля людьми, оценивая возможный потенциал противника.

Хотя челнок пришел под флагом перетирия, не было никакого сомнения, что представители Инквизиции доверяли только бросающейся в глаза силе. Фаланга из двадцати отрядов Орго Еретикус промаршировала по тране шаттла, все в блестящих темно-красных доспехах, вооруженные хеллганатами, лица закрыты масками, на поясах висят связки гранат. Последним из челнока вышел человек, полностью закутанный в темно-серые одежды, большая, прикрепленная к плечам установка для подкожных вливаний вкачивала какую-то темную жидкость в шею вновь прибывшему.

Астронавт, предположил Сарнедон, для быстрой психической связи с главным кораблем Инквизиции. Скорее всего пожилой и опытный, судя по сгорбленной спине и неестественной походке.

По краям инквизиторских войск шли два наемных стрелка. Один — мужчина, одетый в странный костюм из

потрескавшейся кожи, с шотганом в руке, с
мускулами, покрытыми обильной росписью
татуировок, с казавшимся уродливым
большим имплантированным глазом.
Другой оказался женщиной с огромным
шрамом от ожога на лице, в увесистых
раздутых доспехах, с тремя пистолетами
на поясе. Сарнедон слышал рассказы, что
некоторые менее ортодоксальные
инквизиторы нанимали всяких подонков в
качестве полевых агентов и
телохранителей. Эти двое
низкорощенных контрастно выделялись
на фоне войск Инквизиции, маршировавших
рядом с ними.

В центре фаланги стоял человек,
покрытый в медные доспехи с непомерно
огромным нагрудником и латными
перчатками. Лицо инквизитора казалось
неестественно молодым, даже красивым, он
был чернокожим. За спиной у него висел
меч с огромным лезвием, примерно
полтора метра длиной и полметра
шириной. Сарнедон удивился, не понимая,
как воевать с таким оружием, но вида не
подал.

На шею красавца висела инсигния Инквизиции, сделанная из чистого серебра, простой и совершенно ясный знак власти.

Для подобного рода процедур существовали протоколы. Сарнедон стоял в центре зала для аудиенций, Гивриллиан со своим отрядом тактиков расположился за его спиной, наблюдая за ходом церемонии. Инквизиторские войска остановились в противоположном конце помещения, а гость неторопливо отправился навстречу Сарнедону.

Доспехи этого человека делали его похожим на костодесантника. Меч на спине по-прежнему казался чрезмерно огромным. Сарнедон внимательно изучил противника и не увидел мест, где тот мог спрятать еще какое-нибудь оружие.

--- Библиарий Сарнедон, --- произнес гость спокойным и учтивым тоном. --- Я --- дознаватель К'Шук, посланник лорда-инквизитора Тсүраса из Ордо Еретикус. Мой повелитель прислал меня донести его требования до вас и ваших людей. Вы обвиняетесь в измене, ереси действует и множественных убийствах слуг Святого

Императора в лице техногвардейцев,
размещенных на корабле 674-XU8.

Вы немедленно передаете свои
транспортные средства под мое
командование, все оружие и доспехи сдаете
команде герметизации. Вас заключат под
стражу и подвергнут процедуре Военного
Дознания и полного Медицинского Допроса
во время транспортировки в мир-крепость
Унквизиции для переработки. Вам
следует сотрудничать с нами во всех
вышеперечисленных пунктах, отказ
выполнить любое из наших требований
будет считаться признанием собственной
вины.

К'Шук сложил руки за спиной, ожидая
ответа.

Чего-то подобного и ожидал Сарнедон,
как только стало понятно, что к делу
подключили Унквизицию.

Тсүрас заберет у Успивающих Души
оружие, доспехи, перевезет на тюремный
корабль и использует все средства, как
старые, так и новые, чтобы выбить из них
признание. Независимо от результатов
Военного Дознания, Сарнедона и его

гесантников отвезут на планету, находящуюся под контролем лорда-инквизитора, подвергнут пыткам и казням. Обвинительный приговор, смерть всех его людей казались неизбежными, но это потрясло библиария. Разоружиться, безвольно лежать, пока тебя мучают и пытаются добровольно отказаться от возможности ответить, защитить свою честь, собранную вместе с кожей, -- для любого Испивающего Души это было хуже смерти.

Подобным ультиматумом Оргену только что нанесли страшное оскорбление, беспрецедентное по своим масштабам. Тсүрас и К'Шук знали, каков будет ответ гесантников. Но все равно для подобного рода процедур существовали протоколы.

-- Дознаватель К'Шук, -- начал Сарнедон, -- Испивающие Души не признают власти лорда-инквизитора Тсүраса и любого чиновника Империи. Император прогнул, он служит только себе, его действия -- насмешка над священными заветами Бога-Императора. Он отнял у

Оргена то, что по праву принадлежит
Успивающим Души. Мы попытались
вернуть похищенное, нас решили
уничтожить, затем стали преследовать,
и в конце концов Империя послала своих
агентов, чтобы нанести нам невиданное по
дерзости оскорбление, требуя от воинов
добровольного унижения.

Мы отвергаем ваши требования,
госзнаватель К'Шук. Успивающие Души
подчиняются только воле Императора, а
вы действуете исключительно от своего
имени.

--- Очень хорошо. --- Лицо инквизитора
осталось не проницаемым. --- Командор
Сарнедон, я считаю своим долгом
сообщить вам, что Оргену Успивающих
Души объявляется Экскоммуникатус,
отныне вы считаетесь изменниками, а
ваши имена будут стерты из анналов
истории. Имя Оргена будет убрано из
списков почета Зала Героев, вычищено из
памяти имперских архивов. Ваш генокод
будет уничтожен, а тела подвергнутся
кремации, дабы ваша кровь более не
оскверняла человечество. Империя людей

поворачивается к Успивающим Души
спиною.

Признайся сейчас, Сарнедон, раскайся в
своих грехах, и смерть твоих людей будет
быстрой. В ином случае вы будете
мучиться столько, насколько тяжелы
ваши грехи перед Императором.

Библиарий протолчал. Глубоко в
душе он уже знал, что этим все кончится,
но не мог смириться с самой мыслью о
подобной возможности. Отлученные
Изменники. Изгой человеческой расы.
Лишенные света Императора. Хотя он и
его десантники уже poznали подлинную
скверну Империи, отказались служить
ему, эта мысль до сих пор наполняла его
трепетом. Его отлучили от
человечества. Не было да и не будет
судьбы страшнее.

Сарнедон содрогался от ужаса, но
одновременно в нем закипал гнев.
Империи постел осудить их, тех, кого не
один смертный не мог осудить. «Используй
свой гнев, — подсказал внутренний голос. —
Используй его, пусть он заострит твои
чувства, пусть не даст оцепенеть от

угара или похолодеть от страха. Элись, гневайся, в этом сейчас твоя жизнь».

К'Шук потянулся к эфесу огромного меча, висевшего у него за спиной.

— Вы понимаете, командор Сарнедон, что ваше поведение сейчас показало, какую угрозу вы представляете стабильности Империи. Инквизиция не может допустить, чтобы ваше существование и далее множило ваши грехи. Я уполномочен инквизитором Тсурасом провести вашу немедленную казнь.

Сарнедон знал, что они попытаются снова убить его, как уже хотели сделать это, запустив «Герион» и намереваясь покрыть огнем звездный форт. Так логично — он понял, что же на самом деле представляет собой Империя и теперь его слуги сделают все, пытаясь искоренить правду. Но теперь, когда перед ним открылась истина, здесь, в священном веками зале «Вечного правосудия», он позволил своему гневу вновь взять верх. Кто-то воображал себя не просто равным Сарнедону, а выше него, кто-то позволил себе вынести ему

смертный приговор — это уже граничило с
откровенной непристойностью. Дениз
писал, что эмоции — враги простого
солдата, но союзники костодесантника.
Используй ненависть, направь ее, обрати в
силу.

К'Шук вытащил меч, он казался
невозможно легким в его массивных
латных перчатках, и улучшенный слух
Сарнедона уловил слабый шум таленьких
антигравитационных моторов, когда
лезвие пролетело над плечом дознавателя.
Устройства поддержки, одно в рукоятке,
другое в лезвии. Меч действительно был
легким, его мог поднять и ребенок, но
абсолютно несбалансированным и
настолько трудным в обращении, что
большинство трактатов по военному
искусству считало подобное оружие
абсолютно бесполезным в битве.

Но К'Шука послали сюда в качестве
палача, он владел антигравитационным
мечом в совершенстве, его искусство
находилось за гранью человеческого
понимания. Дознаватель вышел вперед и
неожиданно нанес удар.

Подразделение Гивриллиана и отряд
Унквизиции не двинулись с места.
Вмешиваться в дуэль между обвинителем
и обвиняемым не позволяли законы чести.

Лезвие взвизгнуло рядом с ухом
Сарнегона, казалось, оно разрезало воздух,
настолько было острым. Библиарий
уклонился и вытащил энергетический
посох, едва успев парировать очередной
удар.

К'Шук владел оружием превосходно,
делал выпады с такой быстротой и
изощренностью, которые приходят, только
если тренироваться с детства. Тсүрас,
наверное, держал целый отряд постоянно
обучающихся юных дознавателей и каждый
раз находил какого-нибудь очередного
К'Шука.

Сарнегон отступал, лезвие резало
воздух перед ним, подобно молнии.
Движения дознавателя были
стремительными и точными. Укол в
горло плавно переходил в атаку на плечо, и
лезвие глубоко вонзилось в керамику
доспеха, вспарывая его, как обыкновенную
бумагу. К'Шук отбросил наплечник в

сторону, провел красивый выпад Сарнегону в торс, который тот парировал широким замахом, на секунду открывшись.

Унквизитор снова закрутил меч, и в этот раз массивное широкое лезвие впилось библиарию в живот. Красная кровь расплескалась по всему телу, из раны полилась кровь, но Сарнегон знал, что выживет, знал, что продолжит поединок. Он уже получал тысячи ранений и понимал, какие способны его действительно затормозить.

Более того, он знал, как победить. К'Шук был подобен молнии, а его меч казался совершенным оружием, с которым десантник еще никогда не встречался, но техника дознавателя превосходила разнообразие его приемов. Какую бы древнюю систему боя ни использовал унквизитор, она основывалась на замысловатой серии ударов, которые позволяли ее последователям применять невесомый меч в гнев. В ней сплелись миллионы вариаций на тысячу приемов, но все они сейчас жили здесь, в ногах К'Шука, передвигающихся по полу, в ярких фигурах.

создаваемых лезвием, рассекающим воздух. Полоротступ назад становился прологом к боковому выпаду, а верхний удар силового посоха обычно отражался широким круговым взмахом, переходящим в контратаку, направленную в солнечное сплетение. В каждом действии инквизитора сквозили некие ключевые принципы, и Сарнедон мог их вычислить...

Постепенно он начал понимать основы владения невесомым мечом. При ударах снизу вверх оружие вырывалось из рук своего обладателя благодаря антигравитационному оборудованию, поэтому К'Шук старался или не пользоваться. Инквизитор не мог сразу поменять направление меча, поэтому последовательность ударов строилась и так, чтобы один плавно перетекал в другой. Техника была быстрой и очень эффектной на вид, но серьезно ограничивала возможности дознавателя. Тот компенсировал недостатки высокой скоростью, но этим мог похвастаться и Сарнедон.

Библиарий напомним себе, что хотя

он никогда не сражался с противником, равным К'Шук, верно было и обратное. Инквизитор, наверное, уже казнил сотни утелых противников, язычников-чужаков и еретиков, пронизанных щупальцами варпа, но он никогда не встречался лицом к лицу с кем-то, представляющим такую же опасность, как разгневанный костогесантник, сражающийся за свою честь.

Тело Сарнегона быстро покрывалось ранами — глубокий прокол предплечья, вынаг, опасно приблизивший кончик меча дознавателя ко второму сердцу Сарнегона. Лезвие было широким, поэтому каждая рана нежilosердно кровоточила, несмотря на быстро сворачивающуюся кровь гесантников. К'Шук мог убить Сарнегона, просто истощив его множественными ранами. У библиария кончалось время. Ему срочно надо было расшифровать код техники боя инквизитора, иначе он так ослабее, что никакое знание уже не поможет.

Сарнегон блокировал удар сбоку и понял, что за ним последует. У К'Шука

появилась возможность нанести вынаг
вверх, смертельный удар прямо под
челюсть. Библиарий отступил назад, и
лезвие просвистело на волосок от его лица.

Дознавателю понадобилась
драгоценная доля секунды, чтобы
остановить движение меча вверх,
развернуть его и направить вниз. В этот
момент он открылся, и Сарнедон ударил.

Вынаг в живот не пробил бронзовые
доспехи К'Шука, но тупой конец
энергетического посоха оставил
массивную вмятину, которая должна была
разорвать внутренние органы
инквизитора. Он кубарем покатился назад,
меч упал на рукоятку. Сарнедон продолжил
удар, и его оружие ударилось о доспех
рядом с ключицей противника.

Библиарий снова сделал вынаг и
попал. Конец посоха прошел через горло
К'Шука, выйдя с другой стороны шеи.
Сарнедон обошел дознавателя, схватил
скользкое от крови рунное дерево и
потянул, протаскивая оружие на всю длину
сквозь плоть противника, пока увенчанная
орлом рукоятка не вспорола горло.

инквизитора. Хлынул поток крови.

К'Шук старался повернуться, но Сарнедон разорвал ему позвоночник. Ноги дознавателя подогнулись, и он, кинув последний обвиняющий взгляд на десантника, рухнул на пол, практически обезглавленный. Невесомый меч выскользнул из его руки и спланировал вниз с изысканной медлительностью опавшего с ветки листа, моно-молекулярное лезвие наполовину погрузилось в плиты.

Вокруг стояла тишина, слышался только еле различимый звук льющейся крови, толчками бьющей из горла К'Шука.

Сарнедон вложил энергетический посох в ножны на спине и посмотрел на войска Инквизиции и наемников, на десантников подразделения Гивриллиана, аккуратно занимающих зал. Стало понятно: схватка будет жаркой.

--- Перережьте погачу топлива на их челноке, --- приказал командор. --- Пусть дрейфуют.

Он услышал, как штурмовики Ордо Еретикус убрали пальцы с курков своих хеллганов.

Подразделение Гивриллиана окружило их, а перед Сарнедоном затерцали руны подтверждения --- сервы-рабочие уже работали над шаттлом.

Он хотел убить их прямо сейчас, всех воинов Инквизиции и наемную шайку КШука, только за то, что они постыдились осквернить своим присутствием корабль Успивающих Души. Но они могли ответить, могли погибнуть хорошие десантники.

К тому же для подобного рода ситуаций существовал протокол.

В лекционном аудиториуме «Упорного» голографический экран на всю стену проецировал изображение Поля Цербера, астероидов, зернистого тумана, оранжевых пятен. Линейный флот операции «Лаконийская травля» был представлен набором голубых иконок на краю большой круглой комнаты. Между флотом и противоположной границей астероидной зоны маячили два кинжалоподобных маячка: «Гончая» и «Вечное правосудие», направляющиеся к выходу из Поля.

Большинство из команды «Упорного» сидели тут же, смотря на повторение сцены, когда Успивающие Души несколько месяцев назад убегали от их флота.

В отдалении от остальных расположился инквизитор Тсүрас, бесстрастно взирая на экран из последних рядов. Сноровка, с которой крейсерам Оргена столь долго удавалось уходить от преследования, вызывала в нем восхищение. Правда, невольное.

Своённые ударные волны рассеяли ближайший край астероидного облака, вызвав бурю оранжевых вспышек. Кинжалы влетели в образовавшийся просвет, астероиды стеной сошлись за ними, а голубые квадраты резко затормозили, как только Поле Цербера восстановило первоначальное положение.

--- Гравитационные торпеды? ---
спросил инквизитор Тсүрас.

--- Мы так не думаем, сэр, ---
ответила старший тактик Талая, поставив на паузу голографическую проекцию. --- Скорее всего Успивающие Души симулировали. Использовали

торпеды для нападения, нагрузив их дополнительными боеприпасами, так как взрывная волна пошла во все стороны.

--- Тогда их полет вполне можно назвать безрассудным.

--- Безумным, --- согласилась Талая. --- По нашим данным, у них случилась какая-то поломка уже внутри Поля Цербера, но проверить точно мы это не можем. Повышенный риск их маневра говорит об отчаянии.

--- Похоже, вашим силам не по зубам такие трюки, а, консул?

--- Их ударные крейсеры гораздо более подвижны, чем любой из наших звездолетов, лорд-инквизитор, --- ответил Хлур, не сумев побороть в голосе оттенок нервозности, который, естественно, не укрылся от острого слуха Тсүраса.

--- Разумеется.

Инквизитору не нравился старший консул Хлур. Он постоянно потел, был чересчур робким и явно не на своем месте. Любой порядочный командующий, осознавая беспрецедентную важность миссии, пожертвовал бы одним кораблем, тем

самым проверив почву и убедившись, что
возможностей для непосредственного
штурма действительно нет. Тут
найдется предостаточно капитанов и
экипажей, которых можно отправить на
смерть без ущерба для дела.

Хорошо, что он прибыл на место.
Такие операции всегда балансируют на
границе полного фиаско. Инквизитор уже
много раз видел подобные ситуации и
часто выносил смертельные приговоры за
некомпетентность.

Но не в этот раз. С таким
предательством ему еще не приходилось
сталкиваться. Высочайшая Имперская
Измена. В первый раз приказ Тсурса не
был исполнен. Его палач, дознаватель
КШук, не вернулся и не доложил об успехе.
Позор, ведь Тсурас возлагал на этого
человека большие надежды, поскольку тот
был самым хладнокровным убийцей, с
которым когда-либо встречался лорд-
инквизитор. Но по крайней мере теперь
сомнений касательно командора Сарнедона
и его Испивающих Души не осталось.

— Как вы можете себе представить,

инквизитор, — продолжала Талая, — наша текущая тактика заключается в усилении блокады и поиске альтернативных путей. Нашему подразделению ясно, что лишения могут сделать противников беспомощными, позволив нам начать кампанию по проникновению в Поле Цербера.

— А в этот раз противник не предпримет никаких действий, которые застанут вас врасплох? — спросил Тсүрас. — У них нет возможности втянуть вас в драку? Из-за длительной осады люди устают, дисциплина слабеет, реакция становится вялой и заторможенной от долгого бездействия. Подобные вещи происходят сплошь и рядом. Люди становятся ленивыми. Нерешительными. А вот костодесантники просто не способны на такое. Они не устают. Их разум действует с остротой лезвия бритвы до самого конца, и скоро они уже будут ликовать над обугленными останками ваших кораблей.

Талая ничего не ответила. Хлур беспокойно заерзал, и Тсүрас лениво

подумал, что у него пока не нашлось причин, по которым консул должен остаться в живых.

--- Мы будем действовать сейчас, решительно. Не важно, сколько людей мы потеряем, каждая секунда протекновения дает преимущество нашим противникам. Они не спят. Очень редко едят и пьют, и если по каким-либо причинам лишаются пищи, то проживут за счет слуг своего Ордена. Там не вопящая от ужаса толпа. Они не сломаются, чтобы доставить вам удовольствие. Мы сами должны сломать их.

--- Мы не знаем, --- встряла Талая, сохраняя железное спокойствие, --- могут ли вообще наши корабли войти в Поле Цербера.

--- Не надо со мной спорить, тактика. Десантники пробили себе путь внутрь, хотя у них не было гравитационных боеголовок. У нас же нет такой проблемы. На моем корабле предостаточно гравитационных ракет --- как раз для этой цели. В любом случае, увидев, как тут управляют гелами, я беру командование на

себя лично. Пусть каждый капитан имеет на своем корабле подразделение истребителей с полным боекомплектom, готовое к вылету. Возможно, вы сможете сохранить хоть каплю собственного достоинства, перестав постоянно мне перечить.

Ересь. Как они не понимали? Она словно чума, похожа на паразитов. Ее невозможно уничтожить, если ты не готов принести в жертву большую часть того, что должен спасти. Если мир будет заражен ересью, то можно покрыть каждый квадратный метр каждой планеты дымящимися кратерами глубиной в рост человека, но и тогда где-нибудь затаится предатель, готовый отравить, осквернить все, что осталось. Инквизитор Тсүрас прекрасно это знал, так как уже видел нечто подобное.

Тут целый Орген Космогесанта впал в ересь, а эти офицеры грозят, словно малолетние сосунки, не видя, как под их носом разрастается раковая опухоль. Но крайней мере теперь противнику официально объявлен Экскоммюникатус и

и нелѣзможно применять любые меры. Его
наго подвергнуть Правосудию Императора.

Тсүрас встал, возвышаясь над всеми
тремя метрами своего роста. Скелетные
удлинители, бронзовые наплечники,
украшенные стилизованными рогами,
толстая кожаная мантия и пустые
желтовато-серые глаза — все было
призвано поставить на колени собравшихся
здесь людей, чей дух столь слаб. Простые,
фактически косметические имплантаты,
бесконечно далекие от сложных протезных
систем, которые, по слухам, использовали
Агентс Механикус, но они работали.
Только на офицера-тактика Талаю
представление, казалось, не произвело
никакого впечатления, из чего Тсүрас
заключил, что она еще более глупа, чем
позволяла предположить ее речь, сплошь
состоящая из бесконечных цитирований
кодекса.

Он эффектно покинул аудиториум,
оставив офицеров наедине с
голографической проекцией их флота,
беспомощно затершего на краю
астероидного поля.

Десантники. Испивающие Души, которые по всем параметрам явно не были самыми дружелюбными из слуг Императора. Лорд-инквизитор не мог дожидаться того момента, когда он принесет тысячу отрубленных голов конклаву проповедников Ордо Еретикус, когда увидит вытянувшиеся лица своих союзников и врагов. Это дело прославит его. Его имя впишут в историю, о нем будут рассказывать ученикам-гнозавателям, как один человек смог уничтожить целый легион самых смертоносных убийц Галактики. Просто на стороне Инквизиции справедливость и вера, а значит, и победа.

Но надо еще столько сделать. Проверить, как устанавливаются и настраиваются гравитационные боеголовки, — старая технология, очень тонкая, требующая деликатного подхода. Он не позволит, чтобы чья-нибудь беспечность поставила под удар звездный час его карьеры, только не теперь, когда потеря палача наглядно показала всю злобу противника.

Даже сейчас хор астронавтов передавал приговор Успивающим Души по всему Империи, объявлял их Экскоммуникатус — Изменниками, каждый инквизитор знал о том, как важна миссия Тсұраса. Позади него будут наблюдать за происходящим бесполезные офицеры, дрожать от ужаса и повинаться каждому его слову, зная, что протестование может стоить им жизни. Они будут потеряны, запуганы, одноразовые людишки. Те из них, кто хоть что-то знал об Инквизиции, слышали лишь байки о безжалостных крестовых походах, во время которых убивали и подвергали пыткам население целых планет, ибо ничто не должно стоять на пути моральной чистоты Империи.

Большинство из этих рассказов были правдой.

Инквизитор Тсұрас улыбнулся.

Приказы, подтвержденные высочайшими инквизиторскими полномочиями, исполнялись в мгновение ока. Наступающий флот «Лаконийской травли» был полностью вооружен и

заправлен горючим через три с половиной часа после объявления Тсүраса, каждый член команды занял свой пост, всех расставили по местам. Люди ждали приказа. Первое подразделение бомбардировщиков вылетело с «Ярости кающегося грешника». Никто не ожидал, что им будет кто-то противостоять, но тем не менее они пошли в атаку в сопровождении истребителей, просто для уверенности.

За первым звеном последовали полчища кораблей. «Мстители» и «Преторианцы» с трюмами, наполненными бомбами, контрольные звездолеты, несущие на борту груз полуразумных торпед, сверкающие черные «Коштары» с треугольными крыльями, вылетевшие из доков инквизиторских кораблей. Точного количества истребителей и бомбардировщиков, задействованных в операции «Лаконийская травля», не знал никто. Примерные подсчеты показывали чудовищные числа, тысячи единиц техники.

Авангард, хотя члены экипажей об

этот даже не подозревали, отправили, чтобы проверить плотность Поля Цербера. Дюзы кораблей забивались микрометеоритами, корпуса рассекали ледяные глыбы или изгибались под воздействием гравитации суперплотных железистых астероидов. Флотские логисты под командованием Тсүраса контролировали количество смертельных случаев, высчитывая, где лучше всего ударить. Когда о стену битого камня разбилось около сотни кораблей, залп гравитационных ракет вырвался из острого носа звездолета Унквизиции.

Размер торпед говорил об их возрасте, они действительно оказались древними, секрет их производства затерялся в толще времен. Они стоили очень много, еще труднее было их достать, но Тсүрас знал, на что идет.

Звено бомбардировщиков шарахнулось в сторону от медленно летящих ракет, и вот немыслимо дорогие снаряды взорвались на каменной границе. Поле Цербера начало разрушаться. Волны электромагнитной энергии сдвигали глыбы костической

породы все ближе и ближе, фортируя
гравитационную ловушку. Астероиды
втягивались в эпицентр, в свою очередь
увлекая за собой еще больше материала до
тех пор, пока не началась цепная реакция и
Поле не сжалось в единый каменный
монолит.

Взорвалась следующая волна
боеголовок, и эффект стал глубже,
растопливая путь к позициям Успивающих
Души в сердце скопления астероидов. За
ними следовал наступательный флот, и
многие летели к цели вслепую, так как
навкозигаторы выключились из-за
чрезмерного фона помех. «Гончая» и
«Вечное правосудие» едва виднелись галеко
впереди — двойные серебряные вспышки
темного пурпура в черноте космоса.
Корабли висели с выключенными
двигателями, бомбардировщики могли
спокойно подлететь поближе и сделать все
по старинке.

— Мы здесь не беспричинно, дети
мои. — Голос Узера был вдохновенным как
никогда, но в этот раз более тихим и
каким-то задумчивым. — Архитектор

предвидел, как все наши поступки, хорошие или, плохие, приведут нас к этой точке. Если ты утρεл здесь, то это Его выбор. Так Он нас наказывает. Или вознаграждает.

Первый урок Архитектора Судеб. Любой, кто захочет посвятить свою жизнь исполнению Его плана, будет послан сквозь сеть, сплетенную Ум, к тому концу, какому человек заслуживает. Узер знал, что сделал все, ибо Бог говорил с ним, а священник всегда его слушался. Он основал церковь, защитил свою паству, просветил избранных Ум воинов. Если Узеру суждено здесь умереть, то это только к лучшему. Так тому и быть.

Первые бомбы прогремели, как раскаты грома, сердце «Гончей» заскрипело. Мужчины и женщины его паствы затрепетали как от страха, так и от холода, вызванного временным отключением систем жизнеобеспечения, чтобы поддержать минимальный энергетический уровень корабля. Параволок помещение арсенала, где они притаились. Узер стоял в центре,

средоточие их веры.

В оружейной не было оружия, и теперь она стала самой укрепленной частью корабля. Но это не спасет их, если взорвутся реакторы или бомбы нанесут звездолету критические повреждения. А может отключиться энергия, и их здесь замуруют. Тогда наступит смерть от холода или от удушья.

Если же каким-то чудом корабль будет потерян, но они выживут, тогда их ждет мучительная смерть в стенах Инквизиции. Их преступления, да и Экскотмуникатус, официально объявленный космогосантником, несомненно, потребуют ритуального очищения их плоти перед смертью. После такого наказания они точно сойдут с ума.

Сможет ли он это перенести? Узел прошел через множество лишений, когда был бедняком, вора, заключенным, но есть ли та точка, после которой он сможет отречься от своей веры? Сможет ли предать Архитектора Судеб и взять на себя самое низменное из преступлений под названием мучителя? Никто не знал.

Говорят, слава человека заключается в том, как он умрет. Узер надеялся умереть внезапно и быстро, во вспышке ядерного огня или в убийственном холоде пустоты.

Рядом с ним тихо плакала маленькая девочка. Храбрая, но сейчас на нее слишком много свалилось.

— Все в порядке, — сказал Узер, надеясь, что его голос звучит уверенно.

— Она плачет, потому что ничего не может с ними сделать, — ответил отец ребенка, похоронивший свою жену в пыльном аннигиляторе год назад, еще на звездном форте. — Можно справиться с чем угодно, если ты можешь с этим бороться. Но сейчас... мы все чувствуем себя такими маленькими.

— Вера, — тихо пробормотал Узер. — И больше ничего.

Еще один удар, за которым последовал грохот взрыва, казалось идущий отовсюду. Ударная волна бросила людей на пол. Какое-то время вокруг стояла тишина, звенящий белый шум.

Они умрут. Они все умрут.

— Это невозможно. — Лицо Тала

озарялось призрачным зеленым светом экранов, на которых переливались потоки информации. Хлур уже начал думать, что это ее естественный вид. -- На этом маршруте был наложен интердикт шестьсот лет назад.

-- Тогда что происходит?

Половина обзорного экрана мостика была занята самым лучшим изображением «Гончей», которое они смогли получить, -- размытой, искаженной темно-пурпурной формой, омываемой крохотными беложелтыми пятнышками взрывов, когда заряды первой волны бомбардировщиков достигли цели. Вторая половина была заполнена постоянно меняющимися сложными показаниями приборов, теряющих глину волн. Хлур в таких вещах не разбирался, но каждый офицер на мостике «Упорного» говорил ему то же самое. На экране появился значок варп-маршрута, точка входа-выхода редкого и относительно стабильного пути сквозь варп-пространство. Он пульсировал энергией большого количества пробивающихся через варп кораблей. Но все

справочники утверждали, что в этом секторе нет никакой точки выхода.

— Я не знаю, — ответила Талая.

Хлур в первый раз услышал неуверенность в голосе твердокаменного тактика. Может, в этой женщине все-таки не до конца умер человек.

— Хорошо. А Тсурас об этом знает?

— Должен, причем лучше нас, — заметил Бекк. — разумеется, вы понимаете, что здесь происходит.

Он помедлил, выдерживая эффектную паузу. Хлур попытался испепелить его взглядом.

— Шестьсот лет назад Инквизиция закрыла варп-маршрут Триста девяносто один-С, когда там что-то пробудилось и сожрало транспортный конвой. Тогда исчезло около трехсот тысяч душ. Астронавты попытались получить оттуда сигнал, но слышали только какие-то отголоски. Там стены плоти, так они сказали. Слыкающиеся стены плоти.

— А почему об этом никто не говорил?

— Маршрут не подавал признаков

жизни веками, консул. Кроме того, многие считали эту историю просто флотской легендой.

--- Только теперь эта штука снова проголодалась?

--- Может быть, консул.

Потом один из логистов неожиданно закричал, и из высокоинтенсивного нейроразъема, соединяющего его с банком данных сенсориума, вырвался снап искр. Человек выгнулся от чудовищного спазма, пока штекеры не выскочили из его головы, и упал, содрогаясь в конвульсиях. Младшие офицеры отдавали приказы, больше похожие на проклятия, а двое слуг поспешили убрать дымящееся тело. Остальные логисты не отреагировали на происходящее, запертые в мире, созданном сенсорати.

--- Что теперь? --- спросил Хлур, стараясь унять тошноту, вызванную зловонием сожженной кожи.

--- Обратная связь, --- ответила Салая. --- Там летит что-то большое.

Варп-маршрут 391-С открылся впервые за шестьсот лет.

Командный пункт «Ярости кающегося грешника» представлял собой большую круглую яму с отвесными стенами из железа, в которой, ряд за рядом, перед сенсорными экранами и голодисплеями располагались контролеры полета, лекстехники, статистики, техноагенты. Большинство из них никогда не покидали рабочего места. Некоторые здесь родились.

В воздухе звенели обрывки сообщений. Звенья стесались — огни по-прежнему бомбардировали крейсера Успивающих Души, другие еще только направлялись в утробу Поля Цербера или на последнем издыхании плелись обратно к флотским перевозчикам. Каждый экипаж испытал шок, когда буквально за несколько секунд за пределами Поля Цербера разверзлась трещина в вар-не и принялась поглощать звездолеты.

--- ...из ниоткуда... сворачивайте направо...

--- Держитесь за ведомы! Разворачивайтесь и летите обратно! Сейчас же!

--- ...вниз, падаю вниз...

Тсүрас метался между колоннами
банков памяти и звездными картами. Он
слышал звуки приближающегося кризиса.
Флотские капелланы по связи нараспев
читали похоронные молитвы экипажам
попавших под огонь или горящих кораблей.
Вакуумные печати взрывались, люди
кричали, горячее огненной рекой лилось по
корпусу. Там, где всего несколько минут
назад властвовала холодная
эффективность, теперь царили хаос и
отчаяние.

На каждом дисплее была одна и та же
картина: неизвестный корабль вынырнул
из варп-маршрута 391-С, безумно близко в
краю Поля Цербера, и выпустил залп
снарядов по истребителям,
направляющимся к Успивающим Души.
Огонь в упор из артиллерийских орудий и
турелей в ключья порвал несколько звеньев
бомбардировщиков, прежде чем они успели
разомкнуть строй. Передние эскадрильи
оказались в ловушке: с двух сторон
каменные стены гравитационного
коридора, впереди крейсера Успивающих
Души, сзади быстрый и хорошо

вооруженный звездолет. Тсүрас видел, как истребители расстреливаются практически в упор. Вновь прибывший корабль был большим, больше «Ярости кающегося грешника», быстрым и под завязку набитым оружием близкого поражения. Им правили пилоты-маньяки, а стрелки, похоже, прошли какую-то нечеловеческую тренировку.

На краю Поля Цербера разворачивались десятки историй героизма и трагедий. Но Тсүрасу было не до них. «Гончая» и «Вечное правосудие» по-прежнему оставались нетронутыми. По сравнению с этим меркли все остальные проблемы.

--- Лорд-инквизитор! --- Хрорвальд, капитан «Ярости кающегося грешника», появился из облака курящегося лагана. У него была огромная челюсть и гигантское тело, для которого, по-видимому, никто не смог сшить подходящей по размеру формы. --- Катастрофа! Этот маршрут был закрыт столетиями! Столетиями! Я приказал команде организовать полное отступление всех атакующих

подразделений с последующей
перезгруппировкой...

Тсүрас поднял тощую руку, больше
похожую на лапу со скрюченными когтями,
прерывая капитана:

— Я хочу, чтобы все были в костосе.
Все. Это могут быть пираты или
контрабандисты, но скорее всего нашими
врагам пришли на помощь другие еретики.
Если Успивающие Души сбегут, наши
действия не будут стоить и гроша. Когда
мы получим подтверждение, что цели
уничтожены, войска смогут
перезгруппироваться.

Хрорвальд оглянулся на офицеров,
окружавших его, как ученики учителя.

— Да наших людей просто забьют!
Как скот! Мы не можем...

— Капитан Хрорвальд, мне кажется,
или вы сейчас подвергаете сомнению мой
авторитет? Я искренне надеюсь, что вы
уверите меня в вашей непоколебимой
преданности.

Но красному, взволнованному лицу
Хрорвальда прошла удовлетворившая
инквизитора волна страха.

--- Вот и хорошо. Кстати говоря, чисто для информации. Ваши люди все равно не выживут. Это было запланировано. Теперь, я предполагаю, вы наконец скажете мне, кто же наш новый гость.

--- Они блокируют наши сигналы, лорд-инквизитор, очень эффективно. Но... визуальный сигнал крайне ненадежен... у наших тактиков есть версия. Она достаточно натянутая, понимаете, и я... ну, длина и ширина... это «Хищник», лорд-инквизитор.

Наступила тишина, разрываемая приглушенным фоном криков и молитв.

--- Понятно, --- потемлев, ответил Тсүрас. --- Мои приказы не изменились. Уничтожение «Гончей» и «Вечносправосудия» --- наша главная задача. Она превосходит все. Включая жизнь людей. Вам ясно, капитан?

За «Хищником» из варна вынырнули «Сын Благословителя» и «Небесное лезвие», размерами меньше первого корабля, но смертоноснее любого звездолета Имперского флота. «Небесное лезвие»

полетело к силам Инквизиции и
Администратура, где поспешно
организовывали линию обороны. Ряды
истребителей смешались, их практически
полностью уничтожили, а оставшиеся
просто не могли остановить «Лезвие». Оно
направилось прямо к «Византийскому
гьякону», проигнорировав выстрел из
пушки, попавший ему в правый борт.

«Сын» выпустил рой истребителей, и
пространство, где перегруппировывались
флотские силы, превратилось в бурлящий
котел битвы. Корабль нырнул туда же,
щедро раздавая ракетные удары,
расправляясь с таленькими корабличками,
как с мухами.

--- Цели, сэр?

Капитан Трентиус терпел шагами
палубу капитанского мостика
«Византийского гьякона».

--- Нос. Днище. Грузовые шлюзы.

--- Противник наращивает скорость,
сэр. Близок к таранной скорости. Мы...

Трентиус взглянул на мастера-
артиллериста:

--- Ваша работа заключается в том,

чтобы поражать цели, выбранные мной, Балин. Не надо говорить мне, куда я должен стрелять, а куда не должен. Нос, днище, грузовые шлюзы.

--- Я просто подумал, что удар по двигателю может...

--- Вам не кажется, что вы слишком много думаете, Балин? Вам это не идет. Дайте мне цели и зарядите торпедные отсеки. --- Трентиус повернулся к главе команды наблюдения. --- Ты, займись нормальной работой этих ленивых придурков, хватит просчитывать варианты высадки, пусть контролируют ущерб, распоряжаются бригадами ремонтников.

«Небесное лезвие» угрожающе приблизилось, его нос цвета кости походил на кончик ножа, устремленный на «Дьякона».

--- Возможно, --- раздался уклончивый вежливый голос флаг-лейтенанта Лрисса, --- нам надо оценить наши возможности. Принимая во внимание природу врага и его тактику, скорее всего...

--- Они не будут высаживаться.

Лрисс, -- пророкотал Трентиус. -- Они не собираются нас таранить или делать то, что обычно делают. Представь, Лрисс, твоя миссия -- спасение, а не разрушение. Перед тобой численно превосходящие, но малое боеспособные войска, чьи ряды уже расстроены. Ни один из этих кораблей тебя не достоин, поэтому и брать их на борт не стоит. И ты не будешь рисковать собственным звездолетом, тараня что попало. Что ты сделаешь в такой ситуации?

Лрисс решил не вмешиваться в разговор.

-- Нет ответа? -- Капитан вытащил толстую сигару из кармана своей желтой куртки, от никотина униформы и с шиком ее зажег. -- Ты посылаешь брандер, Лрисс. Обыкновенный брандер.

«Небесное лезвие» неожиданно вильнуло в сторону, показав свой бронированный борт.

Трентиус увидел, что он выкрашен в темно-пурпурный цвет, а посередине сияет золотом огромный символ чаши.

С «Дьякона» вырвалась торпеда.

гнища «Лезвия» окатило волной огня. Похоже, Испивающие Души залили все нижние палубы топливом, не вступающим в реакцию с воздухом. Облако пламени кипело, похожее на внешние слои утирающей звезды, побеги внутренних секций проступили на поверхность сквозь массивные трещины, вскрытые торпедными взрывами.

— Включайте двигатели и сдвайте назад! Сейчас же! — приказал Трентиус, пока команда взирала на открывшееся перед ними зрелище. — Скоро будет жарко.

И стало жарко. Экран побелел на полминуты, плазменные оболочки достигли критической температуры, а затем резко расширились, взорвавшись и оставив от корабля только побитую обшивку.

— Перезарядить и идти на подмогу, сэр? — спросил Лрисс, улыбаясь.

— Не будь таким кретинот. Думаешь, ты действительно можешь с ними сражаться?

Боевой баржи «Хищник» вместе с ударными крейсерами «Небесное лезвие» и

«Сын Благословителя» вполне хватило. Но вскоре к ним присоединились еще несколько кораблей — перехватчик «Враждебность» разметал один из флангов Имперского флота своими кинжальными ударами. Боевая баржа «Маре Инфернум» несла на себе столько истребителей, что со стороны ее корпус казался чешуйчатым из-за многочисленных причальных доков. Это стало последней каплей для сил Империи, они организовали массовое отступление, не обращая внимания на проклятия Тсурса. «Небесное лезвие» горело прямо посередине боевого построения, первоклассные корабли висели у имперских войск на хвосте, стройный план инквизитора превратился в полный хаос.

Только «Византийский дьякон», хотя и попал в окружение, оставался островком спокойствия в море общего безумия, отходясь следовать за беспорядочно отступающим флотом. Просто капитан знал, что никто не собирается на них нападать.

«Маре Инфернум» отошла назад, эскортируя «Вечное правосудие», изрядно

побитое, но не сломленное. Сарнедон наблюдал сквозь стекло иллюминатора своей кельи, как практически неразличимая масса боевой баржи степенно скользит сквозь обломки камней и истребителей. «Гончая» тащилась рядом с потрепанным в бою «Сыном Благословителя» — первые подразделения бомбардировщиков начисто снесли ей двигатели, но корабль оказался крепким.

Сообщение пришло одновременно на оба крейсера:

— Флот — командору Сарнедону. Возвращайтесь на базу немедленно. Собирается судебный конклав. Сообщение закончено.

Просто и резко. Но библиарий услышал все, чего ожидал.

К тому времени, как флот операции «Лаконийская травля» начал перегруппировку на краю Поля Цербера, «Гончая» и «Вечное правосудие» уже были вне его досягаемости, сопровождаемые огромной и опасной фалангой кораблей по варп-маршруту, где точно не мог появиться какой-нибудь заблудший

бомбардировщик.

Силы Империи остались позади, рассеянные и бесполезные, все командиры пребывали в замешательстве, а крейсера и линкоры оказались на огромном расстоянии друг от друга.

Точка входа варп-маршрута 391-C уже сжималась, когда «Враждебность» проскользнула через светящиеся ворота в Империю. Проход закрылся с пугающей быстротой сразу же за перехватчиком, отрезав корабли от реального космоса.

Новый флот — две боевые баржи и три ударных крейсера, сила достаточная, чтобы отбить любую атаку, — был послан магистром Оргена Горголеоном. Под командованием Сарнегона находились три сотни бойцов, остальные семьсот вытащили их из лап смерти и теперь ожидали ответов на свои вопросы.

Глава седьмая

Сарнегон в сотый раз посмотрел в иллюминатор, вновь увидев черноту космоса, скрывающую Успивающих Души от нагледливых глаз. Они находились на северо-востоке Галактики, миновав систему Кисто'Рол и варп-шторм Гнев Императора. Тут проходила граница владений людей, и Имперский флот старался лишней раз сюда не забираться. Но библиарий знал это только по памяти, глазу было не за что зацепиться.

Вокруг стояла тьма. Сквозь гигантские облака туманностей, в которых спокойно могли скрыться целые звездные системы, пробивался свет лишь самых ярких звезд. Вокруг во все стороны простиралась безмолвная пустыня тьмы, и любому, кто захотел бы найти Успивающих Души, понадобились бы на поиски десятилетия. Тысячи лет назад командование Оргена приметило этот сектор, где можно скрыться в случае необходимости. Такой, как эта.

Армага Успивающих Души по размерам занимала средней величины звездную систему и почти полностью состояла из штурмовых кораблей быстрого реагирования. Некоторые были забиты посадочными челноками, истребителями и абордажными торпедатами, другие везли груз ракет и зарядов к нованушкам. Рядом с тюремным кораблем, на котором перевозили десантников Сарнегона, в темноте висели «Левкстры», а с другой стороны «Хищник». Редкие искорки света играли на его свежих шрамах, оставшихся после Поля Цербера.

Боевая баржа считалась одним из самых смертоносных человеческих изобретений. Во флоте их было две, и теперь обе сопровождали темный корабль. Библиарий даже почувствовал какую-то странную гордость, когда понял, какими важными пленниками они стали. Остальные члены Органа принимали их за бунтовщиков, чье поведение бросило тень подозрения на всех Успивающих Души, и разозленные костодесантники явно не собирались шутить.

Другие корабли призрачными тенями сияли вдали. Крупный серебристый бриллиант был огромной тренировочной платформой, на которой послушники и десантники проводили захваты и штурмы, настоящее оружие и условия вакуума вселяли в братьев дисциплину. Ударные крейсера походили на косяк ярких крупных рыб. К ним отогнали «Гончюю» и «Вечное правосудие», теперь бывшие корабли Сарнегона проходили процедуру полной очистки. Санитарным командам сервиторов приказали не жалеть огня на случай, если изменники принесли с собой ржавчину скверны. В отдалении сверкала позолоченным корпусом гигантская «Слава», флагманский линкор размерами с половину стандартной боевой баржи. На его боку красовался отделанный драгоценностями символ чаши, ослепительно сиявший на многие километры вокруг.

Судьба Сарнегона теперь решалась в священном зале собраний старейшинами Ордена и в личных покоях магистрат Горголеона. Возможно, библиария и его

десантников оправдают, но скорее всего уже приговорили к смерти. Просто гораздо легче, когда твоя судьба находится в руках твоих же боевых братьев, а не палачей Инквизиции.

Сарнедон отошел от иллюминатора и пошел обратно на свет, излучаемый автохирургом, выделавшимся ярким пятном в сумрачном воздухе лазаретной палубы. Тусклая металлическая плита, на которой лежал сержант Теллос, мерцала от крови. Зонды сняли кожу с его живота, запустив тонкие стебельки во внутренние органы. Апотекарий Даллас, стоявший рядом с двумя сервати-ординарцатами, наблюдал за данными, поступавшими на голопанель. Та непрерывно мерцала потоками информации. У ординарцев были защищены рты и уши — их прислали из лазарета Оргена, и им не разрешалось говорить или слышать слова порока.

— Он живой? — спросил Сарнедон.

— Я начинаю подозревать, что жизнь и смерть — понятия относительные, — командор, — ответил Даллас. — Возможно, скоро он перестанет быть живым в

общепринятом смысле этого слова. Но не
утрет. — Он приложил палец к груди
Теллоса. Кожа сержанта посерела и стала
почти прозрачной, сквозь нее было хорошо
видно, как бьются два сердца, вздымается
и опускается третье легкое. От нажатия
она стялась, пошла волнами и вообще
больше походила на желатин, чем на
обыкновенный человеческий эпидермис. —
Биохимия его тела полностью
изменилась, а биоритмы стали крайне
неровными. Он постоянно испытывает
неожиданные приливы энергии.

— А разум?

Паллас пожал плечами:

— По словам Уктиноса, сержант
хочет сражаться, просто жаждет.
Невзирая на все наши просьбы, Теллос
продолжает тренироваться. Десантник
без рук — это насмешка над воином, но
иногда его упорство убеждает даже меня.
Не могу сказать, что знаю, о чем он
теперь думает.

Зонг, похожий на тощую
металлическую руку, повернулся, и палец с
длинной просвечивающей трубкой вошел в

живот Теллоса. Но ней побежала тонкая струйка крови.

--- В генокоде аномалий не нашлось, поэтому источник изменений остается загадкой. Я попытаюсь выяснить, в чем причина, но наши возможности здесь крайне ограничены. Мы дали образцы апотекариям Оргена, надеясь, что они нам помогут, но получили отказ.

--- Они не пойдут нам навстречу. По крайней мере пока остается подозрение, что они помогают предателям.

Зонг вынул свои щупальца и принялся зашивать кожу Теллоса, но лезвия крохотных манипуляторов постоянно скользили по измененным тканям, и он не смог закрыть разрез. Края раны медленно потекли друг к другу, как будто тая, пока от операции не осталось и следа.

--- У остальных братьев то же самое, --- прокомментировал Паллас, наблюдая за процессом. --- У них вообще нет причин меняться. В том числе и у меня. Мы несли уже несколько недель, должно начаться снижение энергического уровня и мышечной массы. Но ничего такого нет.

--- Я стал чувствовать себя сильным.

--- Вообще-то нам об этом трудно судить.

--- Я имею в виду психически. Почувствовал это еще на «Герione». Воздействие Ада никогда не было таким глубоким, Паллас. Да, это великолепное оружие, но такой мощи я не видел никогда. Узер говорит, что сила рождена верой, мы увидели истину, и на нас снизошло благословение Архитектора.

Теллос потянулся на хирургическом столе. Даже самые сильные анестетики не могли погрузить его в сон больше чем на час. Как будто внутри десантника жило нечто, постоянно боровшееся с любой попыткой установить контроль над этим телом. Сарнедон запретил сажать его в тюрьму, так как сержант не совершил никакого преступления, поэтому Палласу приходилось неусыпно следить за своим беспокойным пациентом. У него несколько раз вытаскивали из обрубков рук заточенные лезвия, но Теллос постоянно делал себе новые. После пятой сломанной воздушной шахты его решили оставить в

покое.

--- В любом случае, командор, ---
заметил апотекарий, --- эти изменения
нам еще припомнят. Скорее всего Орген
проведет самое полное расследование и
заметит любые аномалии. Но без
оборудования и энергии я ничего не могу
поделать.

Энергия. Тусклый свет и недостаток
самых необходимых устройств --- часть
наказания. Еще не создали тюрьму,
которая могла удерживать
костогесантников, поэтому для них
отвели целый корабль. Его плазменные
реакторы были повреждены, он мог
летать, только находясь в поле другого
звездолета, все оружейные системы
вырвали с корнем, поступление энергии
сократили до обеспечения минимального
уровня поддержки жизненно важных
систем. Когда-то этот темный корабль
назывался ударным крейсером
«Отважным», но теперь его лишили даже
имени.

На периферии зрения Сарнедона
затерцала иконка вызова.

Непреклонный голос капеллана
Укатиноса загрохотал в наушнике:

--- Магистр Оргена просит
присутствия библиария Сарнедона. За
тобой будет выслан челнок. Пойдешь один.

--- Скажи ему, что я готов. ---
Сарнедон переключился на другой канал. ---
Сержант Гивриллан, готовься.
Дипломатический эскорт. Мы летим на
«Славу».

Магистр Оргена Горголеон
придерживался только одного правила в
войне --- правила отчаяния. Если
противник в отчаянии, если он больше не
верит в надежду, если увидел, как умерли
его товарищи, и уже изувечен
непобедимым врагом, то он проиграл. В
таком состоянии никто не может
сопротивляться. Когда впереди только
плен, смерть или падение, наступает
ужас. Битвы выигрывают, когда одна из
сторон не может сражаться, а это лучше
всего достигается мощным и беспощадным
потокот отчаяния. Один из основных
принципов ведения войны Дениятоса, но
именно Горголеон превратил его в науку.

Поэтому он стал магистром. Поэтому
столь редко терпел поражение.

Отчаяние обычно приходило, когда
противнику наносился фатальный или
тучительный удар, но были и другие пути.
Именно поэтому стены личных покоев
магистра покрывали плиты императора с
изображениями сцен из героической жизни
Горголеона. Вот он упал на колени посреди
кучи мертвых тав, спиной опираясь на
трюп погибшего в битве капеллана
Сурриана, а импульсные выстрелы
сжигают его тело. Вот он входит в залы
демона Хаоса, смотрит ему в глаза, и
огонь из болтера потоком льется в
грязную плоть врага. Снова он, но уже в
джунглях Актиума, и снова — на
истерзанных улицах Адского Предела.
Застывшая в камне песня славной жизни
Горголеона встречала всех, кто входил в
его личные покои.

Самого магистра эти чрезмерно
пафосные фрески иногда даже раздражали.
За свою долгую историю Орден стал
готовом для таких героев, по сравнению с
подвигами которых карьера самого

Горголеона казалась обычной. Эти картинки не мешали его самолюбию, просто тем, кто видел их, они внушали неподдельное благоговение, а при правильных обстоятельствах и подлинное отчаяние.

По глиняной галерее, ведущей к покоям Горголеона, мимо стел, запечатлевших его ранние подвиги, прошагал сервитор.

--- Шаттл приближается, --- сообщил он слабым тонким голоском.

Когда-то сервитор был сервом Оргена, но потом постарел, стал немощным, поэтому его переработали под личного слугу Горголеона. Магистр прилагал много усилий, чтобы лакеи в его присутствии казались действительно увечными.

--- Передай им разрешение взойти на борт «Славы». Пусть Сарнедон оставит подразделение эскорта в шлюзовом отсеке, а сам немедленно идет ко мне. Проверь, чтобы они не получили еды от кого-нибудь сочувствующего.

--- Слушаюсь, лорд Горголеон, --- пролепетал утомленный голосом сервитор.

и похромал прочь по золоченым плиткам пола.

Горголеон разместил свое закованное в доспехи тело на кресле из слоновой кости, больше похожем на трон. Экраны, встроенные в стол, передавали изображения Сарнегона и офицеров, сейчас находящихся под его командованием. Он вызвал на экран список наград библиария: взятие крепости Квиксиан Обскура, Карластерский мост, лес Гелона. Сарнегон повернул ход всех этих сражений, дал время, когда, казалось, все уже было потеряно, сея хаос, пробивая трещины даже в самых незыблемых позициях врага. Горголеон переключился на список операций, прошедших под командованием отступника. Там значилась только одна: звездный форт Ван Скорвольдов, объединенное командование с Кэоном. Обычно библиарии не добивались таких высот в Оргене, только проверенным во множестве боев воинам позволяли руководить столь ответственными кампаниями. Должно быть, Кэон доверял компетенции Сарнегона, раз выбрал его, но

все, даже прославленные ветераны, иногда ошибаются.

Магистр стал читать досье библиария. Сарнедон был уникалом, обладая не только ментальными способностями, необходимыми для десантника, но и огромным психогенным потенциалом, который позволял ему использовать свои возможности без опаски. Необычная природа его дара не разубедила Либрариум, и послушника взяли, правда в качестве эксперимента.

Во время обучения приверженность Сарнедона принципам Дениятоса стала притчей во языцех. Уже десантником он доказал, что его пси-способности позволяют побеждать противников, намного превосходящих Успивающих Души по числу. Карьера такого уникального бойца должна была идти только в гору, став образцом применения учения воина-философа на практике. Но что-то пошло не так.

Горголеон не мог найти ни единого признака нестабильности или некомпетентности. При других

обстоятельствах он бы посчитал Сарнегона идеальным примером для послушников. Угейный солдат, который использует традиции и верования Оргена в качестве оружия.

Но он вдруг восстал. Пролил кровь союзников. Его слова, брошенные убитому посланнику Инквизиции, были хуже всего. Казалось, Сарнегон повернулся спиной к тому самому Императору, который Успивающие Души вели к величию.

Горголеон хорошо исполнял свои обязанности. Он редко вызывал десантников в свои покои для покаяния в грехах. А теперь весь Орген оказался под угрозой. Ничто не могло действительно его напугать, но магистр почувствовал непривычный холодок в душе, когда услышал угродливые слова инквизитора Тсурса, скрежещущие в горле астропата.

Горголеон слышал об Астральных Когтях, Громовах Баронах, об Оргенах, внавших в ересь. Успивающие Души не станут еще одним пунктом в этом списке. Пока он жив, не станут.

Обитые медными полосами двери

бесшумно открылись, и сервитор-секретарь с жужжанием заехал внутрь.

--- В присутствии Дорна, перед глазами Императора предстает библиарий Сарнегон.

Изменник не походил на человека, который перенес месяцы лишений. С тюремного корабля специально увезли все припасы, а то немногое, что осталось у десантников, они тратили на пленников, грязное отребье, которое привезли с собой. Когда библиарий шел по галерее, Горголеон неожиданно увидал перед собой пышущего здоровьем человека, готового к битве.

Ноки были спроектированы так, что любой воин, входящий в них, проходил мимо внушительной галереи фресок с изображениями славных страниц истории Ордена и подвигов самого магистра. Но это не сбило с толку Сарнегона. Он выглядел крайне решительно.

Горголеон сидел за столом и ждал, пока десантник подойдет поближе, стараясь сохранить молчание как можно дольше.

--- Библиарий Сарнегон, --- сказал он.

помедлив, -- у нас есть дела, требующие незамедлительного обсуждения.

Его собеседник стоял, гордо распрямив спину, руки сложены за спиной, на лице незаметно ни капли страха.

-- Действительно, есть.

-- Возможно, ты до сих пор не осознал до конца всех последствий своих действий. Несколько месяцев назад я получил сообщение от инквизитора Тсурса и от имени лордов Ордо Еретикус. Нам приказали сложить оружие и вверить себя процедуре очищения. Мы отказались, так поступил бы сам Дорн. А потом сбежали.

-- Лорд Горголеон, у меня тоже были...

-- Мы сбежали! -- заорал Горголеон, встав и ударив кулаком по столу. -- Ты понимаешь, что ты сделал? Мы теперь беглецы! Мы! Лучшие люди Империи -- и бежим, как преступники! Они хотели забрать наше оружие, Сарнедон. Они бы содрали с нас доспехи и похоронили в какой-нибудь каменной тюрьме, пока не решили, какой способ казни выбрать. С нами будут обращаться как с мусором, Сарнедон! Как с паразитами! Они заставили меня

приказать бежать собственному флоту, как будто мы презренные трусы. Я не могу описать это унижение. Мы сбежали, когда каждое слово Дениятоса, которое он когда-либо написал, говорит, что мы не должны бежать. Никогда! Но и это не самое худшее, Сарнегон. Не самое худшее.

--- Это сложный вопрос, мой лорд...

--- Нет, Сарнегон, все очень просто. После того как от нас потребовали сдать оружие, хотели заковать, я получил второе сообщение, гораздо худшее, чем все, что я когда-либо видел.

Сарнегон промолчал, скорее всего пытаясь как-то совладать с нечистыми словами, рвущимися из его уст.

--- Нам объявили Экскомтуникатус. Нас отлучили! --- Горголеон практически выплюнул это слово. --- Мы теперь низшие из низших, Сарнегон. Худшие из худших. Я послал тебя с Кэоном исправить страшную несправедливость, а ты занял наше имя позором. Таким позором, какого наш Орден никогда не испытывал. Нас теперь могут убить, просто увидев, Сарнегон! Они содрут из

архивов любое упоминание о нас! Просто покончат с нашим существованием! --- Горголеон неожиданно сел и утолк на мгновение, позволив своей ярости утихнуть. --- Что с тобой случилось, Сарнедон? Что заставило тебя так возненавидеть ту веру, которой ты придерживался, как ты позволил своим братьям пасть так низко? Почему ты стрелял в своих союзников, почему пошел против высочайшей власти Империи? Почему ты затарал всех нас своим позором?

--- Почему? --- невозмутимо ответил Сарнедон. --- Потому что я верю, лорд Горголеон. Я верю в справедливость и достоинство, я верю в волю Императора. Я верю в лучших людей, которые исполняли свой долг. Я верю, что те, кто пошел против нас, становятся нашими врагами, так как они отрицают все, что делает нас великими. Меня обвиняют в том, что я проливал кровь союзников. Но Империя более не союзник мне.

Горголеон покачал головой:

--- Нет, разумеется, нет. Потому что

так говорит этот бродяга-священник.
Плоть Дорна, да даже твой капеллан
стоит на коленях во время его проповеди!
Сарнедон, твой разум так силен. Но сейчас
он занял нас всех. Ты понимаешь, у
меня осталась только одна возможность.

Библиарий молчал. На его лице не
было и следа раскаяния. Он полностью
осознавал, что сейчас скажет Горголеон.

— Орго Еретикус хочет, чтобы я
отдал тебя им, — произнес магистр. —
Когда твоя голова окажется на пике, а от
твоих десантников не останется даже
тлепела, они снимут с нас клеймо
изменников. Я избавлюсь от предателя, а
Инквизиция получит еретика на
сожжение. После жертвоприношений и
очищения мы избавимся от позора. Мы
сдаем тебя. Мы снова свободны.

— Но вы так не поступите, лорд
Горголеон.

— Нет? Почему я не должен этого
сделать, когда ты совершил самый
серьезный из грехов, который может
сделать десантник?

— Только мои братья могут судить

меня.

Магистр с удовольствием бросил бы библиария волкам за все то бесчестье, что он причинил Оргену. Но ненависть мертвым холодом застыла в жилах, ибо существовали определенные принципы, которые делали его Успивающим Души, а не обычным человеком.

— Только твои братья. Инквизиция ничего не знает о стандартах, которых должен придерживаться десантник, или о вере, которая ему дорога. Мы все лишь на один шаг отстоим от Императора, Сарнедон, ибо Его кровь текла в венах Дорна, а кровь Дорна течет в наших. Пред лицом Императора никто не может судить нас, кроме наших братьев.

— Таковы слова Дениатоса, лорд Горголеон.

— У я натереваюсь следовать им. Ты привел нас сюда, Сарнедон, в это ужасное место, но не будет нам прощения, если мы предадим собственные традиции. Суд состоится в храме Дорна через три дня. Император дает силу только праведным.

— Я готов, лорд Горголеон. Я

подчиняюсь воле Императора.

— Я тоже, Сарнедон. Чем страшнее грех, тем страшнее приговор. Я — лучший воин Ордена. За твои грехи ты встретишься в бою со мной.

— Да будет так. — Голос Сарнедона оставался бесстрастным.

Неужели он отрицает свое предательство? Неужели его вера настолько сильна? Неужели он действительно убедил себя, что, вонзив кинжал в спину своим союзникам, совершает правое и славное дело? Невозможно. Это заблуждение или иллюзия.

— Ты не боишься? Ты знаешь, что я сделал. Ты видел мои свершения, они запечатлены на этих стенах.

Ты слышал рассказы обо мне, когда еще был послушником. Мне **СТОИТ** только подумать, и ты утреешь. Ты силен, Сарнедон, но не настолько.

— У меня есть вера, лорд Горголеон. А больше ни чего и не нужно.

Магистр затер, уставившись на предателя тяжелым взглядом, но в

Сарнедоне не было страха или даже гнева перед неизбежной смертью. Что с ним случилось? Неужели Конье Души так сильно повредило его разум? Говорили, что Сарнедон одержим видениями, а среди его подчиненных уже видны признаки физической скверны.

Оставался только один путь. Библиарий должен умереть, правосудие должно свершиться.

— Три дня, — тихо произнес Горголеон. — Надеюсь, Дорн простит тебя, но я не прощу.

Сарнедон развернулся и ушел, ни разу не взглянув на затейливые фрески, где магистр стоял на поле, усеянном мертвыми телами, или разряжал болтер в орды ксеносов.

Он мог добиться таких высот, подумал магистр. Мог войти в легенды. Если бы он остался таким, каким был, Орген никогда не познал бы позора Отлучения.

Но Успивающие Души не лишаются святости Императора. Пока жив Горголеон, этого не случится. Но прежде

чем он начнет исцелять рану бесчестия. Сарнедон должен умереть. Пусть он его брат-гесантник, но магистр уже предвкусил, как разрубит отступника на части.

Защитные ритуалы занимали много времени, если воин нигде не торопился. Обычно они проводились на скорую руку в боевых условиях, когда каждая секунда была на вес золота. Но когда впереди солдата ждал крестовый поход или время позволяло не спеша обдумать грядущие испытания, ритуал требовал к себе внимания.

Сарнедон почти закончил. В полутраке тюремного корабля его взгляд застыл на искре света, увязшей в кератите доспехов, там, где он соскреб грязь, глубоко въевшуюся за последние месяцы. Пыль и мелкие частички сажи постоянно набивались в сочленения и между пластинами брони, а с золотом канители было еще больше. Капризный металл постоянно доставлял своему хозяину массу неприятностей и ненужной возни, а каждый шрам от пули нуждался в

деликатном ремонте.

Сарнедон глубоко вдохнул аромат благовоний и вставил на место линзу из шлема. Разумеется, на поединок он его не наденет, но ритуал включал в себя подготовку к бою духа госпехов, и каждый кусочек требовал самого пристального внимания. Библиарий чувствовал себя странно раненым без брони, ибо она была его кожей, без нее тело кровоточило. Легкое дуновение переработанного кислорода потерлось о его спину, и воздух вокруг неожиданно показался десантнику холодным и жестким.

Сарнедон отложил шлем в сторону, довольный, что закончил с ним. Каждая часть госпеха — наголенники и наколенники, набедренные пластины, латные перчатки, ранец — была проверена Лигрисом и награена самим библиарием. Наконец перед битвой он снова стал чистым.

Дверь кельи с шипением открылась. Сарнедон услышал шлепанье босых ног по металлическому полу и понял, кто к нему пожаловал.

--- Отец Узер. Спасибо, что пришел.

--- Все для моей наствы, лорд Сарнедон. Сейчас вас, Должно быть, тревожит многое.

Библиарий повернулся к священнику. Без жидкой бороды и слоя грязи на лице тот выглядел гораздо лучше, несмотря на плохие условия.

--- Узер, скорее всего сегодня я умру. Это могло случиться много раз. Я не боюсь... но хотел бы кое-что узнать.

--- Спрашивайте.

--- Я видел странные вещи, Узер. В моих снах. Я видел мир, погрязший в мерзости, и что-то ужасное в самом его сердце звало меня к себе. Мое тело меняется. Я уже давно ничего не ем, а кости... Паллас не может объяснить, что с ним происходит. Я никогда ничего не боялся, Узер, но это совсем другое. Мне нужно знать, что все это означает. Почему меня посещают видения?

Почему я меняюсь?

Священник улыбнулся:

--- Лорд Сарнедон, мы все чувствуем одно и то же. Это рука Архитектора

Судеб. Император готовит вас. Он показывает вам мир, который надо преодолеть, дабы показать, чего мы стоим. Суд, который состоится сегодня, также послан Им. Архитектор видит несправедливость, нанесенную вам, и обратил ее в проверку, которая сделает Его службу еще сильнее.

— Я следовал воле Императора много лет, Узер, — ответил Сарнегон, — но никогда не чувствовал ничего подобного.

— Потому что не знали правды, мой лорд. Вы следовали лжи. Но теперь истина открылась вам, и наконец вы действительно исполняете Его волю.

Если это правда... Если на Сарнегона действительно снизошло благословение Императора? Сколько человек удостоилось такой чести за десять тысяч лет, с тех пор как Император взошел на Золотой Трон? Может, никто?

— Но все станет бессмысленным, — продолжал Узер, — если вы утратите. Вы можете одержать победу в этом сражении?

— Горголеон — лучший воин Оргена.

С таких не было веками, Узер. Раньше я бы сказал, что у меня нет никаких шансов. Но теперь все изменилось.

--- Нет, Сарнегон. Все осталось таким, как и прежде.

Изменились только вы.

Библиарий поднялся на ноги и взял с пола массивный нагрудник с вырезанной на нем крылатой золотой чашей и воротником с застегивающимся защитным капюшоном.

--- Спасибо, Узер. Скажи моим братьям, что я сейчас проверю оружие и пойду. Не стоит заставлять их ждать слишком долго. Кстати...

--- Лорг Сарнегон?

--- Они принесут мне энергетический посох. Благослови его и пожелай мне удачи.

Братья шептались между собой, а магистры и командоры говорили вслух, что Дорн был наследником Императора.

Император создал двадцать примархов, двадцать суперлюдей, призванных завоевать Галактику во имя

Человечества. Но темные силы пристально следили за его работой и с помощью слабости смертных вмешались в нее. Примархи родились с изъянами. Половина оказалась предателями, что показало пламя Ереси Хоруса. Из других получились вампиры, буйные убийцы, варварские душегубы, тираны, жаждущие власти. Все их недостатки через генокод перешли к Оргенат, наложив на них некое клеймо бесчестья, о котором никто не говорил, но иногда его вполне хватало для очередной кровопролитной войны.

Все примархи оказались ущербными, за исключением Дорна. Мудрый и справедливый Император перехитрил темные силы, сделав одного из своих сыновей образцом совершенства. Хотя десантники, несущие в себе генетическое семя других примархов, скорее умерли бы, чем признали это, но Дорн был лучше их всех. Он не жаждал власти, только справедливости. Он сражался, не испытывая злобы или дикой ярости, но думая исключительно о чести. Его легион превосходил всех во всем — в мужественной

обороне, безжалостной атаке, искусной хитрости. Эти качества по сей день отличали Оргена, сформированные из Имперских Кулаков.

Да, Дорн был лучшим из всех когда-либо живших людей, за исключением Божественного Императора. Следуя его примеру, Успивающие Души знали, что они тоже лучше всех. Безупречный примарх остался сердцем Оргена, его слова и поступки сверкали так ярко, как будто он до сих пор был жив. Самые важные вопросы решались пред оком Дорна, ибо он следил из своих чертогов в загробной жизни, как его сыны следуют примеру справедливости и праведности своего прародителя.

Именно поэтому магистр Оргена и предатель встречались в храме Дорна, в сердце «Славы», чтобы разрешить самый великий кризис, который когда-либо видели Успивающие Души.

Горголеон в полном боевом облачении внушал ужас. Его доспехи были отполированы и переливались в лучах тысяч свечей, герб Розала Дорна сверкал

на одном наплечнике, золотой потир сиял на другом. Магистр до сих пор носил на шее вырезанный в виде двух костей крест терминаторов, оставшийся с тех далеких дней, когда ему принадлежал один из немногих оставшихся доспехов этого типа. Церемониальная броня, надетая на него сейчас, была такого же размера, как и у Сарнегона, но блестела из-за украшений ремесленников и постоянного внимания технодесантников Оргена. Одна рука Торголеона казалась более массивной и постоянно покачивалась из-за силового кулака, который он носил, — встроенного генератора энергетического поля. При включении оно позволяло магистру пробивать стены и сдвигать танковую броню. Сарнегона же разорвало бы одним хорошим ударом. Поле включалось и отключалось по желанию Торголеона, поэтому его рука могла быть ловкой в один момент и разрушительной в другой.

Магистр ждал, стоя в центре храма, под сводчатым потолком, когда Сарнегон, чеканя шаг, вошел внутрь в сопровождении охраны из шести десантников. Он оставил

своей болтер, так как в ритуальном поединке не дозволялось применять огнестрельное оружие. У него при себе был только энергетический посох, который послужит своему хозяину еще раз. Возможно, в последний.

Успивающие Души стояли вокруг собора, используя свое право наблюдать дуэль чести, — традицию столь же старую, как и сам Орген. Розал Дорн лично взирал на своих сыновей — огромная фигура из тусклого стекла, стоящая над алтарем. Легкий туман, оставшийся от благовоний, висел под потолком, а весь собор отывал теплый пульсирующий свет свечей.

Стояла тишина, собравшиеся десантники не проронили ни слова, уважая священную минуту перед боем. Это время всегда отдавалось лицезрению Императора, именно поэтому схватка стала центральным обрядом в традициях Успивающих Души. Сегодня внимательнее, чем всегда, Он будет следить за нити, ибо Он — истинный судья и Его воля определит победителя.

Минута торжественного молчания подошла к концу. Охранники Сарнедона отошли в сторону и присоединились к своим боевым братьям вокруг собора. Старый капеллан, один из немногих десантников, который выжил и теперь мог умереть своей смертью, вышел вперед, гулко жужжа сервомоторами ног, и нараспев прочитал ритуальные слова:

— Его Величество Император, чьему плану мы, братья, верны, и Розал Дорна, чья кровь — наша кровь, зрите с нами, дайте силу вашей руке праведного и победой покажите нам ваш замысел.

Капеллан, поклонившись, отошел. Горголеон активировал поле своего силового кулака, схватка началась.

Сарнедон уклонился от первого удара магистра, но слишком поздно понял, что тот действительно хотел сделать. Колено противника взмыло вверх и ударило библиария в лицо. Перед его глазами все завертелось — сводчатый готический потолок, тусклое стеклянное лицо Дорна, свирепое смотрящее вниз, ряды тупнупрных госпехов десантников.

превратившие неф в арену.

Он чувствовал кожей взгляды братьев, они наблюдали за каждым движением, зачарованные и напуганные величием того, что совершалось сейчас перед их глазами. Даже человек, не обладавший телепатическими способностями, почувствовал бы напряжение, ощутил висевшее в воздухе.

Другой на месте Сарнедона слепозатолотил бы кулаками по воздуху, десантник же заметил мир вокруг себя и увидел, откуда придет следующий удар. Он смог ухватить Горголеона за предплечье, почувствовав, как выгнулся керамит под давлением силы магистра, потом отошел в сторону и посохом парировал апперкот силового кулака. Энергетическое поле и силовой контур столкнулись друг с другом, вырвался нестерпимо яркий снап искр, сбив с ног обоих мужчин.

Горголеон улыбался. Он знал, что победит, и медленно сомкнул пальцы своей смертоносной руки. Сарнедон увидел сотни золотых заклепок, вбитых в поверхность доспеха, — по одной на каждого убитого

врага.

--- Сдавайся, предатель, --- сказал магистр, даже не запыхавшись. --- Тогда я все сделаю быстро.

Десантники в толпе кричали, требуя быстрого конца, или глинного, или кровавого, заявляя свои права на ту или иную часть трупа мертвого изменника. Только схватка за честь могла разогреть кровь этих дисциплинированных воинов. Говорили, что она старше самого Оргена, стара, как само человечество. Два человека решают между собой вопрос чести, вооруженные своим любимым оружием, в священной битве, которая может закончиться только смертью. Столь священно было это действо, что сам Император давал силу правому, грешник принимал кару от руки праведника.

Император знал. Император наблюдал. В этой битве чести будет явлена Его воля.

Сарнедон нанес удар торцом энергетического посоха, намеренно направив его по широкой траектории.

чтобы Горголеону пришлось уклониться. Магистр, сражавшийся с тысячью врагов в сотнях миров, отбил удар. Библиарий понял, что открылся, когда его противник перенес вес своего тела вперед, сильно толкнул Сарнегона, застав его врасплох, и откинул назад.

Успивающие Души радостно заорали, когда изменник скатился по ступенькам к скамьям из тяжелого дерева. Кричали все, кроме одной части толпы, — его десантников привели сюда, чтобы посмотреть, как погибнет их командор.

Когда Сарнегон умрет, они последуют за ним.

Нет, так все не кончится. Если сейчас он проиграет, то бывшие братья пронесут его окровавленные останки по «Славе», показывая сервам и послушникам, что случается с предателями, а потом предадут мечу всех, кто был под его командованием. Этого не должно случиться. Не важно, возможно или нет, но Сарнегон должен выжить.

Время затедлилось. Туша Горголеона устретилась на него сверху — картина,

застывшая в обратлении тусклого
вitraжа на дальней стене храма и толпы
десантников, смотрящих на них.
Энергетическое поле кулака казалось
ореолом молнии. Глаза магистров
засверкали в триумфе.

Они убьют его братьев, они убьют
Цзера, они убьют его пастыря. Архитектор
Судеб канет в бездну забвения. Истина
умрет, а Испивающие Души снова станут
прислуживать, потакать капризам
увечных, злых людей.

Что-то внутри него снова заговорило.
Все не должно закончиться так.

Со скоростью, которой он никогда за
собой не знал, Сарнедон схватил
ближайшую скамью, оторвал ее от пола и
метнул в тело Горголеона, отшвырнув
противника в сторону, как мусор. Дерево
разлетелось в щепки, магистр пролетел
сквозь ряд сидений и врезался в колонну.

Теперь они закричали от злобы. Они
шипели, они вопили, требуя голову
предателя.

Ну что ж, если хотят, то пусть
погодят и попробуют взять.

Горголеон был быстр, но Сарнегон еще быстрее. Он одним огромным прыжком подскочил к лежащему навзничь магистру, схватил его за руки, поднял и со всего размаху ударил о колонну. Брызнули куски камня, а голова великого воина Оргена затормозилась из стороны в сторону.

— Ты остеливаешься называть меня предателем? — закричал Сарнегон. — Только я здесь подлинный человек! Устинный!

Тело магистра снова ударилось об опору, и по каменной поверхности побежала трещина.

— Вы — рабы порочности! Марионетки жадности!

Неожиданно свободной рукой Горголеон вцепился в горло Сарнегона, безумные, фанатичные взгляды схлестнулись, последние крупницы дисциплины растворились в жарком море ярости. Каждый увидел напротив себя человека, сражающегося за выживание всего того, что ему дорого.

— Тварь! — прохрипел магистр.

Силовое поле кулака с ревом ожило, и

Сарнедон отпрыгнул в сторону, когда толстые пальцы чуть не вырвали кусок мяса из его тела. Горголеон другой рукой схватил библиария за воротник нагрудника и ударил прямо между глаз.

Сарнедон покачнулся. Он чувствовал, как его боевые братья сломали строй, беспорядочно стали подбегать ближе, превратившись в лающую толпу, гонимую всего в паре метров от сражающихся, — стена тел в пурпурных доспехах. Они хотели разорвать его на части.

Ха! Пусть попробуют.

Сильный удар Горголеона слева чуть не разорвал Сарнедона надвое, десантник повернулся как раз вовремя, поэтому удар пришелся прямо в спину, отбросив Сарнедона на сгрудившихся Успивающих Души. Бронированные тела подтолкнули его, когда библиарий с трудом вставал на ноги, ожидая в любой момент веса силового кулака, который пробьет его тело насквозь.

Сарнедон посмотрел на людей вокруг и понял, что он среди своих, по крайней

мере на секунду. Дрео и Гивриллиан
помогли своему командору подняться,
прошептав несколько ободряющих слов. У
них отобрали оружие, но одно их
присутствие придавало ему сил. Он
выживет.

Его братья. Они сражались вместе
все эти годы, десятилетиями подчинялись
всепроникающей лжи. Библиарий
чувствовал их гнев, и ярость вскипела в
его Душе. Он использует ее, как учил
Дениятос.

Чистота через ненависть.
Достоинство через ярость.

Горголеон отшвырнул Дрео в сторону,
и толпа расступилась, давая сражающимся
пространство.

Оба уже были покрыты синяками. У
обоих текла кровь. Никто не думал о
пощаде и прощении. Удар кулака
Горголеона — это неминуемая смерть,
если предоставить магистру шанс. Но
посох Сарпедона может пробить даже
изукрашенный доспех противника, если
библиарий сумеет сосредоточиться и
точно выбрать цель. Они уклонялись,

отбивали удары, парировали, увертывались, а толпа следовала за ними по каменным плитам храма. В древнем святилище, тишина которого обычно нарушалась только пылкими словами капелланов, теперь гудело эхо треска ломающегося керамика и криков собравшихся костогесантников. Запах пота и крови смешивался с ароматом благовоний, а пламя свечей колыхалось от столкновения с мощью противников.

Сарнедон чувствовал, как кровь коркой стягивает кожу вокруг глаз, знал, что удар в спину разбил реберную пластину доспеха и повредил одно из легких. У Горголеона кровоточила щека, но если у него и были какие-то внутренние повреждения, то виду он не подавал.

Ярость. Вот ключ. В чем причина всего этого? Почему произошла резня на «Героне»? Почему палац из Инквизиции столкнулся с таким диким отпором? Сарнедон желал скорее умереть, чем отступить, а его боевые братья следовали за ним. Почему он сделал это?

Ярость. Гнев. Единственная сила. Но

неужели только утрата Конья Души привела к таким ужасающим последствиям? Но правде говоря, Сарнедон почти не вспоминал об артефакте за последние несколько месяцев. Его потеря была всего лишь одной ниточкой в огромной паутине несправедливости.

Что надо вспомнить? Чем вызвать гнев, достаточный для победы? Надо думать, думать быстро, иначе Горголеон убьет его.

Сарнедон понял, что расслабился, и магистр неожиданно появился у него за спиной, схватив за горло.

Глава Ордена поднял изменника в воздух, воздев ненавистное тело врага высоко над головами ликующих десантников. Парящие арки потолка храма растянулись перед Сарнедоном, и магистр побежал к алтарю.

Десантник сопротивлялся. Это не помогло. Горголеон достиг конца нефа и снова поднял библиария высоко над головой.

--- За Дорна! --- проревел он и метнул Сарнедона в цветной витраж.

Мир превратился в острые, как

бритва, осколки цвета. Железный пол ударил его, и библиарий почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

Нет. Не утирай. Не сейчас. Еще есть надежда.

Он увидел над собой ошеломленные юные лица, уставившиеся на него, — черепанно-свежевыбриты, имплантаты еще кровоточат. Послушники.

Сарнедон оказался в Зале Послушников, где собирались новые рекруты обдумать традиции Ордена и важность своей будущей миссии. Сарнедон провел здесь бесчисленные часы, когда его обтачивали, превращали из необработанного камня в скульптуру, достойную носить символ Успивающих Души. Из альковов серых стен сурово взирали статуи святых и героев Ордена, вокруг парили жирные молитвенные дроны, извергая благовония из пухлых тел.

Закутанные в пурпурные одежды послушники рассыпались в стороны, сжата в руках томики «Боевых Катехизисов». Должно быть, они собрались здесь потолиться за своего магистра и

даже не подозревали, что смогут увидеть саму схватку.

Сарнедон схватил посох и вскочил на ноги. Кажется, у него открылось внутреннее кровоечение, а второй нагрудник, вплавленный прямо в ребра, раскололся. Организм временно уменьшил болевые ощущения, но библиарий чувствовал, что очень серьезно ранен.

На секунду он снова вернулся на крепостные стены цитадели Квиксиан Обскура, шея чужака хрустнула в кулаке, а в душе разверзлась жуткая голодная бездна пустоты.

Сарнедон сражался на сотне планет, получил множество страшных ран. Он видел десятки погибших братьев-воинов, убивал врагов тысячами.

Почему? Почему они умерли? Почему он убивал?

Горголеон впрыгнул в разбитую рату витража и приземлился рядом. Другие десантники набились в Зал Послушников, желая увидеть чужую смерть.

Слуги Императора утирали на стенах крепости Квиксиан Обскура, в

звездном форте, на «Герione». Но всемо
Империи — на Армагеддоне и Укаре IV,
в бездне миров Саббаты, на Талларне,
Вальхалле, Вогене. Они утирали у
Кадуанских ворот, они утирали в ульях
Ластратии, они утирали в долинах
Авиньона, они утирали на Терре в агонии
Ереси — миллионы костогесантников и
неисчислимые миллиарды самых обычных
граждан Империи отдавали свои жизни,
защищая его святость, защищая ложь.

Но не это самое худшее.

Шаги Торголеона казались
медленными и размашистыми. Сарнедон
чувствовал силу, о которой писал
Дениатос, — священный гнев, позволяющий
людям совершать небывалые подвиги,
переходящие все грани разумного. Она
наполняла его, пронзая тело и контур
защиты. Сарнедон чувствовал, как лучи
света Архитектора Судеб сияют на его
теле. Знал, что надежда есть всегда.

Библиарий понял, какая страшная
истина кипела в его подсознании, нечто
настолько ужасное, что он даже не
остеливался думать об этом. В гуще

бесполезных смертей и ничего не значащей
войны сражались Испивающие Души.
Храбрее, чем их братья, чище, чем кто бы
то ни был. ОНИ старались быть лучшими.
Самыми лучшими.

Но заслужили только позор, ибо
сохраняли разложение и порочность
Империи. Они думали, что следуют
примеру Дорна с фанатическим
энтузиазмом. Они даже не подозревали...

Горголеон провел мощный апперкот.
Сарнедон отразил его посохом, отвел в
сторону и сумел погрузить наконечник
оружия глубоко в тело магистра.

--- Все это время, --- крикнул
библиарий, --- мы были ничем!

Он схватил Горголеона за руку и
бросил прямо на стену Зала Послушников.
Тело противника пробило несколько
перегородок между кельями.

Был ли он когда-либо настолько
сильным? Нет, это Император,
Архитектор Судеб, наполнил его такой
мощью, что тело и разум едва могли ее
вместить. Сарнедон прошел сквозь
разбитую вдребезги стену и увидел

Горголеона, избитого, окровавленного, пытающегося встать на колени. Тень паники набежала на лицо магистра. Он никогда не видел никого, подобного Сарнедону. Никто не видел.

Чего больше всего боялся Горголеон? Поражения.

Аг.

Бесплодные, изрезанные рубцями катни лежали под их ногами. Наверху раскинулась чернота космоса, звезды вздуглись, утирая. Бесформенный инопланетный корабль рассек трак желто-гнилостной полосой, бұри варпа вскрыли жуткие раны в ткани реальности, из них бұрным кровавым потоком изверглись орды Хаоса. Холодная и жестокая Галактика попала в руки чужих, в Руки демонов, высосанная до гонышка врагами человечества. Эта картина могла напугать самого стойкого слугу Империи, это было место, где все его мечты, все старания обратились в прах.

Самыми жуткими оказались звуки. Кудактанье инопланетных работорговцев. Бормотание безмозглых демонов.

Отдаленные крики утирающих людей. Даже Горголеон пришел в ужас от картины, открывшейся перед ним.

Сарнедон никогда не заходил так далеко, Аг никогда не создавал целый мир, сочащийся страхом. Но библиарий знал, что иначе ему не сломить дух магистра, чувствовал силу Императора, бьющую через край, наполняющую его психической энергией до тех пор, пока она не стала обжигающе-белоснежной звездой, истекающей в Аг. Вся его мощь сосредоточилась исключительно на Горголеоне — кошмар видел только он и Сарнедон, легкая дымка скрывала сражающихся противников от остальных десантников.

— Ты не можешь победить колдовством, Сарнедон! — закричал магистр, пытаясь заглушить дикий стон измученной Вселенной.

Библиарий чувствовал, как растет в нем сила, раздвываясь вширь, распирая его изнутри. Она стучалась в его кожу и кости изменившегося скелета. Он был переполнен огнем. Казалось, энергия сейчас

выйдет из десантника, в клочья разнеся все
вокруг.

Горголеон с трудом поднялся на ноги,
со злобой ударил силовым кулаком по
каменным плитам, пробив в полу огромную
дыру. По его лицу струилась кровь, зубы
скрежетали, на челе лежала печать
смерти, как уже много раз до этого.
Магистр Оргена вложил каждую
частичку своей силы в атаку, обрушившись
на Сарнедона, парирова вынады
энергетического посоха, отчаянно
стараясь переполнить свой разум яростью,
не дать ему подчиниться воле Ада. Но
Сарнедона уже нельзя было победить — в
его венах бушевал кипящий океан огня, рука
Архитектора Судеб лежала на нем.

Два десантника ринулись вперед, их
взгляды на секунду схлестнулись. Лицо
Горголеона осветилось, и библиарий
неожиданно понял, что свет узкими
лучами бьет из его собственных глаз,
энергия сочится из каждой поры тела.
Керамит доспехов Горголеона стал
стигаться под его хваткой, Сарнедон уже
не мог вместить в себя всю силу, не мог

вынести крик, гремящий в ушах, не мог
сдержать море огня, ревущее внутри.

Раздался визг рвущейся брони и треск
костей. Огромный луч света вырвался,
когда энергия высвободилась из тела
Сарнегона. Ноги подогнулись, а затем он
ощутил то, что никогда не чувствовал до
этого, — рост, разделение, изменение.

Неожиданно они возвратились на
руины зала обучения. Не в силах скрыть
ужас, Горголеон неподвижно лежал там,
куда его швырнул изменник. На стенах
остались широкие полосы крови, а вокруг
валялись обломки пурпурного керамика.

Из тела Сарнегона выступили восемь
огромных членистых паучьих ног, каждая —
увенчанная ядовитым когтем.

Боль прошла. Аг прошел: больше он
был ему не нужен. Вот благословение
Архитектора Сугеб — новое тело,
быстрое, смертоносное, символ того, как
он отбросил в сторону все, десятилетиями
державшее Успивающих Души в
заточении. Сарнегон поднялся на задние
ноги, став около четырех метров высотой,
и обрушился на Горголеона. Два передних

когда пронзили грудь магистра и подняли
его в воздух. Библиарий запустил пальцы в
наплечники доспехов противника,
посмотрел в его обжигающие ненавистью
глаза и потянул.

Мощь. Величие. Сарнедон никогда не
чувствовал себя таким сильным.

Тело Горголеона разорвалось нагвое,
кровь полилась дождем, заструились
кольца кишок. Бывший библиарий бросил
остатки на пол, тяжело дыша. В ушах
звенело.

Гул столк. Стояла тишина,
нарушаемая только тихим шуршанием
крови, стекающей по стенам и с
наплечников Сарнедона.

Он остотрелся и увидел, что
Успивающие Души собрались вокруг
окровавленных рун, оставшихся от келий.
Постепенно к бывшему библиарию
возвращался слух, а над терным стуком
капель крови и шипением забивающегося
кольцами дыла вздымался звук тысяч
голосов, наполнявших душу Сарнедона.

Они пели.

Они пели его имя.

Глава восьмая

Варн. Темное и страшное место. Пространство, где оживают чувства и страхи. Где обретают форму человеческие кошмары. Где живут ужасные существа. Здесь обитают злобные силы, называющие себя богами, и неразумные, но чрезвычайно жестокие хищники. В варне нет безопасных путей, и только путеводный свет Астрономикона и умения касты навигаторов могут привести корабль домой.

Риск путешествий по изменчивым дорогам эмпиреев затмевался огромными расстояниями, которые покрывались за несколько часов. Корабль, лишь несколько минут проведший в варне, мог преодолеть пространство, на перелет через которое потребовались бы годы. Но те, кто покидал привычную безопасность реальности и принимался бороздить волны иного мира, иногда исчезали — это было неминуче.

Хуже того, временами некоторые

возвращались изменившимися.

Корабли-призраки. Пронавшие. Иногда звездолеты, сгинувшие тысячи лет назад, неожиданно снова появлялись в реальном космосе. Жуткие силы, бушующие в варпе, могли вывернуть судно наизнанку, слить два вместе, но самое худшее случилось тогда, когда вместе с ними возвращалось что-то еще. Никто не знал имен таких кораблей, поэтому обычно их называли «Костическими скитальцами».

Сарнедон не имел сведений, насколько стар конкретно этот звездолет, но его возраст, похоже, превышал все, о чем когда-либо слышало человечество. Это был не первый «Скиталец» Испивающих Души, их иногда вызывали уничтожать подобные объекты, прежде чем обитатели кораблей вырывались наружу, но этот впечатлял не только своей видовой древностью, но и колоссальными размерами.

Этот «Скиталец» принадлежал Империи, о чем свидетельствовали знаки орла и тексты молитв, вырезанные на переборках. Корабль оказался гвардейским госпиталем, со множеством больничных

палат, огромными отсеками карантина и дезинфекции на корме. Он скрывался в сенсорной тени, часть корпуса не пропускала сигналы биосканеров. Поэтому его пришлось исследовать по старинке.

Новая полупаучья форма тела позволяла Сарнегону карабкаться по стенам и бегать по потолку, что вводило врага в замешательство, давая бывшему библиарию драгоценное мгновение для решающего удара.

Сарнегон завернул за угол и с потолка оглядел палату. Она была глиной полтора километра. В прошлом ряды кроватей и передвижное оборудование освещались ослепительно яркими лампами, но теперь здесь царил полумрак, а койки рассыпались. Даже зоркие глаза десантника плохо видели в больничном сумраке.

Он спрыгнул на пол и потрогал несколько кроватей когтем. За несколько веков на них выросли слои грязи. Хороший признак, значит, за это время их никто не тревожил.

--- Сарнегон контролю, точка девять достигнута.

— Принято, лорд Сарнедон, — раздался в наушниках голос Гивриллиана.

Командор с радостью назначил его координатором миссии, туда, где умный тактик принесет максимальную пользу. Подчиненный остался на «Славе», тогда как Сарнедон возглавил поиски.

Библиарий вспомнил, как на месте лицевого шрама Гивриллиана открылись четыре глаза. Если они и беспокоили его, то виду десантник не подавал.

Появилось несколько солдат из подразделения Люко, болтеры наготове, глаза реагируют на малейшее движение. За ними следовало еще несколько огнеметчиков. Сам Люко оказался в конце отряда со своим отрядом.

— Что-нибудь есть?

— Ничего, — пришел слегка искаженный потехами голос.

Подразделение обследовало отсек, постепенно двигаясь из одного конца в другой разрозненными группами. Тут и там стояли тележки с медицинским оборудованием, баночками, тюбиками мазей, лекарствами. Несколько

Ни царапины. Ни пятнышка. Он двинулся дальше, ища хоть какие-то признаки того, что здесь побывало нечто живое.

Может, атакующие воспользовались шахтатами вентиляции? Не похоже, особенно если вспомнить о количестве фильтров. И что тогда? И если кто-то забрал тела, куда они делись?

Где они сейчас?

--- Гивриллиан? Мне нужна информация о системе очистки воздуха в этом секторе.

--- Слушаюсь, командор. Не знаю, насколько стар этот корабль, но можно проверить банки памяти.

Сарнегон переключился на частоту подразделения:

--- Люко, не расслабляйтесь. Думаю, мы что-то нашли.

--- По-прежнему никаких контактов, командор.

Пациенты и команда, сестры Ордена Госпитальеров, Гвардейский Медицинский корпус. Всего лишь люди. Или могли управлять как обыкновенными людьми. Загнать, как скот на бойню, а потом...

— У нас что-то есть, сэр, — заговорил Гивриллиан. — Госпитальные корабли этого класса имеют отдельные системы фильтрации для медицинских отсеков, командных палуб, карантинных зон и операционных. Для предотвращения массового заражения.

Вот оно. А это значило, что нападшие до сих пор могли быть на корабле.

Сарнедон поспешил вперед, загнутые когти на лапах позволяли ему двигаться быстрее, чем мог бежать космодесантник. В конце отделения находилась операционная, где два автохирурга проводили особо тонкие операции тяжелораненым или, скорее, самым важным пациентам. От остального помещения ее отделяли герметичные двери. Края их были чистыми, но другой выход отсутствовал.

— Люко! Мне нужна огневая команда, срочно! Остальным оставаться на месте.

— Слушаюсь, лорд!

К нему подбежали трое десантников — Маллик, Скен и Заэн, огнеметчик из

подразделения Люко.

Сарнедон просунул когти двух передних лап в щель между дверьми и, слегка напрягшись, раздвинул их. Это его неприятно поразило, обычно герметические шлюзы просто так не открывались. Санитарное помещение впереди оказалось девственно-чистым. Двери операционного блока были сделаны из прозрачных панелей, но вот что находилось за ними, Сарнедон не видел из-за грязи, налившей на стекла. Командор поднял болтер, жестом приказав Враз занять место за своим плечом, и рванулся вперед, чувствуя, как двери поддаются под его напором.

На полу лежала корка экскрементов, ими же были залеплены все стены. Рядом со стенами валялись кучи костей, некоторые уже посерели и раскрошились от времени, другие сияли белизной, из горы гнили нагесантников слепо уставились чьи-то глаза, пальцы и зубы хрустели под ногами, как костяные личинки. Руки автохирурга почернели от засохшей крови и грязи там, где на него взгромодилась какая-то тварь,

когда кормилась.

На периферии зрения замечали предупреждающие Рүны опасности. Справа в помещении был настолько сильным и заразным, что мог убить обычного человека, но доспехи десантников и имплантаты заблокировали вредное воздействие. Сарнедон поблагодарил про себя безответную технику.

Атакующие перерезали подачу воздуха в отсеке или, возможно, чем-то его заразили. Команда перевезла раненых в операционную, где была отдельная система фильтрации и независимая система подачи воздуха, тут они могли продержаться подольше. Вот только набившись в одну комнату, люди стали тише, у которой не оказалось путей отступления, когда пришли хищники.

Их загнали на бойню.

В стройной реконструкции событий имелся один изъян. Некоторые кучи костей на полу принадлежали людям, чьи тела, по всем признакам, разложились тысячелетия назад, а вот другие выглядели неприятно свежими. Может,

обитатели этого корабля кормились на
каких-нибудь дальних костических
маршрутах? В костосе постоянно
рассказывали байки разной степени
отверзительности о том, как охотники за
сокровищами, польстившись на груз или
археотехнику, поднимались на борт
«Скитальцев», вот только, судя по
рассказам, возвращались они редко. А
может, захватчики нашли какой-то способ
привлекать корабли или охотиться на
них?

Сарнедон прошел дальше по комнате,
с хрустом сняв ветхую грудную клетку,
посмотрел на потолок, стараясь найти
путь, по которому враги вторглись в
отсек. Вентиляционные решетки
выглядели целыми, а сквозь главный шлюз
они не проходили.

Он понял, как захватчики пробрались
в операционную, и тут же на него напал
первый хищник. Тварь вырвалась из люка
для отходов, встроенного в дальнюю стену,
разбрасывая искры и обломки. Сарнедон
краем глаза уловил вспышку мясистой
серо-бежевой плоти под блестящим

темным экзоскелетом, пару черных
маленьких глаз и зияющий грязный рот.
Когти ударили и сбили Сарнедону прицел,
он выпустил очередь из болтера прямо в
стену позади существа.

Генокрас. Четырехрукий хищник-
паразит. Он откладывал куколки в своих
жертв, если, конечно, не разрывал их
когтями, и несчастных ждала крайне
мучительная смерть.

Болтеры выстрелили разом, но
тварь оказалась очень быстрой. Она
прыгнула прямо на щиток шлема
Маллика и повалила его на автохирурга,
разбросав во все стороны почерневшие
лезвия. Сарнедон пробежал по потолку,
пронзил ее посохом, спрыгнул вниз и,
схватив за горло, поднял повыше, стиснув
кулак и чувствуя, как шейный хрящ
существа треснул у него в руке.

Генокрас, в непосредственном
контакте. Сарнедон всегда знал, что
грозен в сражении, но таким сильным не
был никогда.

--- Огнеметчик! --- крикнул он, бросив
на пол мерзкий труп.

Заэн ўже вбежал в оперблок и теперь заливал огнем шахту для отходов. Оттуда слышался булькающий звук и взметнулся густой коричневый дым.

Паразиты проникли на корабль с палубы для хранения отходов, куда отправляли медицинский мусор и тех, кто умер на операционном столе. Останки выбрасывали прямо в костос, и генокрады пробрались через практически не охранявшийся шлюз. Скорее всего, прежде чем захватить весь госпиталь, они несколько месяцев жили внизу, размножаясь среди автоматических аннигиляторов и свалок затерзанных трупов. Команда звездолета решила уйти в варп, пытаясь избавить реальный костос от вредителей. Храбро, и даже могло сработать, если бы лазарет не стал частью огромного «Костического скитальца».

— Сарнедон контролю. Подтверждаю, контакт с чужими. Пошлите подразделение на палубу отходов, сформируйте кордон и подготовьте команды зачистки. — Он взглянул на

Маллика, который пытался снять свой
искореженный шлем. Из глазной линзы
струилась кровь. --- Один человек ранен.
Нужен аптекарь.

--- Принято.

--- Да, и пришлите Теллоса.

--- Слушаюсь, сэр.

Разыгралась гражданская война.
Иначе не скажешь. Традиции Оргена
гласили, что Сарнегон оправдан перед
Императором и Дорном фактом своей
победы над Горголеоном. Большинство из
тех космогесантников, кто видел, как
библиарий разорвал магистра на части,
поклонились ему в верности прямо на месте.
Они говорили, что вокруг Сарнегона
разливалось золотое сияние, когда он
стоял обрызганный кровью Горголеона, а в
воздухе слышалось пение хоров Терры.
Бывший библиарий стал магистром
Оргена Испивающих Души при полной
поддержке боевых братьев.

Но были и те, кто не поверил. Они
видели, как их предводителя убили
полутонстр-получеловек, безумный
теленат, и объявили Сарнегона злом.

страшным демонам, сеющим зниение. Раскольники стали сражаться, принялись строить баррикады, отправившись в последний бой против собственных братьев.

И, пришлось признать Сарнегону, воевали они хорошо. Он так и не понял, почему ветераны и специалисты полностью перешли на его сторону, а большинство послушников восстали. Подавить основные укрепленные пункты бунтовщиков и выследить партизанские отряды, укрывшиеся в запутанных лабиринтах «Славы», удалось только через несколько недель. Повстанцы захватили «Сына Благословителя» и попытались сбежать. Пришлось взорвать корабль бортовым залпом, когда тот пытался выйти на маневр и прыгнуть в варп.

Но восстание в конце концов устарили. Выживших окружили и отправили на тюремный корабль, который тут же уничтожили массированным кинжальным огнем.

Когда специалисты подсчитали потери после захвата звездного форта,

атаки на «Герион» и революции Сарнегона, выяснилось, что Успивающие Души потеряли треть личного состава. Новый магистр одновременно скорбел по оставшим, ведь они были его братьями и радовался их смерти, потому что они предали Орген. Если им было суждено умереть для того, чтобы Успивающие Души вырвались из-под имперского ига, значит, такова судьба. Он и раньше отправлял людей на смерть и никогда не сожалел об этом. Жестокость — это неотъемлемое качество хорошего командира.

Правда, иногда, ночью, его преследовал образ Михайраса, десантника, постоянно сопровождавшего Кэона, того, кто стал свидетелем церемонии с чашей, проведенной Сарнегоном. Бывший библиарий встретился с ним, когда изменник с группой послушников пытался сбежать со «Славы». Он вырвал его респираторные имплантаты и выбросил в открытый космос. По каким-то причинам Сарнегон никак не мог выкинуть из головы его лицо. Даже сейчас он видел глаза

Михайраса, до краев переполненные страхом и ненавистью.

Храбрый мальчик. Но он должен был умереть. Такова цена истины. Никто не говорил, что за ней легко следовать.

Когда мертвых отправили к Дорну, а предателей выбросили через люки гля отходов, флот оказался в ужасающем положении. Имперские корабли скоро найдут их. Пусть не те, что находятся под командованием инквизитора Тсурса, тогда другие, возглавляемые каким-нибудь адмиралом, который с радостью снимет скальп с отлученного Оргена. Флот Успивающих Души был большим и не мог прятаться вечно, а Империя имела в своем распоряжении достаточно кораблей, чтобы разбить их в открытом бою или преследовать до конца Дней. Десантники оказались одни во всей Вселенной, без союзников, без спокойного пристанища. Их судьба уже решена. Вопрос только во времени.

Путь указал Узер. Архитектор Судеб явился ему во сне. На Его челе сияла корона из звезд. Священник запомнил картину во

всех подробностях, и венец оказался картой, которая привела их к «Костическому скитальцу». Еще одно чудо. Император увидел страдания Испивающих Души и даровал им новый дом и новую жизнь. Теперь и капелланы, и рядовые десантники полагались на слово Узера, он стал главным советником Сарнегона. Без него Орген скорее всего развалился бы окончательно, но священник дал десанникам духовную опору, тогда как новый магистр был живым воплощением силы. Огромный, древний, безжизненный, за исключением изолированной колонии генокрадов, «Скиталец» поражал великолепием. Варн слепил его примерно из двадцати кораблей, сломанных и слитых воедино. Достаточно большой, чтобы вместить весь Орген, вместе с тем он оставался единым целым, которое было гораздо труднее засечь, чем флот. Недоступный для сенсоров, звездолет мог прятаться в обломках, поясах астероидов или пылевых облаках, а технодесантники, проведя предварительный инженерный анализ, сообщили, что на борту находится

достаточно вооружения, которое после ремонта и оснащения позволит превратить колосса в неприступный бастион. С виду корабль производил впечатление ужасающе перекрученного, деформированного создания, поэтому Испивающие Души называли его «Сломанным хребтом».

«Сломанный хребет». Новый дом Отлученных от Церкви Изменников, последняя надежда Оргена предателей. Название вполне соответствовало действительности.

--- Грустно видеть, как они улетают, командор? --- спросил Лигрис.

--- Немного, --- ответил Сарнедон. --- Но нам надо использовать эту возможность. Основать Орген заново.

--- Возможно.

--- А разве тебя это не печалит, Лигрис? Для технодесантника потеря столь большого количества отличных кораблей --- это все равно что потеря какой-нибудь конечности.

Лигрис улыбнулся, его мертвая кожа пошла легкими складками в уголках рта.

— С потерей флота Орген теряет часть души, командор. Но мы уже столько потеряли, что, наверное, лучше уничтожить последние нити, связывающие нас с ложью. И не надо забывать о том, что мы имеем сейчас, здесь, на «Сломанном хребте». Мы лишились флота, но взамен получили самого большого «Костического скитальца», которого когда-либо удавалось захватить неповрежденным. Тут около тридцати плазменных реакторов. Одина только потенциал прохождения через варп переходит все грани разумного.

Сейчас они находились в одной из известных частей нового корабля — на частной яхте, столетия назад принадлежавшей какому-нибудь богатому аристократу или торговому магнату. Правда, бывший владелец явно не отличался особой тонкостью вкуса, и каждую поверхность на судне покрывала алмазоватый орнамент из чистого золота, сейчас уже потемневший от пятен времени. Они стояли на обзорной галерее яхты, где кучки высших сановников некогда

собирались, дабы посмотреть на какое-нибудь небесное представление за бокалом сухого вина, --- огромный глаз иллюминатора занимал весь потолок, глядя в космос.

Флот Испивающих Души беспомощно дрейфовал снаружи, без энергии. Как только корабль вычистили от паразитов --- простая и быстрая операция, проведенная под командованием Теллоса, руколевия которого блестели от грязной крови, --- Орген в полном составе перешел на «Сломанный хребет». Став ненужным, флот превратился в обузу, которую было слишком легко засечь, поэтому его пришлось оставить.

На корме «Славы» расцвел взрыв, там, где заправочные челноки врезались в реактор. Белое кольцо огня неожиданно прорвалось сквозь сердце корабля и разрезало его надвое, разметаив вокруг горящее топливо и обломки. Два штурмовых крейсера попали под удар разлившейся плазмы, и их корпуса стялись, как будто были сделаны из фольги. Еще один заряд снес нос; «Хищника».

повреждения оказались столь велики, что баржа тут же разлетелась, взрывная волна разнесла ошметки корпуса на десятки километров.

Флот Успивающих Души утирал медленно и совершенно бесшумно. Аккуратно заложенные мины вскрывали топливопроводы и срывали защитный слой с реакторов. Разрушение заняло целый час, и Сарнегон достотрел его до конца.

Они спасли все, что смогли, — записи, оборудование, либраниум и апотекарион, всех сервов-рабочих. Но все равно потеряли очень много — когда-то существовавший Орген Успивающих Души утер, и его место заняло нечто новое.

Так и должно быть. Они больше не имперские костодесантники, они не подчиняются никому, кроме Императора, который одобрял их действия, являя чудеса и ниспосылая видения. Успивающие Души наконец стали свободными. Наконец-то они смогли обрести себя после столетий прислужничества тирании Империи.

Когда от флота осталось лишь несколько обожженных каркасов, Сарнегон

и Лигрис посмотрели, как они улетают вдаль, чувствуя освобождение от груза истории, давившего на плечи. Все это время, все эти годы они были никем. Но теперь все начиналось заново. Теперь они понесут свет Императора во тьму.

--- Лорг Сарнегон, --- разрушил очарование момента голос, затрещавший в наушнике. --- Это сержант Солк, второе подразделение ремонта и контроля. Мы работаем с духом машины, расположенным в секторе Индиго, и обнаружили аномалию. Требуется присутствие специалиста. Техники, апотекарии и капеллан.

--- Капеллан?

--- Так точно, сэр. По-моему, здесь угроза моральной безопасности.

Сарнегон отключился и открыл другой канал, почувствовав, как участился пульс.

--- Сарнегон всем постам. Специалисты, в сектор Индиго. Моральная угроза, повторяю, моральная угроза.

Успивающие Души тщательно обследовали весь корабль, но всегда оставалась возможность, что в каком-

нибудь закоулке еще таится незванный
местный обитатель. Не следовало давать
опасности шансов.

— Лигрис, за мной! — приказал
магистр. — Хочу сам посмотреть на это.

Количество конечностей позволяло
ему передвигаться по земле с гораздо
большей скоростью, чем обыкновенному
человеку, и вскоре Лигрис остался далеко
позади, в то время как Сарнедон пронесся
по обзорной галерее и по потолку коридора.

Сектор Индиго был
исследовательским кораблем,
приземистым квадратным судном. В его
коридорах вдоль стен стояли банки с
образцами в человеческий рост,
заполненные какой-то молочной
жидкостью. Знаки ксено-биологии Agentus
Механикус стояли везде, а командный
постик сверкал устройствами для
управления звездолетом непосредственно
при помощи разума. На борту не осталось
ничего живого, но вся обстановка
великолепно сохранилась благодаря
системам воздушной стерилизации, даже
когда корабль поглотила туча

«Сломанного хребта».

Главным трофеем оказался дух машины. Он хранился в керамитово-пластиковом футляре под мостиком --- огромная сфера, исцощенная диаграммами, поверхность усыпана клапанами и слотами для информационных карт. Первоначальная проверка показала, что механизм поврежден. Механикусы были гениями, но полностью обезопасить свои создания от царапин не могли даже они. Если же его удастся починить, то дух машины сможет обеспечить контроль над всеми основными системами «Сломанного хребта».

Поэтому сержант Солк отправился со второй ремонтной бригадой вскрывать механизм, чтобы технодесантники поскорее начали его непосредственное изучение.

И нашел источник моральной угрозы.

Сарнедон передвигался быстро, но, когда добежал до места, туда уже прибыл аптекарь Карендин, который теперь склонился над ранеными сервами-рабочими в одном из отсеков для хранения образцов.

--- Как обстоят дела, Карендин?

--- Плохо, сэр. --- Апотекарий был самым молодым Испивающим Души, вставшим на сторону Сарнегона, недавно посвященным в апотекарий, поэтому война Оргена стала для него крещением кровью. --- Мы потеряли шесть сервов-рабочих. --- Он посмотрел на тело, лежащее у его ног, --- лицо наполовину сожжено кислотой, оставившей уродливую зелено-черную корку по краям раны. Серв еле дышал, остальные четверо лежали рядом с контейнерами для образцов, без конечностей, голов или даже тел. От носа корабля тянуло неприятным едким запахом.

--- А Солк?

--- У оболочки духа машины, сэр. На случай, если он попытается вырваться наружу.

Сарнегон побежал по галерее с образцами туда, где сержант, сняв болтер с предохранителя, склонился над запечатанным люком. Рядом стояли двое оставшихся в живых рабочих. Доспехи сержанта кое-где оплавил или практически прожгла кислота.

--- Плохо, сержант?

Солк поспешно отдал честь.

--- Мы открыли сферу, и в нас что-то выстрелило. Половина сервов погибла, пока мы выбирались, я сам чуть не умер. Я понимаю, что не в моей компетенции судить, но, по-моему, эта штука одержима.

Сарнедон взглянул на черный металл люка. Он чувствовал неправильность, тающуюся за ним, так же сильно, как если бы оттуда несло страдом разложения.

--- Командор! --- крикнул Лизрис, вваливаясь в помещение. --- Подкрепление на подходе! Три подразделения из сектора Гладиус! Пять минут!

--- Слишком долго. Оно пробудилось. Будет тедлить --- тварь или вырвется, или станет еще сильнее.

Сарнедон вытащил энергетический посох, с которого только недавно отскоблил пятна крови генокрадов. Похоже, скоро его придется чистить снова.

--- Серв? --- произнес командор, и один из рабочих подбежал поближе. --- Откроешь люк по моему сигналу.

Рабочий всем телом налез на колесо замка. Поверхность двери трещала и покрывалась пузырями рядом с ним.

--- Открывай.

Серв повернул колесо и тут же умер. Люк с треском распахнулся, изрыгнув на него поток серо-зеленой кислоты. Сарнедон и Лигрис отреагировали быстрее, прыгнувшись и быстро отскочив в сторону.

Воздух в помещении стал токсичным. Но костюмодесантник с дополнительным биомеханическим легким и встроенными респираторами мог задерживать дыхание на достаточно долгий срок. Выполнению задания ничто не должно мешать.

Сарнедон перепрыгнул через разлагающееся тело серва прямо в котлован духа машины, Лигрис --- за ним. Сфера оказалась полукрытой, одна часть упала в сторону. Внутри, как в сердцеvine гнилого фрукта, зияла яма, переполненная темной зеленой скверной, булькающей от жара и злобы, выплевывающей котки разъедающей все вокруг жидкости и выделяющей волны

какого-то высокотоксичного газа.

Сарнедон взбежал на цилиндрическую стену комнаты, а техник бросил гранату в гнилое ядро. Текучая мерзость поглотила ее и растворила прежде, чем та успела взорваться.

--- Огнеметчиков в сектор Индиго! --- крикнул в микрофон Сарнедон. --- Быстро!

--- Четыре минуты! --- пришел ответ.

Голос Гивриллиана, понял магистр. Хорошо.

Задняя часть сферы казалась относительно неповрежденной, но плиты на ее поверхности уже стали обвисать, а из гнезд для плит текли ручейки зелено-коричневого гноя. Трон Императора, он чувствовал их, волны обжигающей неприкрытой злобы. Здесь не было разума, способного чувствовать, но оно ненавидело так, будто олицетворяло ненависть.

Сарнедон провел посохом по проводам и вонзил его в сердце твари, почувствовав, как наконечник разрезал полужидкую машину, но она не умерла.

Лигрис пускал в монстра ракеты, хотя скорее всего понимал, что перед ним

не смертный противник, которого можно
убить снарядом. Он старался отвлечь его,
дать Сарнедону время нанести
смертельный удар. Техник, как и
большинство Успивающих Души, по-
видимому, безоглядно верил в возможности
своего магистра — он тоже видел, как из
его тела струился свет Императора, был
свидетелем чудесного дара, превращения
Сарнедона. Бывший библиарий так
надеялся, что сможет оправдать их
ожидания.

Магистр покрепче обхватил
рукоятку из рунного дерева и направил
психическую энергию в посох, стараясь
слопать, разжать хватку твари. Волны
зла согрогнулись, стеснились, стали еще
более сильными, но менее
концентрированными.

Что это? Чужая форма жизни?
Существовали легенды о созданиях,
способных брать машины под контроль. Но
почему тогда эта вещь излучала такую
ужасающе знакомую, совершенно
человеческую ненависть?

Рунное дерево съежилось в его руке,

отвергая грязь вещества, забившего
машинное сердце. Сарнедон взбежал на
потолок, пробив несколько глубоких
отверстий в поверхности оболочки, сквозь
которые тут же начала сочиться желчная
терзость.

Лигрис отскочил в сторону, когда
язык кислотной запекшейся крови рванулся
к нему, с шипением вонзившись в
противоположную стену. Техногесантник
откатился, приземлившись, стял жалкие
останки последнего серва-рабочего, затем
встал на колени и нащупал интерфейс
нейроразъема в основании шеи.

--- Лигрис, нет! Оно убьет тебя! ---
Сарнедон рисковал, просто раскрыв рот в
этом гнилостном пространстве, но, зная,
что собирается сделать Лигрис, не мог
промолчать. Техногесантник едва выжил
после атаки духа «Гериона», имея дело
только с частью сознания 674-XU8. Сейчас
же он бросил вызов чужеродной инфекции
или искусственно созданной техноереси.
Сварь просто разорвет его разум своей
ненавистью.

--- Отвлеки его, Сарнедон! --- раздался

ответ, а потом техник вставил штекер
кабеля в инфопорт и тут же упал без
сознания.

Магистр закричал, уже не заботясь
об остатках воздуха в легких, и по локоть
погрузил руку с посохом в сердцевину духа
машины. Гной, какие-то машинные кишки
обвились вокруг его запястья и стали
засасывать. Сарнедон провернул посох,
почувствовал, как тварь вскрикнула от
боли. Он понял, что делать.

Лигрис бился в конвульсиях на полу.
Теперь Сарнедону надо было отвлечь
отерзительный разум, дать
технодесантнику шанс.

«Ты здесь? — подумал Лигрис. — Ты
здесь? Потому что, если тебя нет, все
напрасно».

«Я здесь, — донесся ответ, еле
слышимый за ревом богохульных криков. —
Но я не могу сражаться».

«Мы его повредили. Сильно ранили,
той лорд и я. Но мы не можем убить это
без твоей помощи, сектор Индиго».

«Я знаю. Но оно так сильно. Когда я
еще был исследовательским кораблем

"Беллерофонт", то нанес на карты системы, которые никогда не видел человек, каталогизировал виды, о которых мы просто ничего не знали. Теперь же я так мал и испуган. Это существо — гниль и скверна, техногесантник Лигрис. Призрак разложения, абсолютно беспощадный, он побил меня по всем статьям».

«Но его можно убить. Я покажу путь. Я помогу. Пока оно ослеплено болью, ты сможешь перерезать погачу энергии к машинному ядру, где оно обитает физически. Его можно лишить питания, заставить умереть от голода».

«Я могу сделать это, техногесантник Лигрис, но тогда умру сам, в ядре расположены банки моей памяти».

«Но оно умрет. Ты будешь знать, что своей смертью уничтожил огромную, ужасающую тварь. Ты сможешь отомстить, сектор Индиго. Ты хочешь принести себя в жертву?»

«Техногесантник Лигрис, это создание — враг всего, для чего я был

создан. Ты же знаешь, ты же
костюгосантник, когда выбор стоит между
жизнью и тесью, его на самом деле нет».

Сарнедон сражался с клейкой
терзостью, которая пыталась поглотить
его. Кислота уже доходила ему до плеч,
две передние ноги глубоко погрузились в
разъеденную плоть сердцевины оболочки,
стараясь зацепиться за осколки металла.
Он держал энергетический посох обеими
руками, двумя концами отбиваясь от
твари, а она старалась вырвать оружие.

Доспехи на предплечьях практически
растворились. Руки и запястья горели
там, где бронированная изоляция исчезла
под потоками кислоты. Тварь разозлилась,
полностью сконцентрировавшись на
магистре. Если Лигрис сможет что-то
сделать, то только сейчас, когда монстр
повернулся к нему спиной, сфокусировав все
внимание на Сарнедоне.

Если оно выживет, то сможет
сбежать, сможет захватить весь корабль.
На кон поставлена судьба Оргена.
Ситуация предельно проста — Сарнедон
должен победить или умереть.

А потом появилось что-то еще.
Страх.

Свет в комнате замерцал, а потом окончательно погас. Рядом неожиданно появился Лигрис, с кабелем нейроразъема, все еще выбивающимся из основания шеи, просунул ствол болтера в дыры, проделанные Сарнего-ном, и принялся поливать монстра очередями.

Тварь закричала от ужаса, когда все вокруг погрузилось во тьму, а основа ее титра покачнулась — из ядра стремительно исчезала энергия. Оно сражалось до конца, но теперь, когда его лишили подпитки, существо не могло сравниться с двутяжками, разъяренными костодеканниками, которые снарядами болтера и ударами посоха разрывали его внутренности на куски.

Сарнегон и Лигрис вышли из ядра дыха машины через три минуты после того, как вошли внутрь, покрытые свернувшейся кровью и пятнами от кислоты. Навстречу им бежали отряды подкрепления с огнеметами и плазманатами, готовые очистить

комнатѹ. Карендин тут же покинул
утирающих сервов и занялся раной
командора, а Солк взял на себя процесс
зачистки ядра.

К апотекарию, сдиравшему доспехи с
почерневших рук Сарнегона, подошел
Гивриллан. Его старый шрам ярко горел
синевато-багровым цветом, рана
раскрылась. Из складок изорванной кожи
выглядывали шесть глаз, осматривающих
все вокруг. Они придавали сегодѹ тактику
еще больше внушительности и важности.
Переломы, произошедшие с сержантом,
были еще одним из сверхъестественных
жутких даров Архитектора Судеб.

--- Командор, вы серьезно ранены?

Сарнегон покачал головой:

--- Несколько курсов синтеплоти --- и
все будет в порядке. Бывало и хуже.

--- Сержант Гивриллан, --- прохрипел
Лизрис --- его горло было сильно обожжено
газом. --- То, с чем мы сражались, было
тут не случайно. Не думаю, что это
чужой организм. Есть предложение. Надо
собрать всех технодесантников,
специалистов либраиута и исследовать

информацию, оставшуюся здесь.

--- Согласен, --- ответил Сарнедон. ---
Если на «Сломанном хребте» есть какая-
то другая сила, мы должны о ней знать.

Гивриллиан отдал честь и ушел
готовить команду для расследования.

Лизрис повернулся к магистру: --- Оно
пыталось победить, командор. И не гля
себя. Мутант.

Прошел месяц с тех пор, как
очистили дух машины в секторе Индиго.
Все это время продолжалось исследование
«Сломанного хребта», банки памяти,
спасенные со старых кораблей,
переполнялись информацией о новом домене
Оргена. Оказалось, что в нем находятся
шестнадцать звездолетов, от некоторых
остались только гнилые скорлупки, другие
были такими чистыми и нетронутыми,
как будто недавно сошли с конвейера.
Группа поиска нашла целое звено
истребителей, использовавшихся еще до
Ереси Хоруса, слитых воедино и теперь
напоминавших застывшую скульптуру
взрыва, платформу орбитального
генератора, которую

техногесантники активировали, заново
восстановив триады варп-приводов
«Скитальца», и целый схолариум,
разделенный на аккуратные монастырские
кельи. Постепенно колосс обживался и
размечался — в перспективе из него могла
получиться колоссальная крепость-
монастырь, которой мог позавидовать
любой Орген.

Раны Сарнегона оказались
тяжелыми, но быстро зажили. Обожженная
черная кожа на предплечьях слетела
хлопьями, обнажив новую, молодую. Ожоги
от кислоты, покрывавшие паучьи ноги
магаистра, смыли бальзамы апотекариев,
остались только жесткие края хитиновых
щитов. Сожженные ткани восстановились
за несколько дней, а на массивный
экзоскелет конечностей заново нарастили
новые мускулы.

И вот в этом заключалась проблема.
Сарнегон шел по пещеристым оружейным
палубам, напотивавшим огромную яму в
теле «Сломанного хребта», и понимал,
что сила, бурлящая внутри него, не совсем
естественного происхождения.

Мутант.

Его так называли, когда разразился бунт после смерти Горголеона. Михайрас прохрипел это слово прямо ему в лицо, уже задыхаясь. Мутант, нечестивый, отклонение, грешник по самой своей природе. Не было для костогесантника оскорбления страшнее, и Сарнегон убил из-за него много человек, хотя разумом понимал своих противников, вот только простить не мог.

Имперский линкор с огромной оружейной палубой, который сейчас занимал половину передних отсеков «Сломанного хребта», похоже, когда-то сеял ужас во множестве битв за ложь Империи, судя по количеству названий, вырезанных на оружейных стволах. Имя звездолета, «Махария Виктрикс», красовалось на каждой переборке и опоре. Но потом герой исчез в варне, пока его не поглотил «Костицкий скиталец», заставив бортовые пушки наконец замолчать и отдав их на расправу ржавчине.

Артиллерийские отсеки, покрытые

пятнами, были усеяны хрупкими кучками костей. Похоже, команда линкора собралась здесь, во тьме, когда безумие ирреальности захватило их. На некоторых останках виднелись отметины зубов.

Сарнегон побежал, чувствуя, как натянулись стальные сухожилия суставчатых ног, как сокращаются сплетения мускулов. Восемь когтей выбивали искры из решетки пола, а он то ускорялся, то резко тормозил, сворачивал, испытывая возможности своего видоизмененного тела. Боль прошла. Вновь выросшая плоть казалась даже сильнее прежней.

Глазам неверующего Сарнегон скорее всего представлялся жутким монстром, кентавром-мутантом, получеловеком-полунаком. Костодесантники сами по себе внушали страх, но магистр знал, что выглядят воистину ужасающе для тех, кто не видел его триумфа в храме Дорна. Послушники-изменники просто еще не ощутили истинную священную силу Успивающих Души, иначе узрели бы ореол славы Императора, окружающий

Сарнегон в момент его победы. Они все еще сомневались, десантник же не должен сомневаться. Они увидели чудовище и решили, что библиарий действительно чудовище, не почувствовав величия истины.

Но Сарнегон знал, он не монстр, а Император и Дорн следят за каждым его шагом. Он понял, что значит жить с клеймом скверны, когда поглотил плоть убитого Теллосом розатого гиганта, помнил каждую деталь своих ощущений — уродство, покрывающее тело, подобно слою грязи, ауру отворачивания, которую изливала на него вся Вселенная. Проклятие мутанта — это нечто ужасное, всепоглощающее. Сарнегон не чувствовал ничего подобного. Сейчас в нем жила только божественная сила Архитектора Судеб, хлещущая через край, дающая новым научным конечностям и рукам небывалую мощь.

Сарнегон ударил одну из стоящих рядом пущек — когти оставили глубокие царапины на поверхности древнего металла. Он вскарабкался по стене и

поднимался все выше — до тех пор, пока не оказался внизу головой на потолке, наблюдая, как тенистые глубины оружейной палубы проносятся под ним.

Его боевые братья не сомневались в нем. С момента жестокого взлета Сарнегона он не видел даже признака Раскола. Многие менялись. Гивриллиан с его новыми глазами, Теллос с его странно изменившейся кожей и обостренными чувствами. Каждый день люди получали новый дар. У Заэна на спине вырос ряд прочных острых чешуи и пара верхних рук, пальцы руки сержанта Рэвуса стали такими глиняными и сильными, что он мог обращаться со своим боевым топоромотак, словно тот весил не больше перочинного ножика.

Сарнегон отцепился от потолка и упал, расставив ноги, чтобы стянуть удар, пробив дыры в ржавом металле.

Мутант? Нет, его новая форма, изменения у его братьев — это дары Императора, знаки того, что они ушли еще дальше от неразумной массы остального человечества, что они стали

отличными от нее не только духовно, но и физически. Скорее всего слабовольные обитатели Империи притупят их за счет обратительных монстров, чем лишней раз докажут свое врожденное слабоумие.

В покоях на корме «Сломанного хребта» техногесантники перевозили мертвые банки памяти сектора Индиго к поглотителю информации, который соорудили в куполе сенсориума яхты. Если там осталось хоть что-нибудь, они выяснят, почему та мерзость столько страстно хотела захватить контроль над их новым домом.

У этого места не было имени. Полный абсурд — у любой планеты есть имя, пусть только ряд цифр, которыми навигаторы обозначали их на карте. И вот ничего, каждое поле в данных, выплеснувшихся на экран, оказалось пустым. Расположение, изображение и все. Но от них было мало толку, поскольку мир скрывался за толстым слоем облаков, под клубящейся, беспрестанно вращающейся серо-белой мантией, заключившей планету в свои объятия от полюса до полюса.

Молочная яркость изображения отбрасывала острозубые тени на стены каюты капитана яхты, которую превратили в покои Сарнегона.

--- Я не понимаю, что вообще привлекло ваше внимание, --- произнес магистр, сидя на бедрах своих новых черных ног.

Техногесантник Солан подключил голографического сервитора, и изображение на экране поблекло, сменившись визуальным воплощением базы данных с сектора Индизо. Информация даже на вид казалась разрозненной, искаженной, как будто изрезанной сеткой шпатель, испорченной до такой степени, что не подлежала даже частичному восстановлению.

--- Банки памяти, к которым обращался дух машины, находились в ужасном состоянии, --- принялся объяснять Солан. --- Инфекция полностью разрушила систему. Платы были чуть ли не жидкими, когда мы открыли корпус.

--- То есть там остались данные только об этом мире. Почему?

Техник снова включил сервитора, и на экране затерцала навигационная карта сектора Индиго. Солан, как и все технокесантники, отвечал за поддержание в боевом порядке оружия и исполнял инженерные обязанности на поле боя, но, в отличие от собратьев, его страстью был сложный и почти магический мир информации, ее получения и сохранения. Временные банки памяти располагались в его рюкзаке и плечевых лезвиях, а на конце серворуки поблескивал похожий на шприц зонд для сбора данных.

--- Это собственная навигационная система сектора Индиго, --- объяснил Солан, подсветив часть карты красным. --- Она была передана на мостики по крайней мере восьми кораблей, входящих в состав «Сломанного хребта». Особенно стоит отметить грузовой корабль повышенной вместимости и инопланетный звездолет, сейчас находящийся в карантине. Скорее всего контроль над их перемещением позволял «Скитальцу» передвигаться с достаточной степенью эффективности.

--- Стало быть, дело в контроле? Та

тварь овладела бы кораблем и
отправилась на эту таинственную
планету?

Солан кивнул:

--- Таково наше заключение.

--- Очень хорошо. Прекрасная работа,
техногесантник. --- Сарнедон посмотрел
еще на одну фигуру, сейчас полускрытую
теньями, отбрасываемыми голопроекцией. ---
А мы знаем, что это было?

Капеллан Уктинос, как обычно
сверкая начищенными черными доспехами,
возник из темноты.

--- Это был демон, --- ответил он
невозмутимо. --- Вы сказали, что
почувствовали его разум. Знакомую
ненависть, командор. Это был не чужой и
не мерзость, созданная руками человека.
Это был прислужник врага.

Демон. Пехотинец варна, слуга
темных богов Хаоса, жуткой реальности,
ужаса. В борьбе с этим злом погиб
Император, когда Воитель Хорус напал
на Терру. Хаос, развративший сердца
слабых примархов, породивший легионы
отверженных предателей.

Когда Сарнедон отвернулся от Империи, ему стало ясно, что в таком государстве Хаосу есть где развернуться. В нем все насквозь прогнило, мерзкие демоны варна легко могли проникнуть в Галактику людей. Магистр видел в своих снах, как Успивающие Души сражаются с первобытным ужасом Хаоса и даже срывают покровы с Империи, стараясь лишить противника почвы для роста. Но оказалось, противник опередил их, пробравшись сюда, на «Сломанный хребет».

Мысль пришла незвано. Наконец-то Сарнедон нашел противника, с которым стоит сражаться.

Но было и еще что-то. Тонкий голосок, беспрестанно звенящий где-то в подсознании...

Ты уже видел это место. Видел в своих снах, чувствовал страх его обитателя. Сорви покров облаков, и страшная кровотокающая планета, открывшаяся взору, покажется тебе такой же знакомой, как и собственное оружие.

--- Оно направлялось в это место, верно? --- спросил Сарнедон. --- Демон хотел

настроить систему навигации
«Сломанного хребта» так, чтобы он
отправился к этой планете.

--- По крайней мере таков мой вывод.
Библии согласаются со мной.
Остается вопрос: почему?

--- Потому что это место зла,
Уктинос. --- Магистр перевел взгляд с
толочной сферы безымянной планеты на
безразличную шлем-маску капеллана. ---
Уменно о нем говорил Узер. Там нам
предстоит доказать, что мы достойны
благословения бессмертного Императора.
Я видел трак, он ждет нас, и теперь у нас
есть доказательства. Зло послало демона,
чтобы привести на эту планету
«Скитальца». Завершил его миссию.
«Сломанный хребет» действительно
отправится к этому миру, но
командовать им будет мы.

--- Я так понимаю, лорд Сарнедон, мне
следует начать читать воинам литании
готовности, --- заметил Уктинос, как
будто ожидал этой фразы.

--- Разумеется, капеллан. Как только
команда будет готова к переходу в варп,

мы направится туда, — указал Сарнедон на
безымянный мир, и, хотя поверхность
планеты скрывалась под непроницаемым
слоем облаков, магистр обжигаяще ясно
видел кошмар, кипевший на его
поверхности.

Существовало ли большее
благословение для воина? Перед ним
лежало абсолютное зло, его следовало
сокрушить и уничтожить. Нечто,
оскверненное не из-за предательства или
жадности, но по своей сущности. Чистый,
понятный грех.

Нечто, чему можно противостоять.
Нечто, что можно убить.

Глава девятая

Верхние слои атмосферы были жесткими и холодными, но даже здесь он чувствовал теплое биение нечестивой жизни, пульсирующей внизу. Узер знал, что если посмотрит вниз, то увидит ту же самую картину, которая сводила его с ума все последние месяцы, но не мог просто закрыть глаза и отказаться верить. Он пришел сюда не просто так, ибо все в этом мире происходит по воле Архитектора Судеб.

К горлу подкатила мерзкая тошнота, священник отправился в свободное падение. Он открыл глаза и увидел желтоватые берега облаков, разбегающиеся перед ним, а потом погрузился в разящую нечистотами грязную жижу. Она толстым липким слоем осела на коже, сдавила дыхание, словно больное легкое. Но Узер знал, на следующем слое будет еще хуже.

Как обычно, сначала раздались звуки. Завывание ветра и злое бульканье гнилых облаков бормотанием включенной

илы разрезала клятва, изрыгаемая триллионами крохотных ртов. Священник попытался приготовиться, но ужас все равно подступил к горлу за секунду до удара.

Мухи. Почти твердая глыба жирных мух с полкилометра глубиной, гнусный черный хор паразитов. Они со всего размаха врезались в тело Узера, покрывая кожу оболочкой из толстого слоя запекшейся крови, залезали в нос и уши, набивались в рот и глазницы. Рев триллионов разрываемых тел наполнил разум священника, но он не останавливался, все глубже погружаясь в мушиную массу, дико молотя руками по окружающей стинающейся плоти.

Только и дальше не было успокоения. На секунду Узер даже взмолился, чтобы насекомые вернулись, чтобы живые существа поддерживали его, только бы не видеть. Но их скользкая хватка постепенно ослабела, человек проскальзывал все ниже и ниже, пока слой мух не истончился и на священника не обрушился, выжитая пот из тщедушного

тела, тяжелый липкий воздух.

Он открыл глаза. Он должен был это сделать. Архитектор хотел, чтобы он все видел.

Узер знал, что на самом деле все будет выглядеть не так. Но чувства не обманывали. Его глазам постоянно представляла колонна, раздирающая пурпурные небеса, цветок темного пламени высотой в милю. Жар, сочащийся из него, был влажным и тяжелым, он наблюдал за священником. Священник чувствовал холодный, невыносимо страшный, жестокий разум, горящий напротив него. Это говорило с ним, настехалось неслышными словами. Оно стаялось. Оно видело его, знало, насколько человек слаб и жалок.

Священник посмотрел вниз. Так хотел Архитектор.

Миллионы миллионов трупов кучами валялись на влажной бледной земле страдания. Узер знал: это все хорошие люди, мужчины и женщины, которых Архитектор хотел привести к свету. Эта мерзкая злобная тьма забрала их.

поработила и убила всех, теперь живя за
счет своих жертв, как хищник,
питающийся падалью.

Они — топливо для огня. Эта тварь
жила, поглощая святость и истину, и
черное жаркое пламя лизало поверхность
земли, превращая мертвецов в хрупкие
кучки пепла. Ей были нужны порядочность,
честность, чистота. Она жила, извращая
справедливость, превращая ее в нечто иное, в
свою еду. Эти женщины и мужчины были
последним шансом человечества,
единственными, кто обладал достаточной
силой, чтобы узреть истину воли
Архитектора. Злая сила жрала их,
угрожая проглотить всех в мире, пока
ничего не останется.

Когда-нибудь придет черед Узера
стать топливом для пламени тьмы.

Если только его не остановить.
Таково было послание Архитектора.
Именно поэтому Он показывал священнику
все эти ужасы. Видение говорило не о
настоящем, а о грядущем, когда
восторжествует зло, а правда
Архитектора будет лежать среди гряд

мертвых тел. Но будущее можно изменить, если только Узер и священные воины Императора смогут найти кошмара и убить его до того, как тот станет всепожирающим огнем.

Узера подхватила огромная невидимая рука, потащив его вверх, прочь от долины смерти, сквозь слой туч и грязные облака. Быстрее, дальше, в грубый холод костоса.

В последний момент перед его глазами всегда представала одна и та же картина: мир, который надо очистить. Бледный, покрытый облаками, похожий на огромную катаракту, он гнил на орбите раздутой, утирающей звезды, как будто адская планета заразила ее злом.

Потом все вокруг обволакивала тьма, и видение кончалось.

Узер рассказал Сарнегону о послании Императора в новом храме Дорна. В воздухе стоял тяжелый запах старого машинного масла и курящихся благовоний, под потолком металось эхо молитв.

--- Такое же, как обычно?

--- Нет. Более интенсивное, лорд

Сарнегон, более реальное.

--- Как будто ты стал ближе?

--- Да. Да, именно так. Мы близко. Я чувствую это. --- Узер держал «Боевые Катехизисы» во все еще трясущихся руках. Теперь он всегда носил шедевр Дениатоса с собой. В высоком нефе, выбранном погребовый храм Дорна, голос священника казался тоненьким и слабым. Хотя Узер стал выглядеть чище и здоровее, было видно, что он всего лишь старый больной человек.

--- Тебе страшно?

Старые слезящиеся глаза Узера оторвались от переплета книги.

--- Лорд Сарнегон, это не имеет значения. Я сделаю то, что должен. И все это.

Когда-то в нефе держали торпеды, готовые к загрузке в оружейные каналы боевого корабля. Они уже давно куда-то исчезли, оставив после себя огромную пирамидальную впадину, чья вершина скрывалась в тенях. Сюда с кораблей флота перенесли статуи героев Оргена, теперь они стояли по краям зала, яркие и

огромные. В центре возвышалась мощная статуя примарха Розала Дорна. Острие силового меча направлено вверх, боевого лезвия -- вниз, символизируя мощь искусной силы Успивающих Души. Его благородное лицо с высокими скулами было обращено вверх, в сторону от тварей, копошащихся под его ногами и олицетворяющих создание Хаоса. За каменной статуей стояла кафедра из черного Дерева, где читали проповеди капелланы, с которой Узер говорил о новой истинной вере Успивающих Души. Сами капелланы получали наставления от священника, дабы словами истины вдохновлять людей на подвиги.

-- А витраж перестроят, как вы думаете? -- неожиданно спросил Узер.

Сарнедон вспомнил бурю разбитого стекла. Потом осколки аккуратно собрали с пола Зала Послушников и перевезли на «Сломанный хребет» перед разрушением флота. Но магистр чувствовал, что будет как-то неуместно заново восстанавливать окно, словно вновь подчиняя Орген прихотям Империи.

Сеперь он остался позади, и каждый символ Успивающих Души нужно было изобрести заново, отражая обретенную свободу.

--- Ремесленники делают новый. Я за этим пригляжу, когда ты вернешься.

--- Вы окажетесь здесь, лорд Сарнедон, --- сказал Узер, махнув рукой в сторону суровых статуй, окружающих зал.

Магистр улыбнулся:

--- Надеюсь, они изобразят все шрамы. Не хотелось бы заполниться потопками красавчиком.

--- И ноги.

--- Разумеется.

Тишина в соборе утирала и успокаивала. Сарнедон просто не мог себе представить поток варна, кипящий вокруг «Сломанного хребта». Уже несколько недель корабль Успивающих Души пронизывал ирреальное пространство, но в этот раз под контролем людей. Десантники соединили массивные варна-двигатели с навигационными когитаторами «Махариин Виктрикс» и еще полудюжиной относительно

сохранившихся кораблей, внеся в них координаты неизвестной планеты из банков памяти «Беллерофонта». Через пару дней «Сломанный хребет» подойдет к цели на достаточное расстояние, чтобы начать предварительное сканирование.

— А вы, Сарнегон? — спросил Узер. — Что видели вы?

Магистр помедлил, вспоминая глубины видений, посетивших его в полудреме.

— Квиксиан Обскур. Снова. У... что-то еще. Когда я уже взобрался на крепостную стену, когда опять не мог понять, за что же сражаюсь, за моей спиной появилось нечто странное. Не где-то в отдалении, нет. Как будто мне открылся новый слой реальности, который я до того не видел. Что-то огромное и черное, похожее на темное облако. Я чувствовал его голод. Я слышал, как оно стесается надолгой. Когда я сразил пришельцев, когда умер Каллис, Кэон взглянул на меня, но его слова потонули в хохоте, гремящем вокруг, в каждой клеточке мира.

Узер улыбнулся:

--- У когда это произошло, вы увидели испорченный мир, похожий на человеческий глаз, пораженный катарактой.

--- Да, отец.

--- Это хорошо, лорд Сарнегон. Теперь вы знаете, к чему стремитесь. Как мало в мире счастливых, которые знают, для чего существуют. На свете живут миллиарды людей, потерянных, сошедших с пути, не видящих истины, не понимающих, как они могут послужить Императору лучше всего. Но вы -- другой. Той лорд. Вы видели. Знаете, куда идти, узрели величие зла, которое надо уничтожить. Разве это не благословение, Сарнегон?

Магистр посмотрел на возвышающуюся статую Розала Дорна. Скоро, когда батальоны сервов закончат работу над камнем, а ремесленники завершат резьбу, за ней появится новый памятник. Император, Архитектор Судеб, такой, каким Он представал в писаниях Империи Узера, такой, каким Он вырисовывался в мифических видениях.

авлявшихся десантникам. Лицо скрыто маской, плечи широкие, огромные золотые крылья распростерты за спиной. Это будет первое истинное изображение Императора, которого теперь чтили Успивающие Души.

Он будет смотреть на них пытливymi глазами, обвиняя за неудачи и гордясь успехами. Они никогда не забудут, что за ними наблюдает Император.

— Да, Узер, — ответил Сарнегон. — Благодать снизошла на меня. Такой шанс редко выпадает человеку. Но Император поставил перед нами непростую задачу. Я возьму с собой лучших бойцов, и, даже если мы победим, тебе придется проповедовать перед Оргеном, самые бесстрашные воины которого погибли в борьбе со злом.

— Я посвятил свою жизнь служению Архитектору Судеб, Сарнегон. Я не владею оружием, но знаю, мне тоже придется сыграть свою роль.

Магистр встал, изогнув ноги. Они уже практически вылечились, опухоль вокруг суставов почти прошла. Он чувствовал, что может пронзить когтем

скалү.

--- Естественно, Узер. Но я был бы плохим командиром, если бы не верил своим подчиненным.

--- Не беспокойтесь обо мне, командор. Орген стал моей наствой, я отдам за него сердце и душу, если понадобится.

Сарнедонү неожиданно пришла в голову мысль, что статуя Дорна --- это фантазия скульптора. Примарх --- легенда, его деяния --- полумиф, никто не знал, как он выглядел на самом деле. Но символа всегда достаточно. Дорн среди них, наблюдает за ними, судит их, и, когда наступит финал, он будет знать --- лучшие люди на его стороне.

--- Командор, и...

--- Что, Узер?

--- Убейте нескольких за меня.

На Коген Тертиүсе лил дождь, мир Agentүс Механикүс, как обычно, перешел на режим полной изоляции. Трехслойные артапластиковые ставни закрыли окна простотра и дверные проемы, а сенсориүмы затянуло гладкими белыми оболочками, защищающими от бүйства стихий.

Кислотный серный дождь и ядерные грозы, окутавшие все вокруг, могли за секунду убить даже тех-ножреца, в котором уже не осталось ни капли живой плоти, поэтому каждый прибор на планете приходилось герметично запечатывать. Кислота проникала в любую щель, разъедала провода, в результате любая металлическая поверхность становилась источником смертельной опасности для лабораторий и заводов. Когда на поверхности Коген Тертиуса зрелищные бури, все производство останавливалось, а прислужники техножрецов отправлялись в пещеры, спрятавшиеся глубоко в скалах, размышлять над совершенством шедевра Отниси.

Официально день самоанализа объявили еще с утра, но во многих уголках тира-кузницы продолжалась работа. Богрствовали те, для кого желание разоблачить самые священные тайны Вселенной перевешивало все. Пятеро из них собрались в лаборатории инженерного анализа Саси Коралом.

На скамью, усыпанную частями

сервитора, взобрался Коло Вайен --- бледный подросток, кожа которого постоянно блестела от пленки липкого пота. Его нашли за пределами храм-лаборатории в отдаленном городе-улье. Поразительная способность вбирать и обрабатывать огромное количество информации позволила ему попасть на Коген Тертиус.

Рядом с Вайеном сидел Таллин, один из техногвардейцев-скитариев, которого отправили помощником инженера на радиаторные фабрики мира-кузницы, а он упорным трудом уже почти добился посвящения в техножрецы. Его кожа была сморщена, покрыта шрамами, ловкие руки, больше похожие на скрюченные лапы, сжимались от нетерпения.

--- Ты видела его, Сасия? Ну, давай же, девочка, не тяни!

--- Не все так просто, Таллин. Активация Копья может иметь непредсказуемые последствия. Мы не думали, что артефакт является источником такой колоссальной энергии.

--- Есть способы изоляции, --- раздался

сухой мертвенный голос.

Это были первые слова, которые Эль'Хирн сказал за много месяцев. Он присоединился к группе уже в середине исследований, без предупреждения, никто ничего о нем не знал, и, хотя старик ввнушал остальным механикусам серьезные подозрения, они повисли в воздухе невысказанными вопросами.

— Ваша лаборатория оснащена электромагнитным карантинным полем, техножрица Коралот. Отсюда никакая энергия вырваться не может. — Старик повел рукой, обмотанной рваными полосами пестрой ткани, которая покрывала его с ног до головы.

— Вы очень наблюдательны, — заметила Коралот, как всегда подумав, что Эль'Хирн может оказаться кем угодно, даже шпионом магистров Коген Тертиуса. — Но я начинаю осознавать величие вещи, с которой мы имеем дело. Я приняла все меры предосторожности, какие только можно, но их явно будет недостаточно, если что-то пойдет не так или если этот артефакт окажется чем-

то иным, не тем, чего ты ожидаешь.

— О какой вообще энергии мы говорим? — спросил Гелентиан, уродливый ученый с чрезвычайно дряблой кожей, стоявший у стены лаборатории на имплантированных протезах, заменивших ему отсохшие ноги. — Эта вещь — бомба? Мина? Она может повредить нам или навеки закрыть вход в высшие ранги жречества? У нас слишком мало результатов, Коралот, а миновал уже год. Время утекает. — Он прошел курсы специальных операций, в результате чего стал идеальным сосудом для обработки и хранения информации. Если Ваиен был еще слишком молод и неотесан, то калекан — опытен и дисциплинирован. Коралот использовала его как архивиста группы, все их открытия хранились в его памяти. Информация была слишком изменчива, чтобы доверять ее банкам памяти.

— Гелентиан, — спросила Сасия, — ты когда-нибудь видел взрыв вихревой гранаты?

Группа замерла на секунду. Вихревые виды вооружения сняли с производства

тысячу лет назад. Существовали теории, согласно которым их запретили еще до Темных Веков Технологии.

--- Не вудел, --- ответил Таллин. --- Зато я вудел, когда ты поддерживали гвардию на Укаре Четыре. Там с титана Императора запустили всего лишь одну вихревую ракету. Больше не понадобилось. Подбили одного из этих огромных биотитанов тиранидов. Массивный черный взрыв, и ничего. Ничего на месте его головы.

--- Чтобы убить одного биотитана тиранидов класса «Вермис», нужно селнадцать тысяч зарядов стандартной батареи титана, --- отозвался Вайен, в его голосе почти проснулся ужас. --- Двенадцать ракет адского удара. И один вихревой выстрел. Это то, что у нас на руках, жрица Коралом?

Она покачала головой:

--- Вихревая граната или ракета создают одномоментный эффект провала реальности, зону нулевого пространства. Все внутри этой зоны разрывается и аннигилируется. Собственно, больше нам

ничего не известно об этой технологии. С другой стороны, любая столь же неконтролируемая и недолговечная энергия, какой является взрыв, практически бесполезна.

— А, Коралот, мы начинаем понимать! — прошипел Эль Хирн. — Дело не в энергии. Дело в контроле.

Коралот вышла в центр лаборатории, где стояла обвитая медными полосами криокамера. Она положила палец на устройство для чтения дактилоскопических отпечатков, и крышка плавно открылась, выдохнув туман замороженного воздуха. Копье Души излучало легкий радиоактивный фон, поэтому приходилось принимать меры предосторожности, чтобы к их лаборатории не проявили излишнего внимания. Сасия надела термоперчатку, доходящую до локтя, и вытащила артефакт из контейнера. Группа изучала его уже целый год, видела не раз, но снова и снова их охватывал глубокий трепет при виде совершенства таинственного устройства.

Оно оказалось крайне эластичным, состояло из сплавов и высокоплотного керамического пластика, отличительных особенностей которого они не смогли найти ни в одной базе данных. Группа попыталась снять несколько внешних секций Копья и напрямую подключить информационные зонды, теперь свисавшие с цилиндрического посоха, словно бескровные вены. Крохотные отверстия на рукоятке загорелись красным цветом, как только они начали работу, и до сих пор подмигивали, как будто протестуя против вмешательства.

--- Мы думали, что это генодешифраторы, --- сказала Коралот, указывая на горящие отверстия. --- Но полагаю, это все же нечто другое. Скорее всего они извлекают не только генетическую информацию, но и химический баланс, кислотность, даже температуру.

--- А ты пыталась их обойти? --- спросил Таллин. --- Обычно генодешифраторы замыкают от малейшей перегрузки. У нашего магистра был такой

замок на шкафчике с винтами, но он нас
никогда не останавливал.

--- Пыталась, --- ответила Коралот. ---
Почти сработало. Но этой вещи не
нравится, когда в нее пытаются
проникнуть насильно. Структура схем
меняется даже от простого взгляда. Конье
перекрывало любые мои попытки
пробиться к системам контроля. У меня
нет мощности когитатора, чтобы
опередить такую защиту. Я
активировала артефакт на несколько
десятых секунды, но это слишком мало,
чтобы полностью снять данные.

--- Ты говоришь так, будто эта штука
живая, --- заметил Гелентиан. Он явно был
недоволен.

--- Так и есть, ученый. Если у машины
есть душа, а Омниссия учит нас именно
этому, то у Конья Души она сильная и
очень умная. --- Коралот повернулась к
Вайену, который нервно ходил по комнате,
как всегда в присутствии таинственного
механизма. --- Вайен, мы не сможем
взломать этот артефакт грубой силой.
Нам надо его перехитрить. Поэтому я

привела тебя. Ты знаешь, что надо
сделать?

Вайен молча закатал рукав простой
туники и убрал искусственную левую руку.
Под ней находился настоящий имплантат.
В локоть мальчика было вживлено
простое, но изящное нейробионическое
приспособление, состоящее из двух глиняных
тонких тупых отростков. Сервомоторы
слегка забормотали, когда оборудование
согрознулось и стало быстро нагреваться.

Коралот взяла большую клавиатуру с
одной из скамей и соединила ее инфопорты
с зондами, свисавшими с Конья Души. По
голоэкрану, висевшему за клавиатурой,
тут же побежали яркие зеленые строчки
текста и чисел. Глаза Вайена пристально
следили за ними, зрачки затуманились,
когда сырая информация, генерируемая
артефактом, полилась в его
удивительный мозг.

--- Готов? --- спросила Сасия. Мальчик
почти равнодушно кивнул, потоки цифр
отражались в его сверкающих глазах. ---
Очень хорошо.

Коралот сложным движением

свободной руки, в пальцы которой были вживлены контрольные штифты, активировала сдерживающее поле. Раздался глубокий гул, когда ожили кольца, встроенные в лабораторные стены, излучая паутину электромагнитных линий для сдерживания энергии Копья Души. Правда, все присутствующие знали, если что-то пойдет не так, их явно не хватит.

Манипуляторы толщиной с иголку выскользнули из кончиков пальцев Сасии, она начала работать с первым дешифратором, обходя защиту артефакта, чтобы сигнал активации пошел дальше, в лабиринт схем.

Как только Копье отразило попытку взлома, его поверхность стала изгибаться и меняться. Искусственная рука Вайена с огромной скоростью напечатала что-то на клавиатуре, развязав информационную войну с объектом изучения, — безмерно древняя археотехника против гениального человеческого мозга.

Первый дешифратор сдался, потом второй, Копье Души не успевало

парировать удары. Оно собралось с силами, и схватка продолжилась со скоростью мысли, активационные команды Коралом прорвали третий барьер. Над сияющими наконечниками Конья затанцевали серебряные искры, а воздух стал густым.

Эль'Хирн медленно отходил назад, Телентиан заносил данные на информационную панель, висящую у него на шее, а Таллин стоял, сложив руки на груди, словно вызывая Конье на бой.

Четвертый барьер защиты оказался прочнее, а энергия, мечущаяся по интерфейсу между Вайеном и артефактом, вырубилла местные системы подачи электричества. Свет в лаборатории потускнел, заботливые серво-руки безжизненно повисли на стенах.

Рухнула пятая защита, и первый раз за тысячу лет Конье Души активировалось.

По всему Корден Тертиусу завыли сирены тревоги — Станции наблюдения купались в пульсирующем янтарном свете, а обслуживающий персонал был тут же переведен в состояние повышенной

готовности. Каждый искусственный мир постоянно находился под угрозой тотальной индустриальной катастрофы из-за величия сил, задействованных в производстве, и количества энергии, потребляемой планетой. Бдительность только усиливалась во время регулярных смертельных штормов.

Поначалу магистры предположили, что защита каким-то образом дала сбой и кислотный дождь развел важные компоненты электрической сети или молния ударила где-то в стороне от башен заземления, попав в важную контрольную систему. Первые успешные диагностические ритуалы показали огромный выброс энергии на экваторе, в зоне исследовательской и теоретической инженерии, находящейся под управлением архимагоса Хоботова.

Привели в действие ближайший гарнизон техногвардейцев, торопливо собрали спасательно-карательную экспедицию. В истории Коген Тertiуса не раз случались индустриальные катастрофы и редкие потери живого

состава рабочих и даже техножрецов, причём довольно часто они происходили не из-за случайности, а из-за халатности или откровенного саботажа. Сектор окружили, техногвардейцы заняли оборонительную позицию вокруг источника возмущений, не позволяя выйти из зоны аномалии никому, пока не будут получены хоть какие-то ответы.

Они спешили по улицам-туннелям, по гигантским подвешенным мостам, протянутым над безднами генераторов, пока четвереста человек не окружили лабораторию техножрицы Сасии Коралот.

Когда Сасия пришла в сознание, то тут же увидела лабораторный стол, разрезанный надвое, его края расплавились, стекая обжигающими каплями. Оборудование, находящееся в комнате, явно не выдержало перегрузки, и все вокруг заволело едким черным дымом.

Одну стену полностью забрызгал черный охладитель, фонтаном бьющий из рассеченной гидравлической линии. Он смешивался с кровью, сочащейся из тел членов ее группы, разбросанных по

комнате.

--- Таллин? Кто-нибудь?

Коралот потеряла сознание максимум на пару секунд, но за это время лаборатория успела превратиться в руины. Сасия попыталась встать на ноги, но боль оказалась слишком сильной. Кости одной руки превратились в труху от ужасающих вибраций, когда Конье Души пыталось вырваться из объятий защитного поля. Техножрица закашлялась и попыталась осмотреться в чаду горящего пластика.

Гелентиан, похоже, умер мгновенно. В его груди зияла чистая круглая дыра. Вайен продержался подольше, руку и плечо парня срезало начисто, когда Конье пришлось гико раскачиваться в руках Коралот после сбоя электромагнитного поля. По всей лаборатории были разбросаны обрубки столов, оборудования, куски стен.

--- Эй, девочка! --- окрикнул ее Таллин. Оставшись в душе солдатом, он сразу же рухнул на пол, как только артефакт заработал, и тем самым спас себе жизнь. --- Кажется, наш эксперимент оказался даже слишком удачным?

--- Омниссия нас спаси... --- прохрипела Коралот, с содроганием глядя на односторонний труп Вайена. --- Ты видел это?

Оно было... великолепным. Два одинаковых лезвия чистой тьмы, два разрыва реальности выросли с обоих концов Копья. Как и подозревала Сасия, артефакт генерировал вихревое поле, как вихревая граната или ракета, но он мог поддерживать его целостность, вместо того чтобы испепелять все вокруг в едином взрыве. Если только им удастся понять внутреннее устройство Копья... Только подумать о тех чудесных открытиях, которые их ждут...

--- Возможно, со временем, --- раздался злобещий шипящий голос. --- Но сейчас, техножрица Коралот, у нас не столько возвышенные цели. Нам нужно бежать.

Эль'Хирн поймал ее за неповрежденную руку и потянул на пол с удивительной для старика силой.

--- Техногвардейцы уже идут сюда. Если они выяснят, что вы работали не одна, то Хоботову станут известны наши истинные намерения. Вы понимаете,

этого не должно случиться.

Таллин поднялся на ноги.

— Куда нам идти? Они нас уже окружили.

— Есть места, — заверил его Эль'Хирн. — Я уже некоторое время живу на этой планете и знаю множество темных закоулков, где может спрятаться беглец.

— Не просто спрятаться, — встряла Коралот, ее лицо побледнело и блеснуло от пота из-за ужасной боли. — Нам нужно закончить исследование. Мы знаем, что может делать Копье. Мы все эти годы искали это, именно поэтому я собрала здесь вас, Вайена и Гелентиана. Мы услышали подлинное слово Отниссии и должны предложить жертву в обмен.

Эль'Хирн направился к выходу из лаборатории.

— Да, должны. Отниссия тоже явился мне под маской Инженера Времени и рассказал все те вещи, в которые вы верите. И я знаю, он потребует доказательств преданности, прежде чем допустить нас к истине. Мы предложим

елу Конье Души, но сначала нам надо
выжить.

Эль'Хирн взял артефакт и повел
уцелевших из лаборатории. В коридоре
стоял глупый монотонный сапог
приближающихся техновардейцев.
Старик откинул панель на стене, обнажив
шелестую пустоту шахты охлаждения,
и молча скрылся во тьме. Таллин
последовал за ним. Коралот, едва не падая
в обморок от боли, но полная решимости
продержаться до конца, замыкала
шествие.

Если они смогут найти подходящее
убежище, если смогут выжить, то сумеют
завершить задачу, которую доверил Сасии
Коралот Инженер Времени, явившийся ей в
снах и рассказавший истину. Он объяснил
ей, насколько бездумными и закоснелыми
стали Агентус Механикус, не видя целой
вселенной сложнейшей технологии,
которая только и ждет под покровом
реальности, утоляя какой-нибудь
открытый разум найти ее. Когда Сасии
дали Конье Души, ее решимость только
укрепилась, она поняла, что ей надо

сделать.

Она предложит Конье Души Инженеру
Времени и увидит истину сама.

Поначалу сенсоры принялись выдавать
странную, противоречивую информацию.
Неизвестная планета обращалась по
дальней орбите вокруг почти мертвой
звезды и тем не менее была теплой и
жила жизнью, ярко сиявшей на
биосканерах даже на максимальном
расстоянии. Атмосфера оказалась
теоретически пригодной для человека, но
практически — по всем параметрам
токсичной. То, что в воздухе
присутствовал кислород, само по себе было
аномалией, так как поверхность планеты
оказалась сплошным океаном, где изредка
попадались разрозненные архипелаги и
цепочки островов. Там не росли растения,
у этого мира отсутствовали легкие. Чем
ближе подходил «Сломанный хребет», тем
яснее становилось, что на планете есть
процветающая цивилизация, только вот
толщища живых организмов к ней не
принадлежат. На датчиках периодически
появлялись незначительные всплески

искусственной энергии, отсутствовали
какие-либо коммуникационные связи, а где
или три орбитальные установки,
вращавшиеся вокруг странного мира,
выглядели холодными, древними и
заброшенными.

«Сломанный хребет» уже приблизился
на максимальное расстояние и теперь
ежесекундно подвергался риску
обнаружения. Испивающие Души
обратились к магистру за решением.

— На планете нет достаточного
количества суши для посадки, я уже не
говорю о мерах безопасности
при приземлении.

— Варук,
технодесантник, который наблюдал за
сканерами множества сенсорных угл,
исследовавших корпус «Сломанного хребта»,
указал на несколько островков,
светившихся на гигантской голопроекции
неизвестной планеты. Сигналы сенсоров
смогли проникнуть сквозь необычайно
толстый облачный слой и создать
картину поверхности, лишенную бледного
савана. — Вот это самые большие острова,
но они вулканического происхождения.

причем активные, так что просто взорвутся под весом корабля.

Самые способные командиры собрались в зале для аудиенций на борту яхты, которая превратилась в покои Сарнегона и командный центр. Большинство из них, например нахмурившийся Грэвус или бездесущий Гивриллан, были с новым магистром еще со звездного форта. Они делом заслужили его доверие, он знал их сильные стороны. Присутствовали и несколько других, из тех, кто признал верховенство Сарнегона после победы над Горголеоном. С ними бывший библиарий сражался бок о бок еще до инцидента с Коньей Души.

Сарнегон восседал на троне, некогда принадлежавшем аристократу, хозяину этих покоев.

--- Приземление на «Сломанном хребте», собственно, и не рассматривалось, --- заметил он. --- Как насчет «Гротовых ястребов»? Или посадочных челноков?

--- Их нельзя будет использовать для прямого удара по врагу, командор, ---

ответил Варук. От изображения планеты оторвался крупный кусок, показав собравшимся архипелаг, цепь вулканических островов, разбросанных по океану. Изображение периодически затуманивалось из-за облаков интерференции. -- Либрариум считает, что вот здесь находится источник психических эманации, -- пояснил техник. -- Если мы натеревается сразить врага, захватившего планету, то нам надо добраться до этого сектора.

Сарнедон понял это еще до того, как Варук показал на острова. Да, именно там горел черный огонь.

-- Но, к сожалению, атмосфера в этом месте наиболее нестабильна, -- продолжал десантник. -- Видите, сигналы сканеров едва проходят сквозь нее. Там постоянные штормы, слишком густой облачный покров, он почти непроницаем для сигналов из тропосферы. Похоже, какой-то полужидкий слой. «Грозовые ястребы» будут летать практически под водой.

-- Тогда придется приземлиться где-

что-нибудь в другом месте, — резюмировал Сарнедон. — Есть идеи?

Неожиданно поднялся сержант Люко, широко улыбаясь:

— Командор, мне кажется, у меня есть ответ на ваш вопрос. Атмосфера становится более терпимой чуть дальше, особенно вот тут. — Изображение переключилось на бледные островки. — Вам уже докладывали, что на планете когда-то существовала цивилизация, возможно даже человеческая. Эти острова, похоже, были одним из ее центров.

— Если тут жили люди, осталось ли от них что-нибудь? А если осталось, насколько они сейчас похожи? — трачно осведомился Грэвус.

Сарнедон заметил, как он сжимает и разжимает свои неестественно глиняные сильные пальцы.

— Об этом я как-то не особо задумывался, сержант, — невозмутимо ответил Люко. — Меня заинтересовало, что местные жители оставили после себя.

Сигнал сканеров в этом месте был более четким, поэтому изображение

смогли увеличить. Появились контуры, грубые узлы базальта, холодные рабые потоки лавы. Люко выбрал участок береговой линии второго по величине острова и резко усилил изображение. Перед десантниками предстала большая естественная гавань.

--- Командор, у нас нет логической структуры этой планеты. «Грозовые ястребы» не смогут просто остановиться в воздухе над океаном, если у них кончится горючее. Но те, кто жил в этом мире до того, как он погнал под влияние темных сил, имели свои собственные средства сообщения. Вот.

Теперь они увидели их. Три корабля, большие и мрачные, необычайно уродливые, построенные скорее с расчетом на стабильность и прочность, чем на скорость. Они вполне годились для перевозки грузов или войск.

--- Похоже, на островах находились какие-то важные поселения, -- продолжал Люко, -- но все постройки сейчас явно находятся в руках не тех, кто их построил. Мы точно ничего не узнаем.

пока не поглотил поближе, но корабли
выглядят относительно целыми.

--- Значит, поплывем, --- улыбнулся
Сарнедон. --- Хорошая работа, Люко. Поверь
мне, это одна из самых нестандартных
тактических операций, о которых мне
доводилось слышать.

--- Значит, мы высадимся на планету,
полностью захваченную врагом, --- погал
голос Дрео с другой стороны зала. ---
Вокруг океан, никакой поддержки... А что
потом?

Сарнедон испепелил его взглядом:

--- Это не имеет значения, сержант.
Если даже ни какого «потом» не будет, мы
должны добратсья туда всеми
возможными способами. Я отказался от
выбора, когда стал руководствоваться
волей Императора. --- Он повернулся к
Варукү. --- Можно оснастить морские
корабли двигателями с «Грозовых
ястребов» и получить преимущество в
скорости. Это осуществимо?

--- Мы можем взять с собой несколько
сервов для выполнения этой задачи, только
в такой атмосфере они долго не

протянут. Но сделать можно.

--- Хорошо. Барук, Люко, мне понадобится полная тактическая исповедь через восемь часов. Продумайте детали, а мы пойдем дальше. Мне нужны более полные данные по архипелагу и полный отчет по зоне высадки. Разойдитесь, братья.

Либрариум Оргена был таким же старым, как и сам Орген, во многих отношениях даже старше, так как происходил от конклава библиариев легиона Имперских Кулаков еще времен Рогала Дорна. Каждый послушник с теленатическими способностями проходил здесь суровую проверку. Те, кто выдерживал ее, в дальнейшем обучались не только на тренировочных базах костодесантников, но и тут. Новичков учили контролировать свои силы, овладение собственным разумом походило скорее на искусство, а не на дисциплину. Судьба провалившихся не имела значения, ибо срыв задания в Оргене всегда означал смерть. Это было крайне суровое испытание, о котором никогда не

говорили, но никто не забывал. Послушники становился на колени перед тремя библиариями и держал свои разум закрытым под жесточайшей теленатической атакой. Сарнедон сам прошел этот процесс, правда, в его случае результат получился несколько неожиданным. Вместо простой блокировки разума он установил связь, соткал сложную паутину образов и посеял страх среди самих библиариев. Каждый послушник, проходивший испытание, поступал по-своему. Кто-то отбрасывал своих учителей прочь, кто-то выстраивал непробиваемую стену защиты. Многие сжигали себя пирокинезом, болью блокируя прощупывание. Такие послушники потом просыпались в инкубаторе синтеплоти под аплогистентами библиариев, радующихся их успеху.

В мирное время библиарии становились независимыми советчиками магистра Ордена, и именно поэтому Сарнедон приказал им создать модель угрозы, ожидающей десантников на безымянной планете. После революции,

произошедшей в Оргене, в живых остались только семнадцать теленатов, исключая самого Сарнедона, и сейчас они целыми днями пребывали в медитации, зондируя психический поток, бурлящий под облаками, обремененными бурей.

Там царствовал кошмар. Библиари и Экар умер, его глаза вытекли трясутся, желе, а внутренние органы разорвались, когда он шестым чувством псайкера всмотрелся в кипящую массу безумия. Других преследовали отвратительные кошмары, страшные сны о пурпурно-черных штормах огня и каньонах, заваленных трупами. Прозондировав тьму, они смогли найти ее источник — большую гору в цепочке коралловых островов архипелага. Там, внизу, было что-то горящее злобой, качающееся на волнах жизни. Теленаты не смогли определить его форму или оценить степень силы. Сказали только, что оно достаточно сильно, чтобы подчинить планету своей воле, а его власть распространяется от самых верхних слоев атмосферы до глубин океанических впадин и каждое живое

существо в этом мире или лишилось
разума, или поработчено.

Уже почти перед высадкой Тирендиан
погрузил сознание в грохочущую, воющую
стену безумия глубже, чем остеливался
кто-либо, за исключением Экара, рискуя
разумом в надежде, что им удастся
выяснить хоть какую-нибудь мелочь о
противнике.

Он услышал их, рев миллионов
творей, собравшихся на черных коралловых
утесах. Они пели, пели имя существа
Be'Mem.

Где-то там за полускрытым
горизонтом притаился Be'Mem,
невероятно жестокий, безжалостный
демон, сеющий скверну. Командор Сарнедон
рассказал им о его страшной сущности и о
желании Архитектора предать это
создание мечу. Но все десантники и так
чувствовали пульсацию чистого зла,
биение невыносимого ужаса за обшивкой
«Грозовых ястребов», пристально
наблюдающего за ними. Уже несколько
месяцев он врывался в их сны.

Брат Заэн увидел безымянную

планету сквозь иллюминатор, когда корабль нырнул вниз, к темным волнам. Небо было пурпурно-серого цвета, похожее на старый синяк, — тяжелый, гнетущий покров дождевых облаков. Внизу кипело море, заостренные волны разбивались о разбросанные черные скалы, а боевой корабль летел, ревя, на полной скорости к острову, к своей цели.

За свою короткую карьеру Испивающего Души Заэн уже не участвовал в десанте. Но в этой операции все было по-другому. Обычно они всегда располагали хоть какой-нибудь информацией о своем враге, просто кто они — нечестивые орды орков, удерживающие нефтеперерабатывающие заводы на ледяных мысах Тирикса, раскольники, захватившие фабрики на Ахиллее ХТТ. Сейчас же они знали только имя и чувствовали ужас, который внушал им противник.

Воздух водоворотом кружился за кормой «Грозового ястреба». Заэн инстинктивно проверил датчики жизнеобеспечения, отражающиеся на

кристальном щитке шлема. Он мог дышать воздухом планеты, но легкие скоро наполнились бы слизью, а глаза начали вытекать уже через полтора часа --- поэтому правила всегда предписывали ношение доспехов и шлема.

Земля приблизилась, и неожиданно из расщелин острова возник вулканический пик, похожий на сломанный зуб. За камнями цеплялись полуразрушенные руины, сгнившие в едком воздухе. Когда-то эти здания излучали величие, но теперь от них остались только разлагающиеся скелеты цивилизации.

Последняя проверка печатей на топливном цилиндре огнемета. Последнее слово, сказанное шепотом всевидящему Императору и бдительному Дорну, чья кровь текла в жилах Успивающих Души.

Подразделение Люко шло первым. Заэн занимал позицию, где его огнемет мог подарить десантникам драгоценную секунду, если ил вдруг встретится неожиданная опасность. В прошлый раз, когда они высаживались у реки Собачья Голова, два ксеноса утерли в потоке

пламени огнетета, прежде чем
подразделение Люко успело развернуться.

Боялся ли он? Нет. Что обыкновенные
люди считали страхом, для
костогесантника становилось состоянием
повышенной восприимчивости, позволявшей
действовать стремительнее, думать
быстрее, ударять сильнее. Так писал
Денизатос, ибо костогесаннику страх
неведом.

Внизу протчались острые как
бритвы скалы, когда они свернули к берегу,
серо-черной полосе, пронизанной жилками
кварца. «Громовай ястреб» накренился на
богин бок и, сделав широкий поворот, пошел
на снижение, стремительно теряя
скорость, и перевалил через хребет.

Полоса приземления оказалась
широкой чашей разбитого камня недалеко
от гавани, но на значительном
расстоянии от ближайших руин.
Успивающим Души надо было зачистить
зону, прежде чем «Грозовые ястребы»
смогут приземлиться, поэтому корабли
зависли, а гесанникам пришлось
совершать высадку прямо с воздуха. Вой

двигателей стал тише, когда челноки достигли высоты четырех метров, уровня выброса. Заэн прыгнул.

Десантники еще были в воздухе, когда он приземлился так, как делал это много раз до того: прокатившись по земле, встал на одно колено, огнемет наготове, голова крутится в поисках движения. Секунду или две он держал площадку огин, пока девять воинов из подразделения Люко не опустились рядом. Сержант завис в воздухе, на его руках мелькнули отсветы когтей-толний, неприятно похожие на костяные крылья.

--- Подразделение Люко, высадка прошла успешно, контактов нет, --- услышал Заэн доклад сержанта командору.

Прозвучал сигнал подтверждения, и Люко поднял руку, приказывая идти за ним.

Опытный бурати остров казался мертвым. Заэн не видел никакого движения, за исключением десантников и летящих «Грозовых ястребов». Вокруг раздавался только шум океана, монотонный, да громко стучало его двойное

сердце.

Подразделение Люко перебежками направилось к гавани, осторожно ступая по острым камням. Бухта находилась в странной выемке, похожей на огромный укус, отхвативший полскалы, а океан вдали отражал мрачную серость неба. Вулканический пик маячил где-то на границе зрения, жалкие руины зигзагами пересекали темную скалу. Все вокруг было покрыто каплями воды, мерцавшими в слабом свете.

--- Движение! --- раздался в наушниках голос брата Грива. --- Северо-северо-восток!

Спустя секунду Заэн заметил нечто бледное, тонкое и стремительное посреди скал впереди него. Он знал, что подразделения Грэвуса и Дрео высадятся на некотором расстоянии от них, создавая единую линию защиты. Отряд Люко оказался в центре. Двадцать секунд без прикрытия, пока не придет подкрепление.

--- Парни, первая кровь! --- заорал Люко.

Грив выстрелил на движение, но промахнулся. Гранули очереди из трех

болтеров. Нечто тонкое, похожее на человека, согнулось от боли, а следующим выстрелом ему оторвало руку.

Подразделение Люко падает в метониси Оргена. Они первые пролили кровь на безымянной планете. Заэн знал, что командир сейчас гордится собой и своими подчиненными, и тоже радовался. У него просто руки чесались испробовать на комнибудь свое оружие.

— Командор, это отряд Люко. Контакт, повторяю, контакт.

Заэн оглянулся и увидел, как сам лорд Сарнедон высаживается вместе с Гивриллианом во главе командного подразделения. Он был просто великолепен: сильные когтистые ноги быстро переступают по камням, болтер изрыгает пули в сторону фигур, несущихся к десантникам.

Наконец-то они как следует разглядели противника. Гуманоиды, чем-то похожие на людей, если не обращать внимания на шаркающую, дерганую походку и язык, вываленный изо рта во всю глину. Люко скользнул под прикрытие скального

выступна и выстрелил из пистолета, встроеного в правую перчатку с когтями-толнциями. Отряд последовал за ним.

--- Стреляйте точнее, парни, берегите патроны, они нам еще понадобятся! --- крикнул он. --- Огонь!

Врагов стало больше, уже дюжина добежала до глубоких скальных борозд, где нашли укрытие десантники. Глаза абориженов напминали широкие слезящиеся тарелки, а по коже струились кровь и гной.

Вот что случилось с людьми, когда то называвшими эту планету гомом. Возможно, они были гордыми, благородными, пока не пришел Ве'Мет. Теперь прошли поколения, и влияние гетона лишило их разума, превратив в дегенератов с отвисшей челюстью, в каннибалов, сжимающих в руках глубины из человеческих костей и заостренные куски крелния.

Болтеры выстрелили, и дюжина нападвших повалилась на землю, их таякая, легкая от постоянного голода плоть разлетелась. Заэн услышал крики

боли и гнева, доносящиеся сквозь грохот
орудий. Прикрываясь трупами собратьев,
еще больше нежити полилось из трещин в
земле: двадцать, пятьдесят, сотня.

--- Держитесь, братья, ближе ко мне! ---
крикнул Люко, перекрывая бормотание
гуманоидов и рывканье болтеров.

Твари уже находились на расстоянии
полдюжины шагов, карабкаясь по
тертвым, вереща от гнева. Их зубы
скрежетали, а глаза влажно сверкали
яростью, которую вызвали пришельцы,
вторгшиеся на их планету.

Люко перепрыгнул через гребень
скалы, и три врага пали тертвыми еще до
того, как он приземлился, рассеченные на
толстые кровавые ленты ударом
толпиевых ногтей. Еще один взмах
разорвал подбежавшего гуманоида на куски
импульсом силового поля. Вой стал
криком, а создания --- стеной землистой
плоти, набегающей на Люко приливом
изломанных тел.

Но затем рядом с ним оказался брат
Заэн, и сержант, весь в потеках
водянистой крови, позволил ему сделать

свою работу.

Огнеметчику понадобилась доля секунды, чтобы оценить расстояние и плотность лишний. Близко, скученно. Идеально. Огонек на сопле огнемета голодно терзал, а Заэн беззвучно вознес молитву бдительному примарху и мягко нагавил на спусковой крючок рукой в защитной перчатке.

Бело-голубой конус пламени прошил ближайšie тела столь же уверенно, как пуля, превратив пять или шесть несчастных недолгоей в пенел, заметавшиеся конечности ярко блистали в море пламени. Те, кто стоял в отдалении, пострадали еще больше. Их обьял покров разъедающей кожy горящей нефтехитии, превращая жителей планеты в кричащие, пылающие скелеты, дергающиеся в ужасающих конвульсиях, прежде чем умереть.

Те, кто выжил, получили страшные ожоги и в панике побежали, воя от боли. Подразделение Люко полностью разбило неприятеля. Сержант преследовал отступающих врагов, вонзая в них

сияющие когти-толнии. Заэн отыл землю
огнем, превращая нескольких выживших в
горящий пепел, растворяя плоть павших.

--- Отряд, ко мне, перегруппировка! ---
последовал приказ Люко, и солдаты
побежали к сержанту по линкам, еще
тлеющим останкам каннибалов.

Силовое поле вокруг его когтей
терцало, сжигая повисшие на лезвиях куски
костей и мускулов. Заэн шел впереди,
готовый ответить на любую хитрость
врага взрывом огня.

Он услышал треск болтеров, когда
убегающие твари попали в огневую зону
другого подразделения. Блеснула вспышка --
толния псайкера окутала убегающие
тела, разорвав их на куски. Это библиарий
Тирендиан присоединил свою ментальную
силу к огню боевых братьев. Заэн знал,
слуги демона не вернутся после того, как
столь много их собратьев полегло под
белым зноем его огнемета, под быстрыми,
неутолимыми когтями Люко и
массированным огнем остальных
Успивающих Души.

Они испили первой крови. Хорошее

предзнаменование, одно из лучших, оно говорило, что Испивающие Души встретят противника лицом к лицу. Правда, эти каннибалы вообще не походили на серьезных врагов. Один взгляд на фиолетовое небо и смертоносный грязный океан обещал, что впереди их ждет одно из самых-страшных испытаний, которое может выпасть на долю человека.

Заэн мог не выжить. Но ему было все равно. Умереть, уничтожая такое зло, — это само по себе победа. Как бы ни повернулась судьба, его имя все равно останется в легендах, вместе с именами других братьев, тех, кто принимал участие в первой настоящей битве единственного свободного Органа Галактики.

Он проверил уровень нефтехими в огнемете. Почти норма, оружие только слегка прочистило горло. Скоро и там понадобится каждая капля горючего.

Сарнедон взобрался на вершину скалы, наблюдая, как патрульные отряды уничтожают сопротивляющихся тварей массированным огнем. Штурмовые

подразделения берегли боеприпасы и использовали холодное оружие. Теллос, легко заметный даже на большом расстоянии благодаря обнаженному бледному телу, использовал противников для оттачивания сложной техники боя с гвүтя мечами, которую нашел в древних записях архива Оргена.

Сарнегон был доволен. Конечно, это сложно назвать битвой, но десантники отвели на удар с такой точностью и дисциплинированностью, которые порадовали бы сердце любого магистрата Оргена. Подразделение Люко столкнулось с самым большим количеством врагов, а Грэвүс попал в окружение, но в каждом случае противник быстро получил суровый отпор.

Это произошло три дня назад, за это время Сарнегон приказал выставить патрули и не церемониться с островитянами. Он знал, что для поддержания в войсках постоянной боевой готовности надо перележать отдых с работой, нельзя позволить людям расслабиться, когда впереди их ждет

неизвестная, но явная опасность. Успивающие Души шли на войну с неведомым врагом, который скорее всего в прямом смысле слова будет контролировать поле боя, если верить словам библиариев. Разумеется, десантники уже сталкивались с подобной ситуацией, их специально обучали сражаться в подобных обстоятельствах, но неопределенность всегда умножает опасность стократно. Если Успивающие Души не справятся с этой ситуацией, то с ней не справится никто.

Он видел три корабля в гавани, озаряемые потоками искр. Сервы-рабочие устанавливали двигатели «Громоых ястребов» на их корпуса. Сюда были сделаны из поразительно легкого дерева, обитого стальными полосами, годы причинили им на удивление мало вреда. Паруса давно разложились под знойным ветром, поэтому Успивающие Души с легким сердцем срубили мачты, чтобы силуэты кораблей не сильно выступали над линией горизонта. Сюда по технике, когда-то на этой планете существовала

развитая цивилизация, пока Ве'Мет не принес сюда зло.

Техногесантник Варук руководил установкой двигателей. Под его бдительным присмотром силовые установки «Громовых ястребов» превратились в водные реактивные агрегаты, позволявшие кораблям развивать огромную скорость. Спускаемые аппараты, четыре из которых разобрали на детали, стояли на продуваемых ветрами скалах, прикованные к камням тяжелыми цепями.

Сарнедон привез с собой четыреста Успивающих Души, половину оставшихся воинов Оргена. Существовала вероятность, что ни один из них не вернется Домой, и все это прекрасно понимали. На глади океана они будут уязвимы, да они уязвимы даже сейчас, просто потому, что темная сила, которую Успивающие Души пришли уничтожить, уже знает об их присутствии. И если все пойдет нормально, и, по всей видимости, придется атаковать хорошо защищенную и укрепленную позицию, защищаемую

фанатиками и демонами. К тому же никто не знал, смогут ли десантники вернуться на «Сломанный хребет», даже если операция на земле завершится успехом.

Но это ничего не значило. Успивающие Души в долгу перед Императором. Архитектор Сүгеб показал им истину и теперь требовал доказательства того, что они достойны стать Его божественными воинами. Если им придется умереть, они умрут. Десантники боялись погибнуть, не сумеют выполнить цель своей жизни, не убивают прогье Хаоса. Но причина, по которой они прибыли на безымянную планету, превышала все, о чем только могут мечтать слабовольные имперские прислужники.

Над гаванью пронесся низкий хриплый рокот, когда сервы запустили двигатели. Уже через несколько часов Успивающие Души отправятся к логову Ве'Мета.

Сарнедон спустился по каменистому хребту, чтобы проследить за погрузкой десантников на корабли. Скоро они уйдут с

острова, оставив группу сервов-рабочих,
пристаивающих за «Грозовыми
ястребками», и двести трюнов недолгодей.

Глава десятая

Представьте себе человека. Теперь представьте его без кожи. Мускулы влажно поблескивают на открытом воздухе, собранные в пучки мясистой розовой ткани. Извиваются вены, корчатся, как змеи, артерии. Множество светящихся черно-голубых глаз усеивают верхнюю часть лица. Вместо рта вообразите яму, заполненную гюжиной жвал, раскрывающихся, словно лепестки хищного цветка.

Вбейте кусок изрытого оспинами металла с заостренным концом в костистую культю руки, чтобы человек обращался с ним как с мечом.

Наденьте на него доспехи, но не из железа, а из клубков мощных мышц, выросших на его собственные. Тело становится массивным и широкоплечим, из рубчатых сухожилий выступают шипы. Слепите этот органический панцирь с хрящевым воротником и костяными перчатками. Пусть человек оставляет

следы запекшейся крови там, где проходил, а из каждой его поры сочится чистая серая жидкость.

Гелентий Ворн знал, как он выглядит. Он наслаждался этим. Его кожистое сердце с семью клапанами почти всегда затирало при мысли о том, что даже самые могущественные вожди Мафусаила-41 грожали бы при его приближении.

Народы внешних холмов его родной планеты так и не покорились, хотя Имперская Гвардия беспрестанно сражалась с ними оружием, а Галактические Миссионеры — верой. Они жили, добывали оружие и средства пропитания, грабя имперские поселения и посты рядом с перерабатывающими фабриками, видели в этом доказательство своей мужественности. Наездники обрушивались как гром, разили как молния и никогда не щадили павших врагов.

Хорошая жизнь. Гелентий Ворн гордился своим народом. Он вырос на берегах азотной реки, его привязали к

сеглу лошади, когда мальчик еще не умел ходить. Он попробовал человеческую кровь, когда сосал молоко матери, а первую голову срубил, когда мог на пальцах подсчитать количество прожитых лет.

Стоя на берегу из обломанных черных кораллов, Ворн в очередной раз задал себе вопрос: любил бы он по-прежнему ту жизнь на Мафусаиле-41, если бы знал, что скрывается под слоем реальности желто-зеленого неба бескрайних долин? Нет. Совершенно точно — нет. Рядом с его шатром из шкуры зрокса красовались тысячи голов, нанизанных на колья, но они не смогли удовлетворить его страсть к унижению слабых, к власти, к раблению подданных. Когда Ве'Мет пришел в его мир, Гелентий познал так много, увидел столько чудес, что просто забыл о равнинах родной планеты.

Правда, вернуться домой он все равно не мог, даже если бы захотел. После своего визита на Мафусаил-41 Ве'Мет оставил от него одни руины, истекающие ядами, враждебные всему живому. Гелентий подумал, что тогда повелитель создал

прекрасный мир, правда, самому Ворну он не слишком понравился. Новая планета после захвата, по крайней мере, осталась относительно холодной. Единственный мир, на котором мог жить и Ве'Мет, и партия его последователей. Гелентий был одним из самых лучших учеников принца-демона, он вел чутные отряды в отдаленные районы космоса и безрассудно грабил храбрых костических торговцев. Когда-нибудь он тоже станет демоном, возьмет себе планету и построит свой собственный мир, убивая, пока вокруг него не утрут даже звезды.

От размышлений Ворна отвлек посланник, высохшее переплетение жил и хлопавшей кожи, кособоко подпрыгивающее по пляжу, направляясь к воину Хаоса. В отдалении Гелентий увидел рабов, возводящих острые баррикады из коралла и укрепления, а сгорбленные легионы Ве'Мета маршировали под мелодию диссонирующего визга, издаваемого штурмовыми зверями, следующими за ними по пятам. Демоны — желтоватая влажная кожа, уродливая варп-плоть, слабо

светящаяся в сумерках, — взбирались на волнистые пики кораллов и камня, оскверняя каждый сантиметр, к которому прикасались. Каждое живое создание в этом мире было деформировано, истощено болезнью, изорвано мутациями. Повсюду конечности обрывались костяными культями, кожа слетала пригоршнями, скелеты искривлены непомерным ростом, а рты искажены безумием.

А по ту сторону пляжа рокотал океан. Там, в глубине, изнывали от боли огромные сумасшедшие создания, только ждущие знака повелителя, чтобы подняться на поверхность. Стаи злобных тварей плавали вокруг них, откусывая кусочки их плоти, смеясь над их агонией. Планета кишела жизнью, и вся она стала оружием Ве'Мета.

Прекрасный мир, шедевр Хаоса.

— Гелентий Ворн, обрати на нас внимание, — прошипел посланник. — Наш повелитель будет говорить с тобой.

Хотя он уже давно состоял на службе, — годы? века? — Ворн редко удостоивался аудиенции самого принца-

демона. Лорд Ве'Мет избирал для встречи только тех, кто изутил его или, наоборот, крайне разочаровал. Первых ждала награда, вторых -- участь столь ужасная, что ее не могли вообразить даже самые верные его последователи.

-- Тебе вегом страх, Гелентий Ворн? -- нагменно спросил посланник.

-- Нет, тварь. Я ничего не боюсь. Я служу моему повелителю и еще никогда его не подводил.

Создание улыбнулось, хотя об этом было трудно судить с уверенностью из-за обвисшей кожи и гниющего лица, и с шумом удалилось, хлопая складками шкуры.

Демоны. Они презирали смертных. Неважно. Когда-нибудь Ворн сам станет частью Хаоса и будет играть с тлагишми демонами, как ему вздумается. Ве'Мет иногда причинял боль просто ради забавы, особенно рабам, признанным с разграбленных кораблей, и Гелентий сам будет делать так же, когда придет время.

Он направился к крепости лорда, выросшей на мертвом коралле, похожей на

массивный черный камень. Цитадель походила на пустылю, увенчанную кратером, со вздрагивающих боков которого, пузырясь, сочился водянистый гной. Ворн чувствовал, как осколки кораллов впиваются в обнаженные подошвы ног, и гордился тем, что может принимать боль как благо.

Он шел по угорьям, через ворота, похожие на огромную рану, во внутренние покои дворца Ве'Мета, где полы были устланы полуживыми телами изможденных, зараженных чумой рабов, а на стенах каплями пота выступала желчь. Вверх по мучительно изогнутым лестничным пролетам, в залы, где стояли воины, сверкающие пластинами металла, вбитыми в их покрытые гнойными нарывами тела, через просверленные коридоры, увешанные клювами и лезвиями, пронизывающими воображаемых врагов, дальше, по обзорной галерее, где виднелись грязные облака, чьи тени неслись по котнаме, тиня стонущие кучи пораженных болезнью рабов, разочаровавших своего повелителя, в зал

для аудиенций принца-демона Ве'Мета.

--- Ворн. Хорошо, --- раздался голос, женский, жесткий и четкий. Потом он сменился глубоким небрежным мужским баритоном: --- Этот мир уже не такой скучный, будет добрая охота.

Зал представлял собой огромный абсцесс под переполненной гноем вершиной крепости-опухоли. В нем стояло восемьсот человеческих тел, мужских и женских, всех размеров и форм, одетых в лохмотья, или пышные наряды, или в жесткие костические скафандры. Но все лица были отмечены печатью болезни, ясно видимой на одутловатой коже. Странные люди, все как один, развернулись в сторону Ворна.

--- Нечто чистое и неоскверненное пришло в наш мир, мой избранник, --- произнесло еще одно тело. Каждое предложение вырывалось из другого рта. --- Неосвященные! Незапятнанные! Четыре сотни, Ворн, и сейчас они бороздят волны твоего мира, надеясь найти меня и уничтожить.

Гелентий улыбнулся, если это было можно назвать Улыбкой.

--- Вас нельзя уничтожить, лорд
Be'Mem.

Все, обласканные благосклонностью
принца-демона, знали это. Принц получил
благословение от бога чумы --- форму,
наиболее благоприятную для тех, кто
читит мор и разложение. Он стал
разумным вирусом, колонией
трудолюбивых микробов, которые
проникали в избранных носителей и
разлагали их чувства, пока полностью не
подчиняли себе. Восемьсот тел Be'Mema,
соединенные вместе инфекционными
разумом-колонией принца, были
разрушительным центром безымянного
мира, началом крестового похода скверны,
которая однажды вырвется с этой
планеты, вонзившись прямо в мягкое брюхо
Вселенной.

Восемьсот ртов Be'Mema
ослабились:

--- Разрушение, Ворн? Какая
примитивная, грубая, хлопотная вещь! Мы
боялись разрушения? Принадлежит ли тебе
по праву рождения та плоть, что сейчас
висит на твоём скелете? Нет, я полагаю.

Себя разрушили, Ворн. Меня тоже, миллионы раз, пока я взбирался по лестнице благосклонности Папаша Нургла.

Нет, я думаю о том, что эти численькие десантники смогут сделать для грядущего! Потенциал, созданный мною, Ворн, — это пронизанное гноем разлагающееся будущее! А они хотят сделать нас ничем, лишит нас силы, соскоблить с нашего прекрасного мира грязь и сделать его еще одной ничего не значащей каплей ничтожности! Разрушение, Ворн? Это ничто. Мы выживем. Но вот ничтожность... Ее надо опасаться.

Шестнадцать сотен глаз засверкали от гнева. Ве'Мет никогда не признавался в слабостях, тем более в страхе. Но Гелентий Ворн, воин бога чумы, тоже боялся. Они с принцем-демоном прошли огромный путь, следуя за лордом Нурглом от звезды к звезде, возглавляя один из его боевых отрядов, в конце концов достигнув совершенства этого мира, слепленного волей Ве'Мета, великоления семени.

которое прорастет империей изобилия и разложения. Они были так близки к своей цели, но враг, фанатичный и смертоносный, мог разрушить все их планы.

— Чего вы хотите от меня, лорд Ве'Мем?

Принц помедлил, восемьсот голов, казалось, обдумывают вопрос.

— А, что делать? Ты не только солдат, Гелентий Ворн, я вырастил тебя, сделал своей правой рукой. Если враги сойдутся с пути, они умрут, мои океаны поглотят их. Но если они доберутся до этого места, то станут нападать на нас до последнего чистого духом бойца. Поэтому я даю тебе, Гелентий Ворн, задание отправить армию на берег и отразить нападение непорочных. В твоём распоряжении теперь самые оскверненные из поклоняющихся мне и создания моего гения. Ну и рабы, если ты, конечно, сможешь извлечь из них хоть какой-то толк.

Гелентий Ворн почувствовал, как личинки в его кишках закорчились от

гордости. Только подумать, сам принц-демон лично избрал его для выполнения такой задачи! Он командовал кораблями, под завязку забитыми демонами, отправляясь грабить глупых торговцев, подошедших достаточно близко к их миру, но всегда желал возглавить настоящую армию на поле боя, сразиться с достойным противником. Теперь его мечта исполнилась — на пороге крепости, пред ликом самого Ве'Мема!

— Лорд Ве'Мем, это самая досадная честь, которую...

— Не разочаруй меня, Гелентий Ворн, генерал Хаоса. — В этот раз голос принца-демона стал жестким и твердым. — Твое наказание не оставит мне ровным счетом никакого удовольствия. Только лишняя трата энергии. А теперь уходи. Приготовься к обороне.

Восемьсот спин разом повернулись к нему. Ве'Мем не любил подобные аудиенции, и потому они всегда были короткими. Ворн развернулся и покинул зал, неожиданно почувствовав на своей спине взгляд шестнадцати сотен глаз.

--- Ворн? Разве я не страден? Разве я не молниеносная боль Папаша Нургла, его радостной скверны? --- спросили восемьсот голосов.

--- Да, мой принц. Как всегда.

Когда-нибудь, гулал Ворн, ида по залам, на стенах которых застыли потеки сукровицы и гноя, он примерит мантию демона в ордах священного похода Ве'Мета, а эта планета расцветет раковой опухолью империи, разносящей гниение среди звезд.

Но для начала должны умереть чужаки. Мускулы сожмнулись вокруг рукояти изломанного меча, а черви обвили кости позвоночника в предвкушении. Когда-то он гордился тем, что командует дюжиной всадников, атакуя жалкие форты галактических миссий. Теперь под его хлыстом будут извиваться демонические отродья, а десять тысяч мерзких рабов будут разбивать головы о камни по его прихоти. Они убьют тех, кто хочет разрушить его мир своей чистотой.

Ворн неожиданно понял, что жаждет увидеть пришельцев на этом берегу.

услышать их жалобные крики, когда они
погонит их в море.

Туман перекашивался вокруг, словно
обладая разумом. Сарнедон взгромоздился
на бак, вонзив когти в твердое, как железо,
дерево, лезвие носа корабля рассекало
волны перед ним. Двигатели пульсировали
пог палубой, устремляя корабль вперед со
скоростью, которая устраивала даже
придирчивых техногесантников.

Чем дальше они продвигались, тем
грязнее делался воздух. Постепенно
дышать становилось все труднее.
Сарнедон был уверен: они приближаются к
источнику болезни планеты. Каждый
гесантник носил шлем, а у сервов-рабочих
уже появились язвы на теле, как ни
старались они прикрываться и не
выходить наверх. Небеса стали
непроницаемым потолком желто-серых
облаков, даже когда уходил туман, а на
волнах плесенью цвела пена. Рыбы с
гигантским количеством плавников и
огромными ртами пиявок прицепились к
борту, а титанические тени скользили в
глубине на расстоянии.

Безымянная планета боролась с ними. Каждый раз, когда вперёдсмотрящий видел сущу, ее завлакивал предательский туман, будто знал, что они здесь, и специально ослеплял Успивающих Души. Определить верный курс было практически невозможно, не в последнюю очередь из-за того, что, как и ожидалось, связь со «Сломанным хребтом» пропала. За навигацию отвечал Тиренгуан, идущий на втором корабле, сейчас еле видном в тумане. Он забил целую каюту распечатками данных орбитальных сканеров, усеянных сделанными от руки пометками. Костогесантники надеялись, что Сарнедон и Тиренгуан смогут проложить курс, используя свои телепатические способности, но угрожающая тьма пламени горела столь мощно, что библиарики боялись отравить свой разум.

Вторым кораблем командовал капитан Каррайдин — уважаемый военачальник, который полностью и безоговорочно перешел на сторону Сарнедона в самый разгар междоусобной

войны после смерти Горголеона. Рядом с ним находился капеллан Уктинос вместе с несколькими тактическими отрядами и парочкой сервов-рабочих. Корабль Каррайгуна окрестили «Ультимой», в память о сражении на планете Ультима Махариу.

На корабле Сарнегона, «Агском Лезвию», названном в честь перевала Агского Лезвия, где Орген долго держал оборону, разместился командный отряд под предводительством Гивриллиана и около сотни костодесантников. Третье судно, держащееся в кильватере первых двух, перешло под контроль сержанта Грэвуса. На его борту находились штурмовики во главе с Теллосом. Сарнегон долго не решался поставить бывшего сержанта на командование. Тот так сильно изменился, как телом, так и разумом, что любой другой человек посчитал бы его ненадежным. Но воодушевление Теллоса будто подстегивало других братьев, они чувствовали какую-то неправильность, если сержант не сражался рядом с ними, а два его руколезвия не взмetyвались над

головой врага. Все знали: когда корабль
Грэвуса достигнет берега, Теллос сойдет с
него первым.

Сержант хотел дать кораблю имя
«Квиксиан Обскура», но Сарнедон решил
иначе. Он нарек его «Лаконией», посчитав
добрым предзнаменованием назвать
корабль в честь первой подлинной победы
Успивающих Души.

Четыреста десантников, втиснутых
на три корабля. Три стрелы,
устреленные в сердце скверны?
Возможно. Три загона со скотом,
плывущим на бойню? Определенно. Они
никогда еще не были более беззащитными.
Не важно, что усиленная мускулатура и
измененные нервные окончания делали
десантников прекрасными пловцами. Для
любого десантника, упавшего в воду этой
планеты, счет шел на минуты, и это при
условии, если он успевал выбраться из
доспеха, который тяжелой глыбой тащил
его ко дну. Тонущий корабль всех утянет
за собой.

Какое-то огромное и неразумное
существо маячило прямо рядом с

«Ультимой». Его плоть была серой и резиновой на вид, Сарнедону даже показалось, что он видит огромные бледные глаза, уставившиеся на него сквозь опухоль волн. В тумане иногда мелькали какие-то создания, громко хлопаящие крыльями, и магистр подумал, насколько же изменилась жизнь на этой планете, чтобы дышать в таком воздухе. Внутренний респираторный имплантат у всех десантников уже покрылся налетом. Когда они вернутся на «Сломанный хребет», аптекариям придется изрядно повозиться, меняя презабочные фильтры.

Если они вообще вернутся.

Но это не имело значения, если им удастся вырезать раковую опухоль Ве'Мета или покрыть себя славой, пытаясь сделать это.

Загрохотал болтер. Одно из летающих созданий согрознулось и упало в море, крики агонии поглотили громыхание волн и треск корабельного дерева. Сарнедон оглянүлся и үвидел, что сержант Дрео стоит с оружіем на изготовку, а вокруг него собрались десантники.

настороженно осматривающие небо в поисках целей. В Оргене любили эту изрубленную Любой воин, сбивавший тишень до сержанта, освобождался на целый день от обязанностей по кораблю, проводя его в размышлениях или копаясь в архиве. С тех пор как сержантом стал Дрео, это случилось лишь дважды, и то двадцать лет назад.

Он был отличным стрелком, одним из лучших в Оргене. Сейчас Дрео подбил создание, которое другие даже не успели заметить. Но мужество, а не зоркий глаз сделали сержанта надежным офицером, и именно мужество поможет им выиграть битву.

Сарнедон от нечего делать наблюдал за своими братьями. Неожиданно сержант стал пристально взглядываться в море. Он снял шлем, поставив голову ударом загрязненного воздуха, и, прищурившись, высматривал что-то в тумане.

Зажглась рюна предупреждения, в наушниках затрещал голос:

--- Командор, я что-то вижу.

--- Дрео, а поподробнее. Корабль?

--- Ну, назвав это кораблем, я несколько погрешу против истины.

--- Вот, брат. Видишь?

Заэн взглядывался с корты «Ультимы» в темноту, туда, куда указывал Келдин. Не было ничего видно, кроме размытого пятна галеко в черно-коричневой, мгле, вздымающегося и опускающегося вместе с набухающими волнами. Объект находился примерно в пятистах метрах от корабля и приближался.

--- Точно. Вижу.

Остальные воины подразделения Люко уже высыпали на корту, хотя рұны тревоги затигали в их шлехах секунду назад. Сержант сложил лезвия своих энергетических когтей и теперь заряжал болтер, зафиксированный на рұкаве доспеха. Брат Грив вытащил ракетомет, который взяли с собой штұрмовики. Испивающие Души вообще-то редко пользовались тяжелыми видами оружия, предпочитая быстроту и внезапность, но даже самые гордые командиры признавали его полезность.

--- Грив, стреляй, как только они

окажутся в досягаемости. Целься пониже, —
сказал Люко.

Десантник занял позицию на самом краю корты, под ними бурлили волны. На палубу вышло еще несколько подразделений, проверяя оружие и на скорую руку собирая из оборудования баррикады. Капитан Каррайдин, поражающий взгляд своим госпехом терминатора, одним из немногих находящихся в распоряжении Оргена, гордо возвышался посреди палубы, наблюдая, как десантники под его командованием быстро настраиваются на битву и совершают необходимые ритуалы.

Вражеский корабль подошел уже достаточно близко. Это было странное раздутое судно, на вид просто не предназначенное для воды. Расколотые мачты высывались из палубы, словно обломки сгнивших зубов, а вокруг корпуса клубилась слоистая тьма, как будто следующая за кораблем. Заэн решил, что, должно быть, помехи влияют на автосенсоры шлема, но потом действительно услышал низкое трачное

жу жжание и понял, что это муриады насекомых роятся над палубой врага, как над разлагающимся трупом.

От огнемёта на таком расстоянии толка не будет.

--- Возьми мое оружие, --- сказал Грив, заряжающий ракетную установку, передав болтер Заэну.

--- Благодарю, брат, --- ответил тот, приняв его.

--- Не забудь вернуть, Заэн. И за пули я с тебя спрошу.

В наушниках десантников раздался скрипящий голос:

--- Всем подразделениям! Это Грэвус! Мы заметили еще один вражеский корабль.

--- Принято, Грэвус, --- пришел ответ Каррайдина. --- Мы займемся своим. Вы разбирайтесь с вашим.

--- Вы слышали командира, --- сказал Люко, кивнув Гриву. --- Давай подорви их.

Тот взвалил на плечо ракетную установку и выстрелил.

Ракета пронеслась над волнами и врезалась в борт корабля, над ватерлинией

расцвел шар огня. Враг уже подошел достаточно близко, и было видно, как из пробойны полилась какая-то полужидкая масса с комками.

--- Троном Терры... --- прошептал Келдин.

Груз? Балласт?

Нет. Личинки.

Вражеский корабль наклонился вперед, как будто оскорбленный атакой. Ответный огонь вырвался с носа --- большой калибр, однако маленькая скорость. Выстрелы вспенили воду перед кормой, несколько попало в корпус. Но «Ультима» была сделана из прочного материала.

--- Сержант Люко, расстояние до цели? --- раздался голос Каррайдина.

--- Через тридцать секунд войдет в зону поражения болтеров.

--- Хорошо. Поверю на слово.

--- Разумеется, сэр.

Грив зарядил еще одну ракету, поднял установку на плечо, нацелившись в точку чуть ниже носа.

В десантника и еще нескольких воинов из подразделения Люко метнулась

черная тень. Слишком поздно Заэн понял, что это не тень, а крылья какого-то огромного пикирующего существа, ударившегося о палубу. Оно заверещало, когда разряды болтеров стали рвать ему брюхо, а костистая голова начала лихорадочно наносить удары, ища клювом Грива.

Заэн бросил болтер, вырвал огнемёт из футляра на спине и пустил поток огня в зверя, услышав, как тварь взвыла от боли. Мелькнула ослепительная вспышка, когда когти-толщи срезали ей голову. Ещё один летун нацелился на нос корабля, но пули болтеров разорвали его в клочья, в то время как десантники, оказавшиеся под первым ударом, быстро выкинули первую туншу за борт.

В воздухе показались тучи, небо потемнело от бури маленьких черных тел. Вражеский корабль подобрался поближе, и Заэн даже не удивился, увидев, что на корпусе у него висят гирлянды изрубленных трупов. Огромное судно походило на брюхо какого-то гигантского насекомого, расщепленные доски еле

держались под напором разбухшей белесой массы личинок, извергающихся сквозь пробойну в море и пеной оседающих на волнах. На палубе показались странные бестелесные фигуры, словно ужас корабля высосал из них всю реальность. Они не стоили внимания, понял Заэн, они не угрожали десантникам. Сам корабль был врагом, переполненным скверной: доски покрыты пятнами плесени, как кожура гнилого фрукта, отрубленные конечности и высохшие головы прибиты к корпусу.

Противник вошел в зону поражения.

--- Огонь! --- закричал Люко, и болтеры десантников, как один, выплюнули очередную пуль, вырывая целые куски из вражеского корабля. Заряды разносили палубу на части, в щепки раскалывали дерево, срывая покровы, сбивая мачты, словно трухлявые дубы.

Отдаленно напуганные фигуры скорчились и упали. Огромный разрез открылся в стене мух, словно темное облако унесло вдаль ветром.

За то время, которое понадобилось воину, чтобы положить огнемет и схватить болтер Грива, брат Заэн сумел

лучше рассмотреть личинки и желчь, потоком бьющую из пробоины. На экране горели десятки предупреждающих рун --- уровень вредоносности атмосферы зашкаливал: смертельные токсины, инфекционные реагенты, --- но все отступало перед концентрированной мерзостью, бурлящей внутри корабля.

Грив выпустил еще одну ракету и на этот раз попал ниже ватерлинии. Корабль стал набирать воду и заваливаться на нос.

Из новой пробоины в корпусе что-то выскочило. Не конечность, не щупальце, но нечто одновременно суставчатое и гибкое, уродливого серого цвета, со слюнявым ртом линоги, усеянным присосками. Из тела твари вырвалась псевдоподия, и раздался громкий, слышимый даже за замаскированным огнем треск, когда она врезалась в корпус «Ультимы».

--- Проклятие, что это за дрянь?! --- заорал Келдин.

--- Мне наплевать, но я хочу, чтобы она сохла, --- ответил Люко.

Десантник из подразделения ветеранов Каррайдина подскочил к борту

и выпустил испепеляющий заряд из телтагана прямо в резиновую плоть извивающейся конечности.

Но монстр уже зацепился за «Ультиму» и теперь подтаскивал свое тело еще ближе. От него исходил такой страд, что он проник сквозь фильтры шлема Заэна, а зловоние гниющей плоти и экскрементов донеслось даже сквозь автосенсоры. Какое существо могло выжить запертым в гниющем трюме корабля, валяясь в личинках и грязи?

Только отродье Хаоса. У великого врага было множество лиц, и это одно из них — отерзительное, изувеченное, неразумное и разрушительное. Их звали тварями Хаоса, они постоянно мутировали, безмозглые машины убийства. Вполне логично, что для одной из них этот уродливый мир стал домом.

Заэн присоединился к своим братьям, посылая пули в борт вражеского корабля, надеясь, что разрывает тем самым тело монстра. Ответный огонь был слабым, большинство из команды гутаноидов или уже умерли, или лежали на палубе из-за

сильной болтанки, когда корабль стал приближаться к «Ультиме». Главную угрозу представлял зверь.

Пальбу разорвал вопль разрываемого дерева. Целый борт вражеского судна откололся, и оттуда что-то вывалилось, раздутое и омерзительное, его текучая кожа пузырилась, постоянно образовывая все новые и новые формы. Жуткий спазм, сорвав палубу, окончательно выбросил обратительную массу из корабля навстречу десантникам.

Оно было огромным, размером с костический посадочный челнок. По совершенно невозможной траектории ужаса обрушился на «Ультиму» сверху. Два подразделения попали под удар огромной туши. Кого-то размазало по палубе, кто-то сунул при помощи боевых братьев выбраться. Остальные прилипли, но смогли вытащить болтеры и разрядить магазины в нависающую плоть.

Тварь согрозилась от боли, из ее нутра вырвалось нечто, напоминающее щупальца, и отбросило десантников в сторону. Заэн увернулся от летящих во все

стороны тел и ошметков щупалец, погбежал к незащищенному боку зверя и выпустил струю пламени прямо в сверкающую кожу.

Он увидел, как сверкнули когти Люка и на палубу упало обугленное щупальце толщиной с человека. Он увидел, как Каррайдин, в своих доспехах терминатора, больше напоминающий танк, ударил силовым кулаком в спускающуюся сферу плоти, превратив ее в стывшийся гнойник. Он увидел, как десантники выстроились в боевую линию и посылают рой обжигающих пуль, глубоко вонзающихся в тело отродья, как палуба пропитывается чем-то влажным и коричневым, отдаленно похожим на кровь. Он видел закопанного в черную броню капеллана Уктиноса и силу, фонтаном хлещущую с крозиуса, погруженного в тело врага.

Плоть залила раны, тварь снова стала меняться, из ее боков неожиданно выросли костяные рога, один из которых вонзился в бедро Келдина.

— Пришпильте тварь! Зафиксируйте ее хоть как-нибудь! — раздался еле

слышный за грохотом боя крик Каррайдина, а по его массивному пурпурному доспеху било тесиво зубастых щупалец.

Пули погружались в чужовище, заряды энергетических ружей все глубже проникали в его бок, и Заэн понял, что существо не чувствует боли или страха, вообще ничего, его нельзя заставить отступить. Оно будет всасывать пули, пока не погибнет последний десантник, а затем совет гнездо в трюме «Ультимы», пока не подберется к еще одной жертве. Келдин закричал, когда плоть мутанта потекла вокруг него и засосала в брюхо монстра.

Иногда глупый враг — самый опасный из всех.

Зверь сбил с ног и выбросил за борт половину подразделения Ворца, когда «Ультиму» сильно завертело. Огнемет Заэна и плазмаган Каррайдина срезали еще один слой кожи твари, но кишки, вырвавшиеся изнутри, быстро залатали рану. Сервы-рабочие, которым разрешалось участвовать в битве только в самых

крайних случаях, выбирались из трюма с энергетическими ключами и ломаты, приготовившись умереть вместе со своими хозяевами.

Успивающим Души придется убить это создание. Пока оно не сделало с ними то же самое.

Барук метался по трюму, крича на десантников, которые старались развернуть «Агское лезвие», чтобы помочь «Ультиме» огнем. Сарнегон слышал его с палубы, но гораздо больше его занимали раздающиеся в наушниках крики Каррайдина и Люко, пытавшихся остановить отрогье Хаоса. Он видел россыпь выстрелов, пульсацию энергетических разрядов и колоссальную аморфную массу, уже поглотившую полкорабля.

— Начинаем разворот, командор, — доложил запыхавшийся Барук, когда нос «Агского лезвия» стал разворачиваться по направлению к раненой «Ультиме».

— Хорошо. Подойдите на половину зоны поражения болтеров. Не хочу, чтобы эта дрянь утащила нас за собой. У

обеспечьте резерв из десяти человек. Они
будут вытаскивать упавших в воду. ---

Сарнедон переключил канал. --- Дрео?

--- Командор?

--- Ты в боевой бригаде. На палубе
будет просто ад, но цель большая.
Постарайтесь стрелять в основную массу,
надо, чтобы оно истекло кровью.

--- Принято, командор. Убьет ее во
славу Трона.

--- Да, убейте тварь во славу Трона,
сержант.

Сарнедон снова переключился на
частоты «Ультимы». Уктинос распевал
гимны, поддерживая боевой дух своих
братьев. Каррайдин сражался в первых
рядах, но большинство воинов из его
подразделения уже погибли, и только
успехи терминатора до сих пор хранили
капитана от смерти. Люко стоял рядом с
монстром, его люди отстреливали
конечности чудовища. Даже сквозь
статические помехи Сарнедон слышал,
как когти-толщи рассекают плоть
отродья Хаоса и ревет огнемет. Издалека
до магистра доносился мучительный

хрип разваливающегося корпуса
«Ультимы».

— Сарнедон — Грэвусу. «Агское лезвие»
идет на помощь «Ультиме». Что у вас
происходит?

— Один корабль, быстро
приближается, — ответил грубый голос
сержанта. — На борту куча солдат,
тяжеловооруженных. Мы собираемся
атаковать и готовимся к абордажу.

— Короче говоря, ситуация
прекрасная.

— Лучше не бывало, командор. Конеч
связи.

Сержант Грэвус покрепче обхватил
рукоятку силового топора измененной
рукой и переключился на частоту
подразделения:

— Парни, они идут! Не будем же мы
просто сидеть и ждать! Следуйте за мной!
Возьмем их на абордаж!

Штурмовики одобрительно
закричали хриплыми от гнилого воздуха
голосами. Испивающие Души прославились
своими абордажными операциями в
просторе. Пока противник проводил сложные

манипуляции, сближаясь с их кораблем, они защищались, а потом неожиданно начинали атаковать, сбивая с толку нападавших и влываясь на вражеский корабль. В принципе сейчас их не ждало ничего нового — узкие пространства, страшный враг и смерть любому, кому не повезет оказаться за бортом.

Корабль Хаоса выплыл из тумана, и десантники поняли, что это вообще не корабль, а морской монстр, огромная акула около ста пятидесяти метров длиной, колоссальный живой трун с темной серо-голубой кожей, изрытой шрамами и отметинами от укусов, с крохотными слепыми глазками, затянутыми катарактой, и огромным ртом, переполненным зубами, больше похожими на мечи. На животе и груди рыбы плоть была содрана, ребра зияли коричневыми обручами, а внутри, на палубе из рассеченных органов, стояли ударные части Хаоса. Массивный хвост акулы вертелся, гоня ее по волнам в сторону «Лаконии».

Войска противника сияли черной

броней, в руках они держали угрожающего вида секиры и алебарды, на боках поблескивали мечи. Тела бойцов были сильно деформированы, а лица закрыты масками, как будто спасая Вселенную от уродства. Они выглядели бы как отсталые кукарики из какого-нибудь порочного феодального мира, если бы предводители этой отвратительной ватаги не держали в руках силовые топоры, болезненным ореолот освещавшие все вокруг. Грэвус насчитал около сотни воинов, изготовившихся к абордажу в брюхе рыбы-корабля.

Кто-то выстрелил в сторону «Лаконии» из пистолета. Несколько пуль ударились в силовые доспехи Успивающих Души, но никто не обратил на них внимания. Сто тридцать десантников готовились принять удар врага и отразить его.

Грэвус заметил, как Теллос склонился над водой, первый в линии, вызывая на бой паразитов Хаоса. Его обнаженное тело сверкало. Каким-то образом, несмотря на отсутствие

успехов, он казался смертоноснее любого десантника благодаря решимости в глазах, шокирующей бледности кожи и остроте лезвий, заменивших ему потерянные руки.

Сближение. Грэвус уже видел полчища клещей, снующих в глазницах акулы, и полосы из стали и кости, вставленные в ее ободренные розовые десны. Рыба резко развернулась, показав «Лаконию» свой бок. Воины в ее брюхе обхватили ребра, наклоняясь вперед, готовые уцепиться за борт корабля крючьями алебард и подтянуть его к себе, чтобы запрыгнуть на палубу. Совсем близко.

— Огонь! — закричал Грэвус, и сто болтеров одновременно выплюнули свой смертоносный груз.

Выяснилось, что бойцы Хаоса защищены лучше, чем казалось на первый взгляд. Скорее всего их болевой порог значительно превышал человеческий, а шкуры спасали от пуль лучше любого железа. Около полудюжины все-таки упали, а еще двоих в клочки разорвало зарядом плазматана.

Теллос первым сорвался с «Лакони», впрочем, все этого ожидали. Сержант огромным прыжком покрыл расстояние между двумя кораблями, приземлившись, закрутился, тут же отрубил голову огромному воину, оказавшемуся рядом, и срезал руку другому. Он скалился, но не от злобы, а от радости. Теллос всегда любил хорошую схватку. Но крайней мере это в нем осталось прежним.

За несколько секунд, пока он в одиночку дрался с командой акульего корабля, около двенадцати врагов отправились к своему хозяину. Теллос разваливал их на части, пронзал животы, рубил головы или просто проталкивал сквозь грудную клетку акулы в воду. Лезвия были продолжениями его тела, он бился в невероятно быстром, молниеносном стиле, удар, парирующий атаку одного противника, продолжаясь, срезал голову другому. Воины Хаоса с трудом пробивались сквозь завалы мертвых тел и тут же попадали под очередной взмах смертоносных рук.

Акула врезалась в борт «Лакони».

твердое дерево корабля расплескало плоть с ее бока.

— Вперед! — закричал Грэвус и перепрыгнул через борт.

Штурмовики напали единым строем, цепные мечи глубоко погружались в стоящих рядом врагов, они сразили первую линию воинов Хаоса, как стерч валит деревья. Плацдарм, захваченный Теллосом, позволил тем Успивающим Души, кто находился ближе к носу, сразу врезаться в войска противника, пробиваясь к открытому кровью врагов сержанту, убивая тех, кто сумел избежать его лезвий.

Грэвус с дюжиной космогесантников прыгнули с корты, ближе к хвосту акулы, высохшие кольца кишок монстра пружинили под ногами. Его тут же окружила стена черного железа, а в тело устремились лезвия сотен алебард. Он блокировал удар, развернулся, одной рукой рассек тело солдата Хаоса, а другой развалил надвое маску шлема, застывшую в издевательской гримасе. Из-за спины Грэвуса вырвались цепные мечи, отсекая противника ноги и головы. Успивающие

Души кричали от ярости, воины Хаоса
орали от гнева и боли, тут и там
раздавались выстрелы из болтеров,
жуткое хлюпанье и скрежет зубьев
цепного меча, распиливающего кость.

Грэвус на секунду остановился,
заметив, как солдаты Хаоса по мановению
пальца парящей в воздухе фигуры со всего
размаха ворвались в кровавое месиво
битвы, кипящей на носу. Летящее
создание было гуманомом, закутанным в
странные изорванные тени, на весу его
поддерживали плотные облака тумана.
Неожиданно Теллос подпрыгнул, просунул
локоть под позвоночник акулы и
подтянулся на уровень чародея. Он рванулся
вперед, сделал выпад и пронзил волшебника
руколезвием, подняв его высоко в воздух и
не обратив внимания на серную молнию,
дугой вырвавшуюся из рук противника.

Пули болтеров поддерживающего
подразделения тактиков, оставшихся на
«Лаконию», вонзились в дергающееся тело
колдуна. Его разорвало на куски, остались
только обрывки теней, слабо
покачивающиеся на ветру, да темные

пятна ожогов на лезвиях Теллоса. Признательно взглянув на десантников с корабля, сержант спрыгнул с потолка в гущу стычки.

Грэвус позволил себе улыбнуться и вонзил топор в черную броню воина Хаоса, зная, что каждый удар уносит жизнь еще одной ненавистной Императору твари.

Все десантники горели огнем битвы, тем обжигающе-белоснежным всплеском гнева и славы, который делает из обыкновенных людей героев, а из костодесантников — нечто еще большее. Грэвус сам потерялся в пламени войны, он знал, что Успивающие Души не отступят, пока последняя отвратительная тварь не будет разорвана на куски.

Заэн сражался спиной к спине с капелланом Уктиносом. Палуба под ними была скользкой от крови воинов подразделения Ворца, из которых никто не выжил, стешанной с дымящейся гадостью, потоками льющейся из отрогья Хаоса. Тварь выдавила из себя огромную конечность, заканчивающуюся неким подобием глубины, которой сейчас

затахнулась на них. С кончика этой
импровизированной руки свешивались
зазубренные плети ткани. Уктинос
парировал их удары крозиусом, каждый раз
извергая снопы искр, тогда как Заэн раз за
разом жал на гашетку огнемета, поливая
пламенем бок монстра.

Они были отрезаны, окружены
стенами плоти. Пришлось самим
обороняться от чудовища, не надеясь на
боевых братьев, сейчас пробивающихся к
ним на помощь.

Послушником Заэн очень боялся
Уктиноса, и часть благоговейного ужаса
осталась в нем до сих пор. Сама мысль о
том, что среди таких фанатичных людей,
как Испивающие Души, можно выбрать
кого-то за благочестие и силу разума,
поражала. Теперь огнеметчик утирал
рядом с капелланом, который завораживал
его еще во время послушничества, и
гордился этим.

Он едва ли мог сказать, что сейчас
творится на борту «Ультимы». Вся
палуба превратилась в трюху, и растущая
на глазах мерзкая тварь

провалилась в трюм. Со всех сторон раздавался рев болтеров, иногда массивными волнами, иногда одиночными выстрелами братьев, попавших в ловушку или смертельный захват постоянно видоизменяющихся конечностей чудовища. В наушниках стоял полный хаос, только грубый голос Каррайгина иногда прорывался сквозь крики утирающих и боевые кличи.

— Мы уйдем в залы Дорна вместе, капеллан, — задыхаясь, прохрипел Заэн, разорвав очередную ложноножку выстрелом из болтера Грива и остановившись, чтобы зарядить последнюю канистру в огнемет.

— Там еще нет места для меня, брат Заэн, — ответил Уктинос, взрезав сугорочно извивающееся копье внутреннихностей. — Когда моя задача будет выполнена, тогда я умру.

Тварь вздыбилась над нити волною плоти. Она заревела так, как не могло ничто живое, и обрушилась, подобно лавине.

Дряблые плиты жира и скользкие

метли внутренностей сошлись на
Заэном, он попытался увернуться, но
массивный поток жидкости врезался в
него, практически вбив в пазуху. Все
вокруг стало темным и обжигающим,
сквозь фильтры шлема пробивался
зловонный гной. Руки оказались
скованными, одна нога неестественно
выгнулась, прострелив тело зарядом боли,
он чувствовал, как распадается пласталь
рюкзака и изгибается бронированный
нагрудник. Наплечники расщепились, а
голове пронзила волна невыносимой боли,
когда начал трескаться череп.

Палец на курке свело, заряды из
болтера Грива беспрестанно взрывали
стыкающуюся вокруг массу плоти. Но
никакого толку. Он попробовал выпустить
струю огня и увидел, что запахло потух.

Редкий костодесантник мог
освободиться от боевых обязанностей. Они
жили, чтобы умереть на поле боя. Брат
Заэн проходил жесточайшие тренировки,
биохимические и хирургические процедуры
улучшения не только для того, чтобы
сражаться с врагами Императора среди

звезд. Он должен был отдать свою жизнь
пламени, его смерть должна была стать
частью великой легенды Ордена, которая в
будущем вдохновит других десантников на
их собственные подвиги и
самопожертвования.

Заэн бормотал про себя строки из
«Боевых Катехизисов», когда госпехи на
животе лопнули, а внутренние органы
стали взрываться под весом монстра.

Перед его глазами неожиданно
открылся бело-голубой пролом, рука в
черной броне протянулась внутрь,
схватила его за край наплечника и
вытащила обратно на палубу. Боль
прошла все тело, когда скрученная нога
вывернулась еще больше, но он остался
жив. Огромная надежная фигура Уктиноса
склонилась над ним, таща подальше от
сосущей плоти.

Неожиданно оттуда вырвалась
жирная кожистая масса и ударила
капеллана прямо в грудь, отшвырнув назад.
Заэн обернулся и сквозь дымку боли увидел
пещеристую рану, открывшуюся в теле
монстра. Это был рот — огнететчик

смотрел в угрожающийся туннель глотки твари. Уктинос получил удар языком чудовища, толстым кожаным стеблем таяса, увенчанным массивным узлом мышц.

Пузырящаяся плоть твари проскользнула под Заэна, и его понесло к разверстой пасти. Он пытался зацепиться руками, но кожа оказалась слишком скользкой, а над ним уже нависла тень челюсти монстра. Под ногами огнемечник увидел ребристую шахту горла, угрожающуюся, когда чудовище сглатывало, жаждая сожрать его, разломать в кровавую кашу.

Когда Заэн миновал порог челюсти, из мясистых десен выскользнули зубы. Огнемечник пробил пах десантника, выйдя пониже спины, другой пронзил плечо, прорвал легкое и завяз в кишечнике.

Все тело Заэна было переломано, не пострадала только левая рука. В ней он держал огнемеч, но ему нужна была вторая, чтобы поджечь запал на сопле. Заэн со злобой выкинул бесполезное оружие в живот отродья. Свет стремительно убывал, рот закрывался.

Огнеметчик посмотрел направо, туда, где безжизненно висела другая рука. Из-за поврежденных нервов ее свело, и она намертво зажала болтер Грива. Но оружие было слишком далеко. Не дотянуться.

«Прекрати, послушник Заэн. Кто ты? Ребенок! Слабый, бесполезный ребенок! Что такое боль? Ты уже испытывал боль. Ты поборол ее. Побори и теперь. Двигай рукой, послушник. Двигай правой рукой и перестань жаловаться, как ноющий подросток».

Заэн поднял правую руку и схватил болтер левой прежде, чем порвались сухожилия. Жив ли Грив? Узнает ли он, какая судьба пришла на долю его оружия?

Десантник увидел тусклый отсвет на канистре горючего от огнемета, повисшего в горле монстра.

Челюсти сошлись, и зубы твари разрезали тело Заэна. Краем глаза он увидел, как правая часть торса падает в сторону. Колено врезалось в горло.

Свет исчез, рот закрылся.

Заэн выстрелил.

Сарнедон увидел волну пламени.

вырвавшись из огромного отверстия, похожего на глотку зверя. «Агское лезвие» подошло достаточно близко, на палубе «Ультимы» виднелись силуэты Успивающих Души, озаренные сполохами взрыва. Они стреляли в растущего на глазах монстра, который уже занял три четверти корабля. Люди магистра вытаскивали задыхающихся десантников из моря на палубу судна. Многие успели сорвать с себя доспехи, только чтобы не утонуть, некоторые оказались совсем обнаженными.

Говорили, что погибло все подразделение Ворца и еще около тридцати человек, их или разорвал зверь, или поглотил океан.

Десантники радостно закричали, когда голову твари практически оторвало взрывом, горящее топливо заструилось из огромной раны. Успивающие Души Сарнедона и все выжившие с «Ультимы», которые не потеряли в бою оружие, составили огневой взвод в три линии на носу «Агского лезвия». Магистр занял место между ними, болтер на изготовку.

--- Капитан Каррайдин, это Сарнедон, --- произнес он в микрофон. --- Скажи своим людям пригнуться и держаться. Мы вас сейчас вытащим оттуда.

--- Да, лорд! --- пришел ответ сквозь шумлы статик и стрельбы.

--- Испивающие Души! --- закричал магистр десантникам вокруг. --- Зверь ранен! Он ослеп и оглушен. Если мы ударим сейчас, то убьем тварь! --- Он взял на прицел выступающий бок отродья Хаоса, из огромной раны которого вырывался дым. --- Открыть огонь!

На этот раз у монстра не осталось шансов на спасение. Он уже был тяжело ранен и не мог двигаться. Раньше его прикрывал корпус вражеского корабля или Разрозненный огонь сопротивляющихся. Теперь же на чудовище обрушились заряды ста пятидесяти болтеров костодесантников, жаждущих мести за смерть своих братьев.

Шкура чудовища вздулась и лопнула под воздействием жара как изнутри, так и снаружи. В воздух взметнулись ошметки

окровавленного жира и фонтаны гноя, когда взорвались внутренние органы. Перед смертью тварь окончательно потеряла форму, разбрасывая во все стороны волны мускулов и шероховатую кожу, потом перевернулась и со всего размаху обрушила полужидкую тварь в море. «Ультима» страшно накренилась под ее весом, десантники, оставшиеся на борту, отчаянно вцепились в палубу, но, когда тело монстра наконец соскользнуло в воду, корабль выпрямился и твердо встал на воду.

Бойцы Сарнегона дружными криками поприветствовали смерть отродья, а Варук сразу запустил двигатели «Агского лезвия», чтобы подобрать оставшихся в живых десантников с тонущего корабля.

Акула поняла, что ее команда погибает, и начала биться, массивный хвост гнал в брюхо волны злобной воды, огромный рот кусал воздух.

Мертвые прислужники Хаоса в два слоя лежали на палубе, Успивающие Души уже захватили половину корабля. Выжившие сожмнули ряды и отражали

удары ценных мечей косто десантников
алебардами и копьями с крючьями на
концах. Десантники отвечали огнем из
болтеров, выкашивая изуродованных воинов
десятками. Теллос сражался поблизости,
врезавшись в черноту-пешную массу,
изгибаясь между вражеских лезвий. Он был
по пояс в крови, а убитых ил никто не
считал.

--- Десантники, приготовьтесь
отступить! Нам надо убить эту штуку! ---
приказал Грэвус.

Может, войска Хаоса и потерпели
поражение, но они находились в брюхе
огромного и голодного морского монстра,
который прицепился к «Лакони» и мог
утащить корабль на дно.

Грэвус указал на ближайших
десантников:

--- Вы! Дайте мне гранаты! Быстро!

Они подчинились, сержант приказал
и следоват за ним и побежал к носу
корабля, туда, где пульсировала стена
жестких мышц. Сверкнул силовой топор
Грэвуса, и в толстой мембране открылся
разрез, откуда сразу полезла

судорогающаяся розовая масса мозгов акулы.

--- Успивающие Души, уходите!

Десантники мгновенно развернули полномасштабное отступление, продолжая отстреливаться. Теллоса пришлось буквально выволакивать из бойни и тащить обратно на «Лаконию».

Грэвус взял связку осколочных гранат в видоизмененную руку и глубоко засунул их в мозг акулы.

--- Берегись! --- крикнул он и отпрыгнул в сторону.

Раздался приглушенный взрыв, ливень розового жира окатил палубу. Акула страшно дернулась, сбив с ног двух десантников. Грэвус оглянулся и увидел, что «Лакония» освободилась, но все еще находится слишком близко к акуле. Он метнулся обратно на корабль, по пути рассекая солдат Хаоса силовым топором направо и налево. Умирая, акула забилась в судорогах, сержант еле удержался, но все-таки успел добежать до края палубы.

Он прыгнул и с облегчением ощутил под ногами твердое дерево корабля. Грэвус повернулся как раз вовремя, чтобы

увидеть, как корабль-акула переворачивается на спину, показав пятнистый белый живот, прежде чем исчезнуть в пене волн.

Он посмотрел на десантников, молча наблюдавших, как утирает монстр. Похоже, никто не погиб. Все перемазано темной кровью, а на Теллосе она застыла коркой — жуткий алый на фоне мертвенной белизны. Грэвус осмотрел себя и выяснил, что весь заляпан кусками акульих мозгов.

— Грэвус — Сарнедону, — передал сержант, — Вражеский корабль уничтожен. Потерь нет.

— Принято, сержант. «Ультима» потеряна. Возвращайтесь к основной группе.

Первый настоящий бой закончился неудачно. Но они знали, что будет плохо, знали, что им сильно повезет, если они вернутся на «Сломанный хребет» живыми. Первые потери боевых братьев в этом проклятом мире.

— Принято, командор. Конец связи.

Глава огуннацатая

Архимагос Хоботов слышал голоса машин, нашенывающих ему о ней. Мерзавка Сасия Коралом выбрала плохое место для прятков, поскольку здесь не было ничего, кроме машин, а машины -- его дети. Искусственный мир Коген Тертиуса падал ниц перед мантией архимагоса, как и 674-XUS до того. Когда Отниссия снисходил к нему, механизмы говорили с Хоботовым, а глубины генераториума беседовали с ним, словно старые друзья.

Она здесь. Она ранена, дорожки пропитались кровью там, где стояла предательница. Техножрица в отчаянии, регуляторы охлаждения слышали ее всхлипы. Каждая система в секторе говорила ему: Коралом несет с собой артефакт такой силы, что датчики энергии зашкаливают всякий раз, когда она проходит рядом. Это означало только одно: изменница взяла с собой Копье Души.

Механические гендриты соскользнули с консоли управления генераториумом, и

обыденный мир вновь вступил в свои права. Хоботов и ударная группа техногвардейцев, находящаяся в его распоряжении, стояли на вершине массивной турбины, вертикально уходящей в цилиндрическую яму, зияющую в скале Коген Тертиуса. Гигантский механизм сковала затейливая сеть транов и контрольных центров, где работали техножрецы, слуги и сервиторы, поддерживающие стабильный энергетический уровень установки. Весь персонал уже эвакуировали, единственным живыми людьми в зоне поиска были только Сасия Коралот и люди Хоботова.

Даже отключенная, турбина излучала сильный энергетический фон. От этого железное сердце техножреца учащенно билось.

Капитан Скрилл присоединил датчик к биосканеру и повернулся к архимагосу.

— Мы засекли небольшую биомассу, сэр. Нулевые показатели активности, похоже, человек умер. Думаете, это она?

--- Наверя ли. У техножрицы Коралот очень мало имплантатов, ее биопоказатели были бы гораздо выше. В любом случае сканеры выйдут из строя, когда мы приблизимся к артефакту.

--- Понятно. Мне приказать начать прочесывание?

--- Приступайте.

Скрилл был хорошим человеком. Тупым, простым, понимавшим логику и не чувствовавшим жалости. Он и его люди надели тяжелые ржаво-красные пуленепробиваемые доспехи и вооружились крупнокалиберными автоматами. Хоботов уже стал свидетелем эффективности вооружения техногвардейцев, когда те участвовали в полицейских операциях против военравных слуг. Когда сервитор, защищавший кровавое пятно в генераториуме, распознал генный код Сасии Коралот, архимагос лично выбрал взвод Скрилла. Обычно капитан придерживался жесткой тактики, и для этой миссии его методы работы подходили идеально. Скорее всего Коралот

погибнет при сопротивлении, и это устраивало Хоботова по всем параметрам.

--- ВУЛНИН, прикрой нас, --- приказал Скрилл. --- И нестреляй без моей команды. Не хочу, чтобы ты снова испортил несколько сервиторов, нам еще за тех расплачиваться.

Тонколицый снайпер кивнул, вытащил глинную элегантную винтовку и выбрал себе место для обзора на краю портала подъездного крана.

--- Остальные --- за мной. Она там одна, но загнана в угол, так что будьте наготове.

Хоботов скользил по железным трапам на антигравях, медленно спускаясь по спиральным лестницам вслед за взводом, и наблюдал за фракталами, которые образовывали техновардейцы, рассыпавшиеся по зоне поиска. Углы огня впечатляли своей математической точностью. Скрилл далеко пойдет. 674-XUS потерял большое количество войск безопасности после досадного провала на Лаконии. Там до сих пор не хватало

надежных рук, и архимагос решил перевести весь взвод на корабль, как только с Коралот будет покончено.

Неожиданно раздался выстрел, резкий и совершенно нелогичный. Явно не люди Скрилла. Стреляли из лазерного пистолета, поставленного на полную мощность.

--- Стрельба! --- завопил Скрилл, его люди резко попадали на пол. --- Кто-нибудь ранен? --- Зажглось одиннадцать опознавательных огоньков. Стрелок промазал. --- Вилнин! Цель!

--- Кажется, я засек лазерный разряд, --- ответил снайпер. --- Где-то под вами.

Командир махнул рукой, приказав взводу разделиться и зайти на цель с разных сторон. Испарения генераторов создавали сүтрачнүю мешанину из дыма и теней, открытые индукторные кольца истекли тусклым светом. Хорошее место для прятков, размышлял Хоботов, вот только уйти некуда, все выходы перекрыты людьми Скрилла.

--- Нашел засеченнүю биомассу, сэр, --- доложил один из солдат.

Хоботов увеличил изображение там, где техногвардеец стоял над жалкой кучкой лохмотьев. Из них выбивалась тонкая жилистая рука.

А, Эль'Хирн. Ну, разумеется. Ходили слухи, что старый призрак еще жив. Когда-то он был многообещающим магистром, пока не попал под влияние какого-то еретического учения о природе Отниссии и его не выгнали из техножрецов. Без поддержки братства механикусов его имплантаты должны были давно отказать, а кожа иссохнуть. Хоботову стало интересно, как же Эль'Хирну удалось прожить так долго, да еще и суметь присоединиться к исследовательской группе Коралом, но это, по большому счету, не имело значения. Судя по лазерным ожогам на лохмотьях, у этих двоих состоялась крупная ссора.

Хоботов вошел в систему генератора и запустил систему оповещения.

--- Техножрица Коралом! --- громом раздавался его голос из множества динамиков, усеивавших стены установки. ---

Ты окружена, помощи ждать неоткуда. Побег невозможен логически. Сдавайся, Сасия Коралот. Отдай нам украденный тобою артефакт, и мы не будем подвергать риску перестрелки священные машины этого сектора.

Еще один выстрел поразил солдата, нашего Элъ'Хирна, и отбросил его на спину. Доспех зашипел от жара, а взвод открыл пальбу. Коралот снова выстрелила откуда-то снизу, жаркие лазерные лучи пронзили еще одного солдата.

--- Прекратить огонь! --- приказал Скрилл, направив собственный автомат вниз и выпустив глиняную очередь. --- Крик, ты в порядке?

--- Кажется, мне пробили легкое, сэр, --- прохрипел раненый.

Хоботов увидел еще одного техновардейца, стремительно спускающегося по лестнице на помощь товарищу. Может, люди Скрилла и профессионалы, но в Хоботове они уважения не вызывали. Слишком много плоти. Если бы он получил такую рану, то просто отключил бы один пневмофильтр

и задействовал другой. А этот человек скорее всего умрет, ибо Омниссия не благословил его своим прикосновением.

В наушниках затрещал голос Вилнина:

--- Кажется, я засек ее, сэр. Она на платформе наблюдения, от вас примерно четыреста метров вниз. У меня движение на инфракрасном визоре.

--- Хорошо, --- ответил Скрилл. --- Давай пристрели тварь.

--- Она неплохо укрылась. Не могу попасть. Там... там еще что-то, есть. Похоже на святилище.

--- Что?

--- Ну, священное место. Алтарь, стопка книжек. Она укрылась как раз за алтарем, я не могу ее достать. Могу обойти турбину с другой стороны, но это долго.

--- Стой на месте, Вилнин. Выстрели пару раз, принуди. А когда зашевелится, всади пулю.

--- Слушаюсь, сэр.

Хоботов заинтересовался. Храб. Похоже, Эль'Хирн нашел еще одного

идиота, поверившего в его сырую религию.

--- Сасия Коралом, твои верования ошибочны и безнадёжны. Все, что говорил Эль'Хирн, --- ложь. Есть только один Отниссия, и он крайне ревнив.

Хоботов неспешно заскользил вниз, следя, чтобы между ним и Коралом были лестницы и балки, не давая ей прицелиться. Получить лазерный ожог будет так унижительно.

--- Ты не прав! --- раздался тонкий испуганный голосок далеко внизу, слышал его только Хоботов при помощи своих механически развитых гиперчувств. Он говорил со мной! Он показал мне путь!

--- Почему же ты посчитала необходимым убить своего друга-еретика?

Хоботов уже видел предательницу. Она скрывалась за плитой углерода, там стояли два канделябра и лежало несколько книг, на шестиугольной платформе наблюдения висели знамена, покрытые накорябанными от руки уравнениями. Обычно это место пустовало, если не считать редкого неразумного ремонтного сервитора, и казалось обманчиво

подходящим для тайных поклонений. Сама Коралот выглядела бледной и изнуренной от слабости и страха, ее одежды порвались и перепачкались, а ствол лазера все еще ярко сиял красным.

--- Он не смог встретиться с истиной! --- закричала она. --- Когда бог пришел к нему, он испугался! Все, что мы знаем, ложь, Хоботов! Инженер Времени сказал мне это в снах!

Сумасшествие, с прискорбием констатировал архимаг. Какой позор. Существовал крохотный шанс, что Сасия Коралот станет заметной техножрицей. В любом случае ее способности в инженерном анализе всегда пригодились бы. Вместо этого ей придется умереть. Отниссия, конечно, недолюбливал растрату доброкачественного материала, но осквернение своего имени просто ненавидел.

Хоботов сошел с лестницы и продолжал скользить вниз, придерживаясь корпуса турбины. Он редко задействовал антигравы на полную мощность, считая такой способ передвижения вульгарным, но

сейчас ему хотелось взглянуть на Коралот
и ее храм поближе, прежде чем
техногвардейцы убьют предательницу.

Коралот подняла руку, и по
неожиданной вспышке энергии,
отразившейся в глазных линзах, архимагос
понял, что она держит Копье Души.
Артефакт излучал такую же ауру силы,
как и тогда, когда Хоботов впервые увидел
его. Придется приказать изучить
устройство кому-то другому. Когда же
будущие исследователи продвинутся в
опасном и непредсказуемом деле
раскрытия секретов реликвии
Успивающих Души, он заберет у них
результаты и величие артефакта
станет частью шедевра знания Омниссии.
Коралот значения не имела. Копье Души --
вот главная цель.

-- Смотри! -- закричала она. --
Смотри, сколько я знаю!

Она всадила реликвию в углеродный
алтарь. На долю секунды чувства
Хоботова отключились из-за огромной
перегрузки, синапсы разоткнулись, не
допуская повреждения мозга чудовищным

объемом информации.

Энергетический пик был так высок, что даже благословенно улучшенное тело архимагоса еле с ним справлялось, а когда восстановились его акустические системы, в уши впился визг металла, распадающегося на части.

Критическая масса.

Там, где властвовали только тени генераториума, теперь на глазах рос огромный диск света, который своим ослепительно белым сиянием поглощал все вокруг, даже куски обшивки, сыплющиеся с разрушающейся турбины. Хоботов слутно слышал шум помех в передатчике, вой и крики боли техногвардейцев наверху. Обычно доминирующая, аналитическая часть его разума холодно подсказала, что сейчас их кожа сухими обрывками летит вверх вместе с колонной света, так же как и горящие прямо на нем клочки мантии. Но большая часть архимагоса просто глупо таращилась на выплеск энергии. Машинная дисциплина хорошо служила ему несколько веков, однако логика Отниссии отступила перед яростью

безумия.

Сасия Коралом стояла на платформе, плывущей в сердце сияния. Копье Души ослепляющей молнией горело у нее в руке. Она что-то кричала, но все забывал гул белого шума.

Свет взметнулся и начал поглощать все, а там, под его поверхностью, двигалось нечто. Похожее на человека, но огромных размеров, его черты таячили расплывчатым пятном за занавесом белого огня, оно протянуло руку. Ногти, подобные драгоценным камням, прорвали поверхность, явив миру бледную совершенную кожу. В воздухе затерцали символы, цифры, буквы, странные знаки, пульсирующие энергией.

Сасия Коралом утонула в свете, забрав Копье Души с собой. Бог, все еще полускрытый сиянием, посмотрел вверх горящими глазами. Сложные символы затвердели, и неожиданно воздух наполнился чудесными волшебными уравнениями, по вытянутой руке вверх побежали кольца силы. Яркие стрелы энергии плясали в воздухе ослепительными

вухряти, лагонь раскрылась, и пальцы
соткнулись вокруг тела Хоботова.

Его сервомоторные системы тут же
сгорели, архимагос, парализованный, висел
в хватке бога. Из последних сил он
принялся рыться в собственной голове и
успел отключить несколько оставшихся
сенсоров, прежде чем его раздавили.

Успивающие Души потеряли около
пятидесяти человек. Почти четверть
ударного отряда погибла за несколько
минут, попавшись в ловушку на «Ультиме»
или сгинув в волнах гряды. Многие из тех,
кого удалось вытащить, оставили в воде
большую часть своих доспехов, а
некоторым десантникам придется
сражаться в сильно изувеченной броне. Не
хватало боеприпасов, энергетических
батарей, многие пойдут в битву вообще
без защиты, так как даже Успивающим
Души тяжело двигаться в доспехе без
питания. Их улучшенная физиология
могла справиться с ужасающей экологией
безымянной планеты, но перспектива
встретиться с обороной Ве'Мета голыми
никого не вдохновляла.

Однако оружие было у всех — никто из выживших не бросил его.

Настала ночь, одновременно холодная и какая-то липкая, вокруг них раскинулся жестокий, иззубренный волнами океан, бездушный и бесконечный. Он был хуже тумана. Видя его, человек чувствовал свою ничтожность по сравнению с целой планетой, желавшей их смерти. Ве'Мет узнал об их прибытии, в этом не стоило сомневаться.

Встретившиеся костогесантникам корабли скорее всего входили в защитный кордон вокруг крепости, но в целом поведение планеты напоминало реакцию живого существа на вторжение чужеродных тел. Сарнедон чувствовал зловещий жар черного пламени, которое описал Узер, слышал ужасающий презрительный хохот из своих снов. Они не просто приблизились к Ве'Мету вплотную — он сам наблюдал за ними при помощи какой-то магии или пользуясь глазами огромных рыб и летающих в отдалении крылатых созданий.

Сарнедон оглянулся и увидел, как

сервиторы подразделения Люко стеляют друг друга на карауле. Сам сержант и выжившие люди его отряда разместились на «Агском лезвии» и «Лакони», после того как разбитые останки «Ультимы» исчезли в гнилых волнах.

Люко отдал честь Сарнегону. Магистр оставил свой пост на корме и отправился по беспрестанно качающейся палубе к десантнику.

— Сержант Люко, капеллан Уктинос рассказал мне о том, как вы сражались на «Ультиме».

— А я могу кое-что рассказать о нем. И о каждом Десантнике на нашем корабле. Мы все дрались.

— Он рассказал мне, как погиб брат Заэн.

Люко медленно кивнул:

— Заэн. Прекрасная смерть. Она останется в памяти людей. — Лицо сержанта было непроницаемым, казалось, ужасы войны не трогают десантника. Но когда рядом с ним гибли хорошие люди, даже он не всегда мог сдержаться. Те, кто плохо знал Люко, обычно искривлялись

какой-то свирепой веселостью, сейчас не узнал бы его. -- Ворц тоже погиб. И все сервы. Впрочем, я слышал, Грэвус лучше справился.

-- Они не оставили живых и не понесли потерь.

-- Дениятос был бы доволен. -- Люк посмотрел вокруг, и Сарнегон, глядя на него, свободного от доспехов, неожиданно понял, насколько тот стар.

Поскольку многие потеряли броню в бою, магистр ослабил дисциплину и позволил десантникам разоблачиться. Неожиданно он понял, что тоже давным-давно старик. Девяносто лет, семьдесят из которых отданы Оргену. Но сейчас прожитые годы казались огромным монолитом памяти, каким-то затянувшимся периодом ученичества. Новая жизнь только начиналась. Сарнегон так мечтал о славе на благо Империи, но только сейчас понял, каким нестышленнышем был, постоянно совершая ошибки и совсем не учась на них.

-- Говорят, половину солдат Хаоса убил только один Теллос, -- заметил

Люко.

— Правильно говорят. Но все-таки придется подождать, прежде чем доверить сержанту Теллосу командование. Людям Грэвуса пришлось буквально тащить его обратно на «Лаконию».

Магистр часто задавался вопросом о будущем десантника. Теллос растерял все понятия о хоть какой-то дисциплине, но зато многократно умножил свою свирепость и храбрость, став кутиром среди штурмовиков. Как бы трючно это ни звучало, но Сарнедон подозревал, что проблема разрешится сама собой. Скорее всего Теллос первым высадится на берег крепости Ве'Мета и погибнет, обеспечивая плацдарм для остальных десантников. Прекрасная смерть, одна из лучших.

На визоре Сарнедона неожиданно вспыхнула рюна тревоги. Он встолтелся в дымящиеся сутерки, бурлившие перед носом «Лаконии», стараясь разглядеть стазанную линию горизонта. Вокруг командора собрались десантники.

Мерцала рюна Уктиноса. Канеллан

отправился на дежурство
впередсмотрящим, исправно неся службу,
как и все воины его паствы.

--- Это Сарнегон. Что вы видите?

--- Земля, сэр. Мы приближается.

--- Принято, капеллан. «Лакония»,
вперед, мы следом. Теперь ее увидел и
магистр, огромную черную язву суши,
показавшуюся на горизонте.

Он приказал Грэвусу приготовиться,
Теллос поступил так же на «Лаконии».
Теперь черное пламя горело, как никогда,
ярко, гразнящий стех громом
раскатывался в голове. Начался последний
отсчет, а Сарнегон уже повигал
достаточно сюрпризов этого мира, чтобы
верить в счастливый шанс.

Техножрица Сасия Коралот умерла.
Осталась только маленькая девочка
Сасия, еще ребенок, ее разут унесся назад,
купаясь в море силы, объявшем все вокруг.

Она страдала от одиночества. Она
боялась. Вокруг жили только свет и шум,
они переполняли ее, причиняя боль
чувством этой переполненности. Жар
лизал кожу, потоки энергии лотали тело

В разные стороны, как будто Сасию одновременно хватили сотни рук. Она открыла глаза, и белый свет практически ослепил ее. Но девочка хотела видеть. Хотела знать, где находится, что с ней случилось, кто это сделал.

Сияние уплотнилось, и перед ней предстал Инженер Времени.

Он был высотой в тысячу этажей, его кожа обжигала миллионот сверкающих кристаллов. Его мысли были волшебством, и оно воплощалось в символы, кружащие вокруг исполинской фигуры, складывающиеся в невозможно сложные уравнения силы.

Бог протянул руку размером с целый город и с неизъяснимой грацией аккуратно взял что-то у маленькой девочки. Крохотная вещь, которую ребенок сжимал в женском кулаке. И в голове Сасии сквозь дымку беспомыслия заговорила мысль. Именно этот предмет она хотела принести Инженеру и теперь должна быть счастлива.

Бог держал артефакт перед глазами, больше похожими на два газовых

гиганта, и пристально рассматривал его.

--- Такая маленькая штучка, ---
прошептал голос в сознании Коралом. ---
Столько злобы. Просто превосходно.

И неожиданно девочка поняла, что
Инженер получил от нее желаемое и
теперь забыл о своей верующей.

Он отвернулся от нее, и тут же силы,
не дававшие ей умереть, развеялись. Свет
взорвался, вокруг закружились
непредставимо огромные острова безумия,
океаны слез, злобные глыбы мыслей
выступили во тьме, подобно кракенам.

Маленькую Сасию разорвало на куски
бурей знания, которое человек просто не
способен понять. Она потеряла разум за
долю секунды до того, как ее тело
распалось в глубинах варна.

В поблекшей роскоши обзорной
галереи костической яхты
технодесантник Лизрис смотрел в
огромный иллюминатор. Послеповатый
глаз безымянной планеты уставился на
него в ответ. Лизрис знал, что Сарнедон и
его боевые братья сейчас там, внизу,
сражаются, умирают. Они приземлились

несколько дней назад и, по самым оптимистическим прогнозам, уже должны преодолеть половину пути до цели. Связь с ними, как и ожидалось, прервалась, как только «Грозовые ястребы» вошли в толстый слой облаков цвета обнаженной старой кости. В коммуникаторах встречали статические помехи.

Часть его говорила, что он должен быть там. Но магистр приказал ему остаться здесь, наверху, на «Сломанном хребте». Испивающие Души слишком мало знали о Ве'Мете и его возможностях. Они были здесь для того, чтобы доказать свою преданность воле Императора, и если такова роль Лигриса в этом действе, так тому и быть.

Он хотел сражаться. Он хотел почувствовать тяжесть болтера в руках, огонь битвы, пылающий вокруг. Но его место тут, просто на всякий случай.

Лигрис почувствовал, как грозахнула палуба под ногами, и спустя долю секунды услышал звук. Изображение безымянной планеты подернулось помехами, экран вздрогнул, и где-то завыла сирена тревоги.

когда включилась система оповещения корабля. Последовал еще один удар, техник еле удержался на ногах, измученный металл стен завыл от напряжения.

Он включил передатчик:

--- Инженеры, что происходит?

--- Сенсоры показывают какие-то флуктуации в варпе, сэр. Похоже, к нам что-то приближается.

--- Я в обзорной галерее, зеленый сектор. Выдайте изображение сюда.

Огромный экран над ним затерцал, и появилось изображение: участок космоса поблизости, данные с сотен сенсориумов «Сломанного хребта». На фоне звездного поля кипела масса бело-голубого цвета, пульсируя, словно бьющееся сердце, и посылая энергетические потоки, которые ожесточенно трясли корабль. Лигрис запросил отчет о повреждениях, но «Сломанный хребет» оказался прочным, вылетело всего несколько болтов и пар заклепок.

Другой корабль? Не похоже. Но они кружили по орбите планеты, оскверненной Хаосом, и здесь могло произойти все, что

угодно.

--- Это техногесантник Лигрис, ---
объявил он по громкой связи. --- Всему
персоналу проследовать к корабельным
орудиям.

Из-за того, что большинство
Успивающих Души сейчас находились
внизу, за кораблем приставляли только
несколько десантников и сервы. Каждый
человек знал свое место у пультов,
готовый запустить торпеды, которые еще
годились к употреблению, или начать
стрельбу из пушек и стационарных
лазеров, усеивавших поверхность
«Костицкого скитальца».

На глазах Лигриса аномалия
подернулась волнами и исчезла, утонув в
черноте пространства. «Сломанный
хребет» перестало трясти, а
зашкалившие сенсоры вновь вернулись к
нормальным показателям. Правда, за
бортом еще сохранялся высокий уровень
радиации и осталось чувство тревоги.

Рядом с планетой, связанной с
Хаосом, вполне резонно ожидать каких-то
искажений антиматерии. Но вместе с

этой бурею в реальный космос, возможно, проникло что-то злое, а тириады сканеров просто могли его не заметить. Конечно, такой шанс находился в области невероятного, но Сарнедон не для того поручил Лигрису командование «Сломанным хребтом», чтобы подвергать корабль нелепому риску. Надо поддержать экипаж в режиме тревоги еще пару часов, до тех пор, пока опасность окончательно не рассеется.

Техногесантник снова переключил вид на изображение безымянной планеты, и на него опять уставился слепой взгляд гнилого ага.

Казалось, чем ближе гесантники приближаются к цели, тем больше островов архипелага вздымается из воды, полумночные шпильки обломанных черных кораллов изъязвленными коррозией зубами выступали из океана. Влияние Ве'Мета росло с каждой секундой, это чувствовали все. На поверхности воды играла мертвенная пленка, переливающаяся всеми цветами радуги, как будто вокруг разлили машинное масло, а на кораллах налипла

корка осадка там, где по ним ударяли волны. Воздух казался тяжелым от ядов, свет — слабым, а облака — темными плитами законченного потолка. Впередсмотрящие видели острова, парящие в воздухе, и приземистых демонов-амфибий, исторгающих желчь в расщелины внизу. В отдалении мелькали плавники гигантских акул и пятнистые тела кракенов.

Они видели корабли, жуткие, похожие на пауков устройства, которые парили над водой, покачиваясь на деревянных ногах, раздутые галеоны с парусами из человеческой кожи, но «Лаконию» и «Агское плезвие» прятали от врагов туманы и скудный свет. Сарнедон недоумевал, почему на них не напали снова. Может, они показали свою удаль в морском сражении и Ве'Мет просто побоялся направить еще один корабль, предпочтя встретить их на суше. А может, это место было настолько хаотичным, что Успивающие Души просто потерялись среди огромных волн безумия.

Везде летали мухи. Они забирались в

сочленения Доспехов, шлемы, дугла
болтеров. Ритуалы приготовления оружия
к бою пришлось ускорить, Уктинос читал
вместе со всеми молитву, прося
освобождения и силы перед лицом
всепроникающей скверны. Сарнедон
попросил Тиренгуана, телената
штурмового отряда, сказать, что тот
чувствует. Библиарию явился кошмар об
огромном змее, сжимающем мир в кольцах
и удушаю щем его. Тварь проглатывала
все живое во Вселенной вместе с
миллиардами душ.

Навигаторы были не нужны ---
Be'Mет сверкал, как черный таяк,
источающий зло, а Тиренгуан
воспринимал его пронизывающие лучи.
Двигатели практически не работали,
волны бесшумно гнали их сквозь тени
архипелага, глыбы черных коралловых
рифов попадались все чаще, пока не встали
перед Успивающими Души: рядами, словно
ребра огромного умершего животного.

Спустя девять дней после высадки на
планету и пять после потери «Ультимы»
они наконец нашли крепость Be'Mета.

Она была похожа на гору. Большие
пустыли усеивали ее поверхность, они
постоянно открывались и закрывались,
словно огромные рты, сочащиеся желчью.
Ядовитый желтый пар облаками висел над
расщелинами испещренной шрамами
коралловой поверхности, а стаи каких-то
крылатых созданий беспорядочно вились
вокруг мерцающего вдалеке пика крепости.
Реки гноя сбегали по склонам горы, они
густели внизу и кишели паразитами.
Далеко вверх, в монолитной черной
плите тух, толстым слоем висевших в
небе, бушевала гроза.

Казалось, черный коралл когда-то был
живым, но заразился инфекцией столь
ужасающей, что превратился в эту
жуткую раковую опухоль. Даже с кораблей
Успивающие Души видели колонны людей,
выходящих из нее, -- воинов в доспехах,
вроде тех, с кем столкнулся Трэвус,
неуклюжих монстров, сгорбленных рабов,
демонов, чья плоть была болезнью.

Сержант Дрео наблюдал за
обстановкой, когда показалась крепость, и
сразу вызвал Сарнегона. Магистр

посмотрел на цель и погрузился в глубокую задумчивость. Как вообще можно напасть на такое место? Это не просто огромная и хорошо укрепленная цитадель, но живая твердыня, злая и смертоносная, не поле боя, но еще один враг. Здесь приходилось действовать максимально просто: пришвартоваться, высадиться и, используя всю быстроту и пробивную мощь Успивающих Души, ворваться в крепость и найти Ве'Мета.

Просто. Как и все лучшие планы. Вот только у твари цель еще проще -- бросить всю орду войск Хаоса вперед и биться до тех пор, пока ни одного Успивающего Души не останется в живых.

Сарнегон отдал приказ техникам, находящимся в трюме «Агского лезвия»:

--- Варук, запускай двигатели. Погойдем с шумом.

--- Принято, сэр!

Двигатели «Грозовых ястребов» взревели под ногами Сарнегона, и «Лакония» рванулась вперед, рассекая волны. «Агское лезвие» не отставало, практически скользя над водой.

стеснившись слегка в сторону, когда
показался берег. Десантники спустились с
палубы в трюм, чтобы провести последние
церемонии перед битвой, оставив несколько
наблюдателей следить за войсками
противника.

Два корабля достигли суши почти
одновременно, но на значительном
расстоянии друг от друга, пытаясь
рассеять силы врага и избежать общей
свалки. Экипажи десантников будут
действовать независимо и встретятся
уже в крепости, если все пойдет по плану,
хотя как раз на это рассчитывать не
стоило. Сарпедон командовал отрядом с
«Агского лезвия», а Каррайдин — с
«Лаконии», правда, оба понимали, что
ударные подразделения поведут Теллос и
Грэвус.

Магистр проверил механизм
болтера, позволив давно заученным
движениям сработать как спусковому
крючку, отсесть все посторонние мысли,
чтобы думать только о войне. Этому
трюку он научился, еще будучи
послушником, когда Вселенная вокруг

казалась гораздо проще. Сарнедон включил защитный контур и почувствовал, как старая энергия кругами расходится по доспехам облегавшим его тело в каждой битве на протяжении вот уже семидесяти лет.

Потом он сошел в трюм проконтролировать, как его боевые братья готовятся к битве.

--- Минута тридцать секунд! --- крикнул Грэвус с носа.

Сто семьдесят с лишним Успивающих Души в трюме «Лакони» возносили последние молитвы Розалу Дорну, дабы он следил за нити и видел их доблесть.

Корабль на всех парах мчался к широкому берегу черного кораллового песка, который полумесяцем раздавался в тени крепости-горы, возвышавшейся над ним. Укрепления противника на виду казались очень грубыми: обломки темных кристаллов, заостренных костей, выступающих из куч насех нагроможденных камней, --- но они были достаточно эффективны против

наступающих войск, у которых нет тяжелого вооружения или артиллерии, способной пробить наскоро построенные баррикады.

Но не они внушали опасения.

На берегу «Лаконию» ждало около пяти тысяч врагов. Впереди стояли бледнокожие, чахлые рабы, закованные в цепи. Позади них расположились огромные зверолюди, пиками и секирами подгонявшие несчастных в воду. Даже на таком расстоянии Грэвус слышал крики невольников и рычание мутантов.

— Тридцать секунд! — объявил сержант и услышал ободряющий щелчок ста семидесяти болтеров, снимаемых с предохранителя.

Корпус «Лаконии» заскрипел по песку, когда берег подполз ближе. Грэвус видел, как солдат-рабов выстроили в оборонительную линию, — они были скованы цепями, продетыми в ошейники, а в руках держали примитивные дубины. Языки подневольных бойцов свисали до подбородка, а мешки век прикрывали полумертвые глаза. Зверолюди уперли и

в спины острия копий. Предательская, трусливая тактика, но эффективная. Успивающие Души завязнут в этом своеобразном пшечном мясе, дав противникам время перегруппироваться и организованно контратаковать.

Существовал только один выход. Придется убить всех.

--- Десять секунд!

«Лакония» глубоко зарылась в коралловое морское дно, но корпусу задребезжали пули. Рабы сошкнули ряды, казалось, и нет числа, из их ртов текла слюна. То ли этим существам промыли мозги, то ли они такими и родились, а разводили их только на еду.

Еще ближе.

--- Вперед! --- закричал Грэвус, вытащив свой силовой топор из ножен на спине.

Раздались два оглушительных взрыва, заряды в трюме в щепки разнесли часть корпуса, и Успивающие Души с боевыми кличами высыпали в полосу прибоя. Тут же завязалась перестрелка. Грэвус прыгнул с носа корабля, вытащил

болтер и открыл огонь.

Рабы напотинали стену стонущей плоти, сошкнувшись вокруг сержанта, как только его ноги коснулись воды. Они размахивали сапосельными дубинами. Грэвус выпустил обойму из болтера прямо в ближайшую группу и с изумлением увидел, что они покачнулись, но продолжают драться, даже утирая. Должно быть, их накачали френзоном или какими-то наркотиками.

— Вперед! — раздался в наушниках крик Каррайдина.

Успивающие Души усилили натиск, выстрелы и цепные мечи выкашивали целые ряды огурманенных рабов, а вода под ними стала пенисто-розовой от крови. Застучал штурмовой болтер капитана, и вспышка силового поля, словно разряд молнии, обрушилась на скопище тел.

Грэвус даже не остановился, чтобы перезарядить оружие. Его видоизмененная рука по огромной дуге нанесла удар топором, проредив ряды атакующих, разрубая тела и конечности. Штурмовики держались возле, помогая преодолеть

ожесточенный отпор, завоевать плацдарм для захвата пляжа. Дубина отскочила от наплечника Грэвуса, а тяжелое лезвие вонзилось в бронированное сочленение колена, но он продвигался только вперед, зная, что его боевые братья не отстают. На коралловом дне уже громоздились холмы трупов, а вода загустела от крови.

--- За мной! --- закричал он, настроившись на частоту подразделения и высоко подняв сверкающий силовой топор, чтобы его все увидели. --- Держитесь рядом и продолжайте двигаться!

Грэвус с риском для жизни огляделся вокруг и увидел огромную фигуру Каррайдина позади себя, ходячую цитадель, распространявшую вокруг волны силового поля, сметающие свору воющих отворотельных гончих. Те как раз сумели зайти в тыл Успивающим Души. Полусгнившие собаки скакали сквозь водную рябь, но Каррайдин выпускал в них заряд за зарядом, а затем срезал очередью погонщиков.

Хороший план --- безмозглое пушечное мясо впереди замедляет десантников, а

быстро передвигающиеся псы окружают их. Против обыкновенного врага он даже мог сработать.

Теллос. Теллоса нигде не было.

Грэвус прокрутил настройку каналов и поймал шум битвы, прорывающийся сквозь разтеренную перекличку Успивающих Души. Два костогесантника из подразделения Хастиса погибли, топчущая толпа рабов сбила их с ног и утопила, вскрыв доспехи коралловыми рубилами. Подразделение Карвика завязло вокруг Каррайдина, по плечи в кровавой воде, зажатое между рабами и стоящими в ряд гонимых. Но большинство Успивающих Души собрались вокруг Грэвуса, отталкивая друг друга, пытаясь прицелиться или замахнуться ценным мечом. Вот это сейчас итело значение. Карвику и Хастису придется защищаться самим. Или прорвутся, или погибнут.

Грэвус никак не мог найти Теллоса, у него просто не было времени на поиски. Он блокировал удар огромной дубины по ногам и обрушил древко топора на противника, почувствовав, как его мощная

видоизмененная рука пробила грудь раба. Сержант рванулся вперед и ощутил, как давление воды неожиданно исчезло, ноги встали на землю, на черный коралловый песок пляжа, а линия слабых мышц распалась.

Теллос.

Сержант Грэвус побывал в тысячах битв в сотне боевых зон, но никогда не видел ничего подобного. Теллос, похоже, просто просочился через первую волну противников, прогрыз путь сквозь стены телл, презирая саму мысль сражаться с пушечным мясом и желая встретиться с настоящим врагом. Он в одиночку достиг пляжа, и тут его окружили зверолюди — самоубийство для солдата, быстрая и жестокая смерть. Но он был не солдатом. Он был Теллосом.

К тому времени, когда Грэвус подбежал к нему, идеальная машина убийства стояла на горе трупов, попирая ногами истерзанные тела, а воющие зверолюди кружили возле совершенного воина, тыкая в него копьями, наконечники которых поблескивали ядом. Вокруг

десантника собралось, наверное, около десяти солдат Хаоса, и он сражался со всеми одновременно, лезвия мелькали так быстро, что просто стали невидимыми, отбрасывая в сторону древки копий и рассекая низменную плоть мутантов. Там, где противникам все-таки удавалось достать его, кожа собиралась складками и затягивалась прежде, чем успевала вытечь первая капля крови.

У Сарнегона были паучьи ноги, у Гивриллиана — множество глаз, у Грэвуса — рука, все остальные братья тоже получили благословение Императора, чтобы лучше исполнять роль, изготовленную Архитектором Судеб. Теллос же после Его прикосновения превратился в человека, созданного для войны: рефлексy, подобные толщи, плоть, которую оружие могло рассекать, не причиняя ей вреда, разум, постоянно жаждущий битвы.

Грэвус встал рядом с Теллосом, присоединившись к бою, искаженные лошадиные лица звероловдей гримасничали от боли и ненависти, ноги с раздвоенными копытами и руки, увенчанные когтями,

полотили по воздуху. Разряды догоняли тех, кто попытался бежать, когда ярость Успивающих Души прорвала оборонительную линию Хаоса, опрокинув туманов, сметав их со скользкими оплошности кровя кораллами.

Запал атаки позволил Грэвусу оглянуться и посмотреть, что происходит с Сарпедоном и «Агским лезвием». Корабль все еще находился на некотором расстоянии от берега, и сержант понял, что на какое-то время экипаж «Лаконии» остался на пляже без поддержки.

Появилось пространство для перегруппировки, время остановиться и критически оценить ситуацию. Каррайдин все еще был где-то сзади, отчаянно стараясь выйти из воды, но большинство десантников уже пробилась на плацдарм. Судя по трупам, противник понес во время высадки Успивающих Души двойные потери. Хорошее начало, подумал Грэвус, а потом сквозь туман и тени огромной крепости увидел коралловые склоны, кишащие подкреплениями Хаоса.

— Занять позиции! — скотанговал он.

рванувшись к оставленным каменным укреплениям. — Перегруппируйтесь в мою сторону, живо!

Десантникам хотелось двигаться быстро, но было бессмысленно контратаковать силы, лавиной спускающиеся по склонам цитадели. Пришлось действовать постепенно: перебежать от одного укрепления к другому, брать их, перегруппировываться и переходить к следующему — до тех пор, пока крепость не окажется вблизи, враг не обратится в бегство, или они все не утрут.

Нет проблем. Их для этого тренировали, их для этого изменяли, их этому обучали. Они для этого родились.

Костодесантники образовали огневые гуси, прикрывая тех, кто все еще боролся с приливом, болтеры и пистолеты равкали вслеп беспорядочно отступающим зверолодам. Грэвус вигел, как спускаются по склонам крепости орды круторогих мутантов и закованных в черную броню воинов. Успивающие Души резко прекратили стрельбу, терпеливо ожидая,

пока противник подойдет на более близкое расстояние. Минута, две — и бойня продолжится с новой силой.

Сержант вставил в болтер новую обойму. Он никогда не полагался на видения и предзнаменования, вместо этого всецело рассчитывая на рефлексы, отработанные до автоматизма в сотнях боев. Но даже он чувствовал истинное зло, бурлящее в крепости наверху. Во сне каждый Успивающий Души видел своего Ве'Мета — Грэвус никак не мог избавиться от образа огромного насекомого-паразита, восседавшего на троне, с черной щетинистой кожей, огромными сегментными глазами и жвалами, грязными от крови.

Сержант потнул головой, отгоняя непрошеные видения. Если они пришли сюда убить эту тварь, тогда все жертвы не напрасны.

Страг был слишком силен — сырой, болотистый, зловоние разложения и смерти волнами накатывало с берега на раненое «Адское лезвие». Пляж виднелся в ста метрах впереди, скрытый

тошнотворным туманом, сквозь который
Сарнегон ловил тени суетящихся
получеловеческих фигур, желавших
сразиться с приближающимися
Успивающими Души.

Они попытались преодолеть
возникшую на пути преграду, но корабль
повело, двигатели взревели, а вода за
кортой вспенилась. Сарнегон не обратил
внимания на запах и треск, раздавшийся
под палубой.

--- Что нас держит, технодесантник?

--- Напоролась на камень! ---
немедленно пришел ответ. --- Мы
набираем воду. Я всех отправляю наверх.

Люки открылись, и десантники
стали подниматься на палубу. Сарнегон
посмотрел вниз и увидел, как вода, пенясь,
врывается в трюм, закручиваясь вокруг
черного камня, пропоровшего обшивку.
Барук боролся с волнами, вода уже
добралась ему до пояса, но магистр
нагнулся и схватил техника за воротник,
помогая выбраться наверх.

Если они останутся, то угодят в
ловушку, а защитники крепости найдут

способ их достать или на собственных кораблях, или с помощью огромных морских монстров, которые так часто мелькали в глубине, когда они сюда добирались. А может, используют что-то летающее. Оставался единственный вариант.

--- Успивающие Души! За борт! ---
Скотанговал Сарнегон. --- Держитесь вместе и, главное, не останавливайтесь! ---
Он подал пример, первым прыгнув в воду.

Глубина была около двух метров, нормальный человек тут утонул бы, но десантники могли держать голову над водой и продвигаться вперед. Восемь ног Сарнегона помогли ему балансировать на неровных коралловых камнях, но десантники вокруг него постоянно спотыкались, удерживаясь на поверхности только благодаря помощи своих братьев. Как только последние Успивающие Души покинули корабль, «Адское лезвие» страшно дернулось и завалилось на один бок.

Вода была теплой. Каким-то образом из-за этого все стало еще хуже.

Сарнегон медленно пошел в сторону

берега, коралл крошился под ногами. Магистр приказал отрядам, находящимся под его командованием, доложить, как только они начнут продвижение к суше. Гивриллан, Дрео, Корван, Карвик, Люко --- здесь была дюжина сержантов подразделений, их люди, а также остатки отрядов, выживших на «Ультиме», техногесантник Варук, капеллан Уктинос и сам Сарнегон.

Клубы тумана катились с берега, открывая резаную рану ждущих их сил. Бледная шероховатая кожа, темная гниющая плоть, сгорбленные плечи и горящие желтые глаза.

Демоны. Be'Mem создал живые воплощения силы Хаоса. На расстоянии они казались зернистыми из-за тумана, ползавших по их телам. Некоторые скакали от нетерпения по берегу, другие лежали, прижавшись к земле.

Срабатывает ли здесь Аг? Говорят, демоны не ведают страха. Но они же никогда не встречались с Сарнегоном.

--- У нас тут что-то под ногами, --- командор, --- раздался трачный голос

сержанта Карлива, который не сражался с бывшим библиарием в звездном форте, но проявил верность во время войны Оргена.

--- Что вы имеете в виду, Карлив?

--- Что-то шевелится в воде.

--- Убейте это и продолжайте двигаться.

Неожиданно посреди группы костогесантников забурлила вода и раздался задыханный крик одного из воинов, которого тварь утянула под воду.

--- Оно утащило Трасса!

Затрещали выстрелы, подразделение Карвика открыло массированный огонь, стараясь попасть в тело твари, уже сожравшей одного бойца. В воде дико зашумели щупальца, сквозь пену выдвинулось что-то бледное и пятнистое.

Неожиданно по глазам ударила вспышка, с шипением поднялось облако пара. Боевание остановилось. Сарнедон понял, что Люко воспользовался когтями-толнителями.

--- Попалась, --- спокойно доложил сержант.

Голос его был непривычно трачен, он,

как и все, понимал, что в воде у них очень мало шансов выжить. Но они не выбирали свою судьбу. Ве'Мет олицетворял все, против чего стоял Архитектор Судеб, и если есть возможность убить его, то надо сделать это, не важно, какой ценой.

Успивающие Души уже подошли достаточно близко к берегу и могли разглядеть наблюдателей, пристально смотрящих на них, постоянно разворачивающихся, чтобы проборотать какие-то инструкции своим братьям-демонам. Где-то дальше по берегу прогремел взрыв — Каррайдин и Грэвус начали атаку. Сарнедон секунду или две послушал передачи — треск болтеров, выкрикиваемые приказы, вопли боли и гнева.

У магистра не было времени. Он услышал выстрел, увидел, как чья-то голова, высунувшаяся из-за камня, взорвалась потоком темно-зеленой крови. Дрео вошел в зону поражения.

С пляжа донесся рев, и демоны одновременно начали атаку, окрашивая воду в темно-зеленый цвет слизью.

сочащейся из их пор, с плеском погружаясь в набегающие волны прибоя, вмести мечей орудуя заточенными стальными лентами. Они были не просто разрозненной бандой, движимой исключительно злобой. Что-то их направляло.

--- Засечь цели и открыть огонь! ---
отдал приказ Сарнедон тактическим отрядам за своей спиной, выйдя на мелководье. --- Ударные группы --- за мной!

Он уже подошел ближе, были ясно видны петли гниющих кишок сквозь порезы в животах демонов, плотоядные взгляды, сверкающих во лбу, открытые рты, болтающиеся губы, обломки гниющих зубов. Зловоние стеной шло впереди врагов, но Сарнедон сорвался на бег и начал атаку, срезав очередью ближайшего демона, когда тот подошел на расстояние выстрела из болтера. Вокруг загрохотали орудия, выбивая куски гнилой плоти из груди монстров.

Магистр чувствовал, как стееется Ве'Мет, наблюдая за ними из разлагающейся коралловой горы. Скоро он погавится стехом.

Успивающие Души и демоны чуть-только столкнулись на телководье, ценные мечи высекали искры из уродливых двуручников. Сарнедон молниеносным движением выхватил из-за спины энергетический посох, блокировал грубый выпад по ногам и, продолжив удар вверх, разрезал мерзкое лицо демона надвое. Твари гнили на глазах, но были очень быстрыми, а их вялые мускулы оказались на удивление сильными. Из истлевшего рта вырвался вой, и монстр нанес десантнику страшный удар чуть ниже пояса. Лезвие соскользнуло, звякнув о кератиновый нагрудник, едва не сбив Сарнедона с двух ног. В момент удара демон раскрылся, магистр уклонился в сторону, вонзив посох в затылок полуразрубленной головы создания, а ствол болтера упер в тело, выпустив полмагазина и развалив монстра пополам.

Демоны презирали боль. В их телах жили переносчики разнообразных болезней, они не обращали внимания на раны, смертельные для людей. Чтобы убить тварей, приходилось полностью расчленять их.

Прекрасно, подумал Сарнедон.

Он отбил еще один удар и выбросил две передние ноги вперед, пронзив демона когтями и разорвав его надвое. Ударное подразделение Карвика подобралось поближе, силовой меч сержанта пронесся над плечом магистра, отрезав руки ближайшему демону. Сарнедон признательно кивнул, Карвик блеснул линзами шлема и развернулся, командуя своими людьми. Вокруг царило безумие, жестокая битва — чутные демоны наступали, окруженные облаками тумана. Испивающие Души встречали их цепными мечами, куски отвратительного мяса падали в воду. Но демоны оказались слишком сильными, к тому же имели численное превосходство. Подразделение Дрео сдало один фланг, четыре человека уже погибли, наступление захлебнулось, а на берегу собралось еще больше гнусных тварей.

Плაცдарм захватить не удалось. Испивающих Души через несколько минут окончательно окружают и забьют прямо здесь, в воде.

Время гля Ага.

Чего боялись демоны? Ничего? Да, но у них был разум, хотя любой нормальный человек никогда не сможет его понять. У них были желания, они ненавидели, испытывали страсть, как и все во Вселенной. Они боялись. Чего?

Сарнедон посмотрел на десантников, сражающихся по пояс в воде. Самые великие воины Человечества, гордые солдаты императорской воли. Их вполне мог бояться даже самый низко нависший разум. Вот таким и будет Аг созданий Ве'Мета.

Магистр почувствовал, как жарким белым светом растекся по коже защитный контур, когда он позволил психической энергии выплеснуться обширным потоком, поразившись ее невиданной мощи. С каждым днем его сила росла, и теперь Сарнедон освободил ее одним толчком. Вокруг забурлил прилив Ага.

Глаза его боевых братьев засверкали праведным гневом. Их мечи стали вспышками молнии, болтеры изрыгали реки огня. Они выросли на пять метров,

свадцать пять, пятьдесят. Небо, заволоченное облаками, отпрянуло от них в ужасе, а вода отступила в животном страхе. Сарнедон чувствовал, как бьется в нем сила, изливаясь в других десантников. Чаши на наплечниках до краев наполнились кровью, маски на шлемах стали мрачными и угрожающими. Те, кто был вынужден сражаться без доспехов, сверкали силой, их кожа светилась, как будто отражая пули и удары мечей, подобно кератиту.

Сарнедон поднялся из приboя, мощь пронизала энергетический посох в его руке. Сейчас он был героем Человечества, чьи подвиги останутся в истории, когда ложивый Империят рухнет под собственным весом, а огонь праведности сожжет врагов Императора даже в самом отдаленном уголке Галактики. Он был Розалом Дорном, сражающимся с предательскими ордами Хоруса на стенах Земли. Он был огромным и страшным полубогом мести, шагнущим в гущу чуждых демонов.

Атака захлебнулась, монстры своим

больным разумом пытались справиться с величием воинов, представших перед ними. Лезвия на секунду перестали рассекать воздух, и в это мгновение Успивающие Души слаженно выступили вперед с Сарнедоном во главе. Посох магаистра пронзал уродливые тела. Он разметал массу тварей, поверг их в шок, они побежали, а за ними по пятам следовали штурмовики и пули тактических подразделений.

Кое-кто из противников пытался сопротивляться, и среди них Сарнедон увидел лидера, руководящего организмом демонов, гиганта, казалось состоящего из одних обнаженных блестящих мускулов, с лицом, на котором красовались массивные жвала и сотня крохотных мушинных глазок. В культи руки воина Хаоса поблескивала остро заточенная стальная полоса, воткнутая прямо в мясо обрубка. Вокруг него скулили демоны.

Надо убить этого жуткого монстра, и фронт противника падет.

Сарнедон, наклоняясь вперед, выбежал на пляж, обогнав наступающих

десантников, сражающихся с грозившими
исчадиями Ве'Мета, и направился к
предводителю войск неприятеля, который
остелился выступить против него.

Телентий Ворн увидел наступающего
командора и вознес хвалу Напаше Нурглу,
который дал ему такую возможность. О,
слава гниению, руки его станут
скользкими от крови праведников, а тело
получит смертоносный дар Ве'Мета!

Враг оказался высоким, закованным в
массивные пурпурные доспехи, украшенные
костями и золотом, символ потира ярко
горел на его плече. Костодесантники,
самая упорствующая в своих заблуждениях
часть человечества, просто не желаящая
замечать величественную скверну Нургла.
Прекрасный трофей, который Ворн
принесет в дар Ве'Мету. Правда, этот
сильно отличался от остальных. Из его
тела выдавались восемь ног, как у паука,
которые помогли десантнику
передвигаться гораздо быстрее своих
братьев. В одной руке враг сжимал
глинный посох, а глаза его горели гневом.
Ворн видел, как этот гигант использовал

какой-то трюк, повергший демона в ужас, но сам был выше таких вещей, Ве'Мет защитил его разум от любой магии.

Хныкающая свора слуг сгрудилась вокруг своего предводителя, с их губ капала слюна в предвкушении убийства, а он неторопливым шагом направился к своей жертве. Ворн сделал вынаг огромный лезвием, но враг оказался быстрым и отразил завертевшийся меч, подставив наплечник. Он ударил посохом и пронзил голову стоящего рядом чуждого демона, провернув и сломав хрящеватый позвоночник.

ДОСТОЙНЫЙ противник. Ворн напотнил себе принести благодарности Ве'Мету и Папаше Нурглу за возможность показать свою преданность Лорду Разложения.

Гелентий подступил поближе и обрушил огромный кулак на грудь врага, став кералит и заставив костодесантника слегка отступить, но неожиданно получил удар по ногам и рухнул на колючий черный песок. Противник увидел, что Ворн открылся, и

сильным ударом посоха отвесно вниз пронзил плечо Ворна, чуть не раздробив череп.

Заносчивость! Дерзость!

Гелентий поднялся на ноги и хлопснул мечом, задев плечо и руку десантника. Тот отпрянул и блокировал опускающееся лезвие посохом. Ворна наклонился, схватил одну из странных паучьих ног, провернул и потянул, почувствовав, как с хрустом рвутся сухожилия.

Костодесантник взревел от злобы, увидев искалеченную ногу, из культи которой струей была ярко-красная кровь.

Ворн нанес ему рану. Теперь осталось только убить.

Обжигающая боль факелом вспыхнула в мозгу Сарнегона, волной разливаясь от культи левой средней ноги. Ее держал в своей отвратительной лапе освеженный монстр, стоящий рядом, триумф горел в куче сегментных глазок. Звук битвы, кипевшей вокруг, стрельба, завывания демонов отступили назад, скрывшись за белой стеной агонии.

Боль пройдет. Сарнегон получал и худшие раны. У него осталось еще семь ног.

Избранник Хаоса рванулся вперед, надеясь упрочить свою маленькую победу и прикончить Сарнегона. Магистр отступил, уклоняясь от широких размашистых ударов покрытого пятнами меча бойца. Десантник берег свою левую сторону, но знал, что противник не из тех, кто отвлекается. Нечеловечески сильный, он был так же безразличен к боли, как и снующие вокруг демоны.

Меч чуть не угодил Сарнегону в голову, он уклонился, но пропустил удар огромного мясистого колена в горло. Он взмахнул когтем, подкрепив атаку посохом, и, когда воин отступил, ребром свободной лапы вонзил в ногу противника. Где-то под скользкими мышцами хрустнула кость. Избранник Хаоса ничего не заметил, развернулся на пятках и обрушил лезвие на затылок Сарнегона.

Удар оказался быстрым и сильным, вот только не было в нем утонченности, только жестокость и злость. Сарнегон не

мог бороться против такой грубости, каждый его прием, каждый хитрый ход отражался голой тупой силой воина. Значит, надо стать сильнее его.

Битва из дуэли превратилась в драку. Воин нанес широкий дуговой удар поверху, надеясь обезглавить Сарнегона. Тот поставил наплечник, ответив взмахом посоха. Противник блокировал атаку, но Сарнегон ударил снова и снова, пытаясь пробить оборону, заставляя избранника Хаоса постепенно отступать назад. Используя свободную руку, предводитель демонов ткнул заостренным локтем, целясь в лицо магистру, и хотел схватить его за шею своими узловатыми пальцами. Но Сарнегон полностью сконцентрировался на атаке, не отступая, не переводя дыхания, надеясь, что этого окажется достаточно.

Энергетический посох, потрескивая от психической энергии, резко пошел вниз, воин парировал его широким дуговым выпадом, направив острие оружия в песок под ногами сражающихся. Атака Сарнегона приостановилась, и на

мгновение оба бойца открылись для контрнаступления.

Магистр оказался на долю секунды быстрее, рефлекс, отточенный за десятилетия тренировок и сражений, превосходили инстинкты существа, посвятившего всю свою жизнь Темным Богам. Сарнедон поднялся на задние ноги и обрушился вниз, метя когтем в руку противника, из которой торчал меч. Мерзкий, усеянный жвалами рот монстра разверзся в крике, он забыл, когда Сарнедон бросил на землю посох и погрузил бронированные пальцы в его фасетчатые глаза. Свободной рукой он вытащил болтер, упер дуло в горло врага и нажал на курок. Из затылка воина Хаоса вырвалась корона грязной крови.

Он не умер. Но был близок к этому.

Воин дико закрутился на месте, куски черепа разлетелись во все стороны. Сарнедон прыгнул на него, сбив с ног. Остаток магазина он разрядил противнику в грудь, разорвав в клочья грудную клетку и размета в рваные кровавые куски внутренних органов. Когда

магазин опустел, магистр наклонился и оторвал ребра прислужника Хаоса, погрузив руки в мясистую массу, вырвав кожистые легкие и мерзкое, все еще бьющееся сердце, зная, что тварь, подобную этой, убить очень трудно. Но она все еще билась и редела под ним, огромный заржавленный меч метался в воздухе, тошнотворная кровь забрызгала песок вокруг.

Сарнегон схватил уродливую голову воина и полностью оторвал ее от плеч, отбросив в сторону, а жвала противника продолжали сжиматься, блестящие глаза горели.

Когда тварь затихла, Сарнегон, подобрав оружие и посох, оглянулся, чтобы посмотреть, как продвигаются остальные десантники. Демоны беспорядочно отступали, а Успивающие Души неожиданно остановились, собираясь силами перед атакой крепости. Изломанная местность позволяла найти укрытие перед подъездом в святилище Be'Mema.

Магистр встал, заблокировав боль

от оторванной ноги, толчками разливающуюся по телу. Он присоединился к передовому отряду, бегущему по остаткам баррикад, выкашивая отдаленные силы Хаоса выстрелами из болтера, а вокруг них по-прежнему горел Ag.

Некоторое время Гелентий Ворн лежал на черном коралловом песке, стараясь заставить паразитов, опутывающих его тело, заново сшить разбросанные органы. Он мог выжить без головы, с разорванной грудной клеткой, но не с такими повреждениями.

Поможет ли ему Лорг Нүргл? Всетогущий Нүргл, да будут благословлены его последователи выносливыми телами, презирающими раны. Но когда Ворн оставшимися глазами взглянул в пүрпүрное небо, то понял, что даже Ве'Мет, самый могущественный слуга Нүргла, сейчас не сможет его спасти.

Костодесантник заплатит, в этом Гелентий не сомневался. Если крепость не убьет его, то сам принц-демон. Но он так

жаждал почувствовать наивно чистую
кровь десантника на своих руках,
посмотреть в его глаза, когда он вырвал
бы его сердце...

На этот мысли оборвались. Устекая
кровью на песке, расчлененный, Ворн
наконец умер.

Глава двенадцатая

Гул смерти эхом раздавался по пропитанным желчью склонам крепости Ве'Мета. Скрежет прерывающейся жизни, тонкий запах боли, рев гнева. Отдаленный треск выстрелов утонул в изысканном шуме, который издают живые существа, когда внезапно умирают. Но теперь на острове стало слишком много смерти, причём убивали в основном слуг Ве'Мета. Костогое-сантники тоже гибли, их агония доставляла наслаждение, но демоны десятками рвали на куски, изгоняя их души обратно в варн, а рабов и звероловцев убивали толпами. Предводитель неоскверненных расчленил Ге-лентия Ворна, лучшего воина Нургла, хотя Ве'Мет был уверен, что такое не под силу смертному.

Лорд-демон послал команду сквозь живой камень цитадели. Каждый слуга, обитающий внутри этих стен, стал предельно внимательным и отправился, скользя или ковыляя, к назначенной

позиции, готовясь получить задание и
отразить нашествие во имя разложения.
Даже если имперские слабаки все-таки
доберутся до комнаты-абсцесса, его
телохранители тут же с ними
разберутся.

А если не стогнут? Ну что ж, тогда
Бе'Мету лично придется иметь с ними
дело.

Носитель вышел из общего ряда и
прошел в дальнюю часть зала, где принц-
демон устроил для себя святилище.
Символы разных культов и миров,
находящихся под его властью, были
свалены в кучу рядом с истекающей
желчью коралловой стеной — грубые иголки
бога-насекомого, великоленно выделанные
реликвии в форме золотых змей, тотемы
из высушенных голов и человеческих
костей, сотни грубых предметов. Бе'Мет
одним ударом скинул их на пол, найдя
деревянную коробочку, горящую рунатами,
предостерегающими недостойных.
Носитель поднял крышку, запустил внутрь
руку и вынул Арзота.

Бе'Мету доставляло удовольствие

хранить память о тех днях, когда он еще был единым телом. Во время глинного путешествия сквозь Око Ужаса ему сильно досаждал демон Аргаот, который пришел в ярость, когда увидел гноящиеся отметины благосклонности бога чумы, ниспосланные на Ве'Мета. Противник наслал на него тысячу своих отпрысков, но молодой воин встретился с ними лицом к лицу и победил, разбив всех в сражении. Тогда Аргаот напал на него сам, но и тогда принц не уступил, покарав ничтожество. Он поверг врага на землю и прочитал заклинание подчинения, заставив его сущность исполнять свои желания, а потом превратил демона в любимую игрушку, чем-то напоминающую пистолет.

Аргаот тысячелетиями томился в заточении, гнев изменил его. Символ оружия стал искривленным и покрылся зубами, металл вывернулся, на нем проступили черты лиц, они скрежетали челюстями и время от времени издавали протяжные крики. В магазине, подвешенном внизу, тысячи юных Аргаотов

избивались в плену, ожидая освобождения.

Если костогесантники остелятся пересечь порог зала Ве'Мета, их желание исполнится и поверженный демон заговорит еще раз.

--- Апотекарий!

Грэвус посмотрел через плечо, увидев, как Паллас бежит к ним. На земле лежал гесантник из подразделения Хастиса, пытавшийся задохнуться обратно легкие, лезущие сквозь огромную рану в груди. Воин знал, что скоро умрет, и вызвал Палласа забрать генокод и отправить его обратно на корабль Оргена.

Храбрый парень, подумал сержант, впрочем, как и все.

Переговой отряд Грэвуса продвигался по пляжу, очищая укрепления из черного камня от мутантов и солдат Хаоса. Каррайдин и подразделение Хастиса не отставали, оставляя на песке след из окровавленных трупов. Успивающие Души уже достигли подножия усеянной пещератми крепости, и теперь их поливали огнем из сотни дыр сверху. Оружие защитников крепости было грубым и плохо

пристрелянным, но его оказалось слишком
много.

--- Грэвус, отзовись! --- крикнул
Каррайдин, а его огромная, закованная в
доспехи фигура появилась на крошке
баррикады, за которой спрятался сержант.

Грэвус посмотрел через брествер.
Успивающие Души все еще прибывали с
окрутанного дымом пляжа.

--- Надо передохнуть. Если мы начнем
шторм сейчас, то половину парней
потеряем под огнем.

Каррайдин рискнул поднять голову,
осматривая огневые точки в крепости над
ними.

--- Цитадель кипит жизнью. Там,
должно быть, тысячи воинов.

--- Ну, это нам только на руку,
капитан. Заткнутые пространства,
близкий контакт. Обыкновенная
абордажная операция.

Каррайдин мрачно улыбнулся. Он
участвовал в сотнях захватов
костицеских кораблей, для которых в
основном и были сделаны массивные
доспехи терминатора, и очень хорошо

знал, какая дикая резня практически вслепую ждет их внутри крепости.

--- Не может ты ждать, --- ответил капитан.

Грэвус одобрительно хмыкнул.

Еще один человек в пурпурных доспехах нырнул под прикрытие скалы, нули чиркнули по песку прямо за ним. Это был сержант Карвик с ценным мечом в руке.

--- Мое подразделение заняло позицию, сэр, --- прохрипел он.

Его отряд попал в серьезную засаду на мелководье, когда главные силы уже прошли вперед, и, похоже, парням пришлось бежать под огнем из крепости, прорываясь сквозь отставшие ряды солдат Хаоса.

--- Испивающие Души, за мной! --- объявил Каррайдин по внутренней связи и перетахнул через стену.

Десантники вырвались из укрытий и побежали следом, изредка стреляя по бойницам вверх. Грэвус видел, как они падали, некоторым помогли встать пробежавшие рядом боевые братья, некоторые поднимались сами, а другие

оставались лежать там, где упали.

Каррайдин заметил отверстие в стене крепости --- иззубренный вход пещеры, из которого бежал ручей тошнотворного коричневого гноя. Внутри замелькали солдаты Хаоса, сгорбленные фигуры, закутанные в лохмотья они устанавливали автомашку, прикрывая вход. Очередь из болтера капитана заставила их пригнуться, и, когда они сумели наконец выпустить парч зарядов, ударная группа уже ворвалась в пещеру --- сержант Теллос в передних рядах. Три десантника упали, насквозь прошитые зарядати автомашки, пока обороняющихся не порезали на куски. Успивающие Души ворвались внутрь.

Глаза Грэвуса быстро привыкли к темноте, и он сразу понял, что это здание не построили, а вырастили. Туннель, идущий в сердце цитадели, казался рубчатым и морщинистым, внутренним органом давно умершего или спящего существа, способного ожить или проснуться в любой момент. А мозгом этого монстра был Ве'Мет.

Переговоры отряды уже углубились
внутри метров на пятьдесят, впереди шли
Грэвус и Каррайдин, методично
отстреливая все, на свою беду
пошевелившееся в темноте.

--- Какие планы? --- спросил капитан.

В любой нормальной ситуации
десантник, десятилетиями
оттачивавший боевые инстинкты,
спокойно взвесил бы все возможности и
аккуратно выбрал маршрут, максимально
близко подводящий его к заданной цели. Но
в такой обстановке Успивающие Души
оказались впервые, поэтому Грэвус не стал
прикидывать варианты, он точно знал,
куда надо двигаться, чтобы уничтожить
заразу, изуродовавшую всю планету.

--- Думаю, нам надо идти вверх.

Аг все еще был с ними. Сарнегон не
мог его выключить, даже если бы захотел.
Он сделал Успивающих Души
десятиметровыми, ужасающими ангелами
смерти с оружием, извергающим гром, и
мечами, похожими на молнии. Они
потеряли дюжину человек, когда их
обстреляли из тяжелых орудий, покрывших

воронками все вокруг, еще десять погибли в щупальцах тварей, стекающих с потолка пещеры, в которую ворвались десантники.

Но они не замедлили движения. Классический штурм Успивающих Души быстрый и смертоносный, пренебрегающий опасностью и уничтожающий все на своем пути. Кривобокие рабы в панике разбежались перед ними, мощные воины в черных доспехах распагались под ударами мечей. С Сарнедоном во главе десантники бежали по туннелям и полостям, забитым гниющим мясом, перепрыгивали через расселины, до краев наполненные трупами, пересекали мосты, сделанные из человеческих костей.

Цитадель наполнилась жизнью: в коридорах копошились насекомые, на потолках висели крылатые твари, больше похожие на скелеты летучих мышей. Большинство живых организмов инстинктивно разбежалось при подходе Успивающих Души, чувствуя ауру справедливой смерти. Некоторые оставались и дрались, подчиняясь воле Ве'Мета, но Успивающие Души разрывали на куски

раздутых безглазых монстров и
кривоногих гутаноидов, бегающих по
стенам, продолжая движение.
Подразделения Дрео и Гивриллиана
подстрелили около сотни врагов. Ударная
группа Сарнедона, орудуя своего
когтями, прорубила себе путь через свое
большее число противников и вскоре
достигла огромных подземных озер желчи,
усеянных островками из складчатой кожи
и возвышающимися соборами с колоннами
из запекшейся крови.

Бе'Мет знал, что они здесь, и
пробудил крепость. Стены вокруг дрожали,
сочась влагой, оборона становилась все
более организованной по мере того, как
десантники поднимались выше и выше.
Каверны зияли рядами остро заточенных
пик. Изуродованные звери вытащили на
перекрестки коридоров пушку, выщербив
снарядами стены, но Успивающие Души
разделались с оборонявшимися, а потом
развернули оружие и расчистили
пространство впереди.

Сарнедон знал, что они уже близко.
Вулканический купол кипящего гноя

бүшевал наг нити, а черный стех эхот
раскатывался в голове. Он чувствовал, как
на него все сильнее давит огромная
ответственность, гнетущая, как страд
крепости. Они уже достигли зоны прямого
поражения цели, и вдруг перед магистром
огнем полыхнула возможность провала
операции.

Однако Сарнегон поборол сомнение в
своей душе. Он руководил самой важной
миссией в истории Оргена. Они должны
убить Ве'Мета или умереть. Они не
вернутся на «Сломанный хребет», потерпев
поражение.

Сарнегон свернул за угол и увидел
перед собой библиотеку. Пещера была
такой же большой, как храм Дорна на
«Славе». Стены походили на кровоточащее,
прошитое венками мясо, а огромные
фолианты грохотались друг на друга,
так что высокие, накренившиеся башни
книг исчезали под потолком. Вокруг
лежали миллионы томов, переплетенных в
шкуру демонов, со страницами из кожи и
костяными застежками, таблички
черного камня, испещренные рунами, и

свитки татуировок, вырезанных со спин поклоняющихся принцу-демону. Они разлагались на каждом квадратном сантиметре, в любой закоулке шелестели гниющие кучи страшной древней мудрости. Магистр слышал шепот, тексты не переставая рассказывали свои тайны на тысяче языков.

Это была коллекция мерзости, проповеди именов Вет'Мета, обширная могила богохульства, дававшая силу принцу-демону.

Сарнегон уже хотел позвать огнеметчиков, когда о коленное сочленение доспеха звякнула пуля, а еще одна вонзилась в десантника из подразделения Гивриллиана.

Выстрел болтера. Сарнегон узнал бы его везде, но этот звук был другим, каким-то низким, кость десантники не использовали такую модель уже тысячу лет...

--- Предатели! --- закричал он, бросаясь на пол за секунду до того, как воздух взорвался пулями.

Стена огня из болтеров рассекала

библиотеку, превращая в труху книги
скверны и вбиваясь в десантников,
убегающих в зал через арочный проход
коридора. Двадцать жизненных рун
мигнули и погасли на визоре Сарнегона, а
куски плоти, вырванные из мясистых стен,
дождем осыпали залегших бойцов.

Десантники Хаоса. Легион
изменников. Отвернувшиеся от света
Императора, предавшие Человечество
десять тысяч лет назад, когда Бог-
Император живым ходил среди смертных,
а Имперские Кулаки Розала Дорна еще
только ожидали разделения на Оргены.
Это был знак. Архитектор Судеб направил
их в это место не только для того, чтобы
убить Ве'Мета, он толкнул их с
символом того, что происходит, когда
вера потеряна и уничтожена, когда
щупальца врага проникают в сердце
человека и он забывает о священной воле
Императора.

Сарнегон видел только вспышки,
вырывающиеся из стволов болтеров, ---
противник занял очень удобную позицию за
грудями книг и возвышающимися полками

с другой стороны зала. Узменники были дисциплинированными и точными, не растеряли боевых навыков. Качества, определяющие космодесантника как солдата, остались при них, вот только верности и достоинства они давно лишились.

--- Вперед! --- раздался крик капеллана Уктиноса, и он повел людей Карвика вглубь библиотеки, надеясь сокрушить предателей под прикрытием огня своих боевых братьев.

Но враги, казалось, не замечали пуль, разрывавших распадающиеся книги и изъеденные червями полки. Подразделение Карвика разорвали на куски, погиб и сам сержант. Оставшиеся в живых поспешили укрыться, когда вокруг прямо из пола стали расти плотные горы мяса. Один из десантников подхватил ценной мечом бывшего командира. Карвик бился этим оружием двадцать лет, и его бы порадовала мысль, что меч продолжит свое дело в других руках.

--- Если нам суждено умереть, мы умрем, --- раздался в наушниках голос

Уктиноса. — Но может, есть какие-то альтернативы, командор...

— Нам нужно обойти их с флангов, — ответил Сарнедон, спешно пытаясь что-нибудь придумать. — Гивриллиан!

— Наверя ли, командор, — ответил сержант, пробравшийся сквозь завалы к магистру. — Они заняли возвышенную зону, сидят под отличным прикрытием. Все наши маневры у них как на ладони.

Гивриллиан был прав. Успивающим Души придется пробиваться через несколько шатающихся книжных завалов под десять метров высотой. Они могли и пробить их, вызвав настоящую лавину, которая погребла бы всех заживо, или вскарабкаться по ним. Последний вариант походил на организованное самоубийство — все равно что карабкаться по голому утесу под прицельным огнем. В любом случае предатели-десантники смогут спокойно отстреливать нападающих при любых маневрах и легко перегруппируются, как только поймут, что их обходят с флангов.

Но еще ничего не потеряно. Всегда есть надежда на прекрасную смерть в бою.

с настоящим врагом.

--- Уктинос!

--- Командор?

--- Кажется, мы все утратим. Помолись за нас, а потом начинай наступление.

Грэвус пробивался сквозь стремительную кровавую реку, уже добравшуюся до подбородка. Ноги стинали от тяжести кучи костей на дне канала, а мимо проносились какие-то крохотные востроносые твари.

Он возглавлял передовую группу, позади шли Теллос и подразделения нападения, замыкал Каррайдин. Как только они вошли в крепость, то сразу поняли, что находятся внутри какого-то колоссального живого существа. Стали продираться сквозь грязь и тину кишок, еле спаслись от разъедающих струй газов, вырывающихся из мясистых стен легких, а сейчас с трудом преодолевали сбивающий с ног поток в венах. Пол сотрясало биение злого сердца, по стенам перекатывались потоки вдыхаемого воздуха. Грэвус кожей чувствовал жужжание жирного бога-насекомого, нависшего над ними, ждущего

их, жаждущего крови костогесантников.

--- Впереди проем! --- раздался в наушниках голос сержанта Хастиса, подразделение которого шло первым.

--- Вперед! --- не задумываясь, приказал Грэвус.

Доспехи Испивающих Души уже покрылись кислотными разводами тающего керамика, не выдерживая соседства с оскверненной кровью крепости.

Впереди гесантники помогли гругу гругу выйти из засасывающего потока. Сверху протянулась рука, и Грэвуса вытащили на крошку скользкой скалы. Перед ним открылся странный коридор, стены которого слегка пульсировали и сокращались. Он, извиваясь, шел вверх.

Заглушая гул кровавого потока, заревел штурмовой болтер.

--- У нас кто-то на хвосте, --- передал Каррайдин. Шум стрельбы неожиданно соприкоснулся.

--- Каррайдин? Это ты стрелял? --- спросил Грэвус.

--- Нет. Немедленно открывайте огонь.

Стрельба из болтеров. Стрельба из болтеров, нет сомнения, но не их, может, Сарнегона...

А потом Грэвус увидел разрубленную голову космогесантника Хаоса. Это был не шлем, а именно голова, хотя и походившая формой на шлем космогесантников, покрытый кожей. На месте светозащитных линз зияли живые, влажные, покрытые катарактой глаза.

Прислужник Хаоса вынырнул из кровавого потока позади Теллоса, но сержант опередил противника и вспорол ему живот. Грэвус кинулся на второго. Когда-то это существо, несомненно, было гесанником, но теперь его доспехи покрылся кожей, кровоточащей от язв и порезов. Некоторые органы висели снаружи — петли некротических кишок и пульсирующие, плюющиеся слизью клапаны. Вместо решетки фильтра на лицевой маске виднелись острые, покрытые ржавчиной зубы, а на губе болтера зиял мясистый рот, буквально выплевывающий пуги. На коже наплечника был вытатуирован символ из трех сфер,

который Грэвус уже видел на машинах артиллерии перебежчиков и на телах жертв, зарезанных солдатами Хаоса.

Сержант едва заметил возвышающиеся над ним тома и огромные стопки гниющих книг. Он краем уха слышал отдаленные выстрелы внизу, где люди Сарнегона пытались пробиться сквозь ряды изменников. Его внимание поглотил враг, которому он вонзил лезвие топора прямо в диафрагму, взрезав мертвую плоть.

Десантник Хаоса попытался выстрелить из болтера, но видоизмененная рука Грэвуса действовала столь быстро, что удар сержанта отбил оружие врага и на обратном пути вонзился в его грудь до позвоночника. Топор провернулся, разрубив десантника от ключицы до грудины.

Теллос уже оказался в гуще схватки, убивая все вокруг себя, а за ним по пятам следовали штурмовики.

Сверху на них лился огонь из болтеров, но все же Десантники Хаоса дрогнули, стяли ряды, пытались

перестроиться, составит новую оборонную линию. Испивающие Души не позволили противнику прийти в себя, не дав даже краткой передышки.

Грэвус посмотрел сквозь завлакивающий все вокруг кровавый туман и приметил следующую цель, похоже командира, размахивающего мечом, на лезвии которого скрежетали зубы.

Он вытащил топор из бьющегося в конвульсиях тела под ногами и ринулся в атаку.

--- Мы их отбросили, командор! Давайте двигайтесь, вперед!

В наушниках кричал Каррайдин, но этот голос вполне мог прийти от самого Рогала Дорна.

--- Вы слышали капитана! --- заорал Сарнедон. --- Вперед!

Стена огня, удерживающая десантников, сломалась, противник запаниковал. Сверху раздавался треск ценных мечей, прорезающих силовые доспехи. Передовой отряд Сарнедона быстро пересек зловонное пространство

библиотеки Ве'Мета и нырнул в проход, зияющий в дальней стене и похожий на открытую рану.

Магистр перепрыгнул через скользящие стопки книг и ворвался в коридор, резко уходящий вверх. Потеряв ноги не затедела его. Смах Ве'Мета стал уже таким громким, что заглушал даже мысли. Защитный контур капюшона обжигал обнаженную кожу, пытаясь защитить разум телената.

— Это оно, сэр? — выдохнул Гивриллиан рядом, прекрасно понимая, что они добрались до цели.

— Держитесь ближе, — ответил Сарнедон. — Быстро, слаженно и без бегов.

На самом деле сейчас Испивающие Души не нуждались в командах, просто хотели услышать эти слова, набившие осколки еще во время послушничества, вспомнить прошлое, зацепиться хоть за какое-то подобие нормальности в преддверии кошмара.

Никто не знал, как убить Ве'Мета. Никто не знал, как он выглядит. Те

немногие, кто видел принцев-демонов на поле боя, рассказывали разные истории, не повторяя друг друга. Хаос постоянно менялся и никогда не появлялся дважды в одинаковой форме.

Ведь не мог быть чем угодно. Утешало одно: во Вселенной практически не существует созданий, которых нельзя убить болтером или ценным мечом.

Вокруг стоял изнуряющий зной, но ни один из десантников не сбивал шага. Мускулы коридора сокращались, стараясь отбросить воинов прочь, но те намертво вцепились в резиновую плоть и держались, упорно продвигаясь вперед.

На вершине путь десанникам преградил сожженный кулак мяса. Ценной меч с воет прорезал его, и Сарнедон продрался внутрь с помощью своих когтей.

Доля секунды понадобилась магистру, чтобы привыкнуть к темноте. Вся крепость была погружена в чернильный трек, но здесь пульсировало что-то еще, бездонная яма черноты, как будто величие зла высосало свет из окружающего пространства и сожрало его.

А потом удрученные глаза Сарнедона увидели Ве'Мета в его поглинном обличье.

У принца-демона оказалось огромное количество тел, от семисот до девятисот по примерным подсчетам Сарнедона. Они расположились по залу жесткими квадратами. Это были женщины и мужчины — в инженерных робах, аристократических нарядах, жалких обносках и камуфляжных формах, одни приземистые и мускулистые от повышенной гравитации, другие с гибкими конечностями и тонкими лицами из-за постоянной жизни в невесомости. На каждом лице застыло напряжение. Все взгляды устремились на Сарнедона.

В середине толпы что-то зашевелилось, и магистр увидел, что один из них держит в руках оружие, нечто древнее, покрытое рунами, сияющее силой. Пистолет.

Первая пуля с жужжанием пронеслась сквозь грудь брата Никкоса, а потом ударила его снова и снова, рассекая воздух по широким вытянутым орбитам, вновь и вновь пробиваясь сквозь броню десантника.

Никкос покачнулся и распался на части, детали доспехов со звоном упали на отполированный черный коралл, потянувшись за собой куски тела.

Пока первая пуля вилась вокруг своего хозяина, по пути скосив несколько тел Ве'Мета, еще одна вырвалась из дула пистолета, поразив следующего десантника, затем следующая, а потом еще одна, каждый раз выбирая нового Успивающего Души, пронзая его дюжину раз, разрывая на части.

Рты открылись. Восемьсот голосов растеялись.

Десантники вбегали в зал позади Сарнегона и погибали. Сержант Дрес рухнул на пол, увернувшись от пули джемона, пролетевшей рядом с ним, та вонзилась в стоящего сзади бойца. Капеллан Уктинос на полной скорости обогнул два распадающихся тела и разрубил крошечным трех носителей, их отбросило назад вспышкой силового поля. Еще больше утерло от возвращающихся пуль, но Успивающие Души гибли быстрее, а воздух наполнился отвратительным

жужжанием демонов.

Меткий выстрел попал стрелку в горло, но его тут же заменил другой, немедленно выпустив еще одну пулю. Древнее оружие оглушительно грохотало, вокруг утирали боевые братья, а очередного погибшего стрелка немедленно сменял следующий.

--- Соблюдайте дисциплину! Нам надо убить их всех! --- закричал Сарнедон и тут же выдвинулся, как Гивриллина, многоглазого сержанта, его самого утлого и верного друга, пронзил крохотный светящийся демонстр, хотя десантник успел разрядить в него. Ве'Мета целую обойму.

Над криками утирающих и грохотом выстрелов царствовал стех, вырывающийся из глоток носителей принца-демона, разрывающий голову Сарнедона. Он постарался сориентироваться и зацепился взглядом за сержанта Дрео, пытавшегося выстроить линию огня. Половина его подразделения уже погибла.

Они должны убить каждое тело. Ве'Мет защищал себя не солдатами, не

демоническим оружием, а числом носителей, он мог выжить, даже если останется только одно тело, зараженное вирусом. Тварь размножалась с потрясающей скоростью, могла инфицировать тысячи людей, а сейчас предвкусывала, как завладеет разумом десантников.

Существовал только один путь. Сарнедон много раз видел эту церемонию и презирал ее. Если в живых останется достаточно десантников, если они смогут сохранить дисциплину, видя, как вокруг каждую секунду умирают боевые братья...

— Сержант Дрео! — закричал Сарнедон. — Осуществить казнь!

— Церемония казни, равнение на меня! — откликнулся Дрео, и оставшиеся Испивающие Души выстроились для исполнения ритуала.

Они проводили его много раз, когда врагов Императора захватывали живыми или когда братья совершали такой серьезный проступок, что единственным наказанием для них становилась смерть. Во время войны Оргена казнили немало

человек --- нераскаившихся бунтовщиков
погвергли массовому расстрелу прямо в
нефе храма Дорна.

Погибла еще дюжина десантников. В
огневой линии постоянно зияли провалы. Но
сержант Дрео не давал приказа стрелять.
Он хорошо знал, что для чистого убийства
нужна концентрированная стена огня.
Промедление стоило жизни многим, и все
ради одного сфокусированного залпа.

Болтеры вышли на позицию,
десантники встали в две шеренги,
передняя опустилась на одно колено.

--- Огонь! --- выплюнул приказ Дрео, и
первая линия выстрелила.

Сотня носителей Ве'Мета упала как
погкошенная, навывлет пронзенная
разрывными пулями. Десантники
отстрелялись, пролив дождь огня,
проредивший тела зараженных. Стрелок
упал, к нему тут же подбежал другой, но
его отшвырнуло к стене.

Передний ряд стал менять магазины,
и тогда в бой вступила вторая шеренга, не
дав оборваться волне огня, прокатившейся
по залу. Через несколько секунд пули уже

чавкали, погружаясь в изуродованные останки восьмисот трупов, сочащихся нечистой кровью.

--- Прекратить огонь! --- крикнул Дрео. --- Хорошая работа!

Тишина ошеломила. Сарнедон опустил болтер и сквозь дым от выстрелов уставился на то, что осталось от принца-демона, на зал, переполненный изувеченными телами, на стены, залитые кровью, на оторванные руки, ноги, головы, кучаты валяющиеся на полу.

В молчание вплелся шепот, его громкость нарастала с каждой секундой, пока помещение не заполнил оглушительный крик. Зернистое облако заразы возстало из тел. Оно уплотнилось, потемнело, и в его глубинах Сарнедон увидел движение: огромные тени, запекшаяся грязь, зачумленные демоны. Тирры уходили в бездну, падали в темноту, уносясь прочь, все дальше и дальше.

Крик стал таким громким, что у магистра заложило уши. Царство Ве'Мета, которое тот хотел построить во имя своего бога, рушилось. Демон не мог

выжить вне своих носителей, но сейчас он думал не о смерти. Исчезала власть, испарялись мечты о великой империи разложения, и этого тварь не могла перенести.

Ужас. Агония. Все, чего Ве'Мет боялся, неожиданно ожило, он изливал ненависть и страх, а зал наполнился скрежетом ярости и огромным темным призраком Вселенной, очищенной от его существования. Потом крик стал тише, видения поблекли, жизненная сила принца-демона иссякла. Мрачные испарения развеялись, и зал крепости погрузился в тишину.

Защитный контур успокоился. Давление Ве'Мета исчезло, уродство истекло из этого мира. Во тьме замерцали проблески света, зловоние стало терпимым, а груз зла ослаб.

— Миссия завершена, братья мои, — сказал Сарнедон. — Посчитайте погибших и перегруппируйтесь.

Сержант Грэвус наблюдал, как распадались десантники Хаоса. Они кричали, но голоса заглушались слоями

кератита и мускулов, покрывавших лица. Воин был уверен, что его люди побороли бы предателей и не оставили камня на камне от этой библиотеки. Штурм стял ряды десантников Хаоса, но они не испугались и совершенно не чувствовали боли. Успивающие Души понесли тяжелые потери. Если бы они сейчас все утерли, то Грэвус спокойно принял бы свою судьбу. Но сзади неожиданно раздался страшный пронзительный крик, и безтолвные воины Хаоса согрознулись, словно от жуткого удара.

Успивающие Души не преминули воспользоваться шансом. Сержант понял, что Сарпедон совершил нечто невозможное на вершине башни, и с головой окунулся в битву, кипевшую вокруг, вырвав топор из тела очередного врага.

Теперь потери несли прислужники Ве'Мета, их расчленяли ценные мечи, рассеивали в пыль очереди болтеров. Кто-то перевалился через край огромной библиотеки и разбился об пол, видневшийся далеко внизу. Те предатели, что не приняли смерть от руки

костюгосантников, все равно погибли, их тела разжижались прямо на глазах.

Воин Хаоса стоял на коленях перед Грэвусом, его ноги уже исчезли. Видоизмененные слои кожи и металла отваливались хлопьями, показался скелет, изуродованный, вывернутый, испещренный червоточинами. Тело взорвалось под давлением тяжелых металлических имплантатов, глухо звякнувших о заляпанный кровавой слизью пол.

Сержант отвернулся от зловонного месива, неожиданно почувствовав в душе странную легкость. Жужжание исчезло.

Жирный бог-насекомое умер.

С орбиты было видно, как поверхность планеты потемнела, когда рассеялись облака. Исчезли тучи, а густой слой желтоватых отходов поблек. Совершенно неожиданно включились сенсоры «Сломанного хребта», на экранах появилась ясная картина безымянного мира, по большей части покрытого океаном, с редкими изломанными островами. В первый раз экипаж увидел возвышающиеся коралловые груды и пропитанные кровью

пляжи архипелага, заметил гниющие корабли, неожиданно оставшиеся без команды, разваливающиеся и тонущие в тяжелых волнах.

Появилась связь. Командор Сарнедон приказал срочно забрать их с планеты. Лигрис направил подразделение «Громоых ястребов» прямо на заваленный телами берег в тени крепости. Биогатчики показали, что остров вытер, хотя еще несколько часов назад кишел нечестивой жизнью. Сарнедон и Грэвус встретились на пляже, подсчитали шрамы и поднялись на борт «Ястребов».

Как и после давней атаки на артиллерийскую платформу, на спускаемых аппаратах осталось множество свободных мест. Из четырехсот десантников, высадившихся на планету, половина погибла в битве около крепости, в самой цитадели или лежала на дне необъятного океана, покрывающего планету.

Когда они достигли огромного черного корнуса «Сломанного хребта», вместо приветствия на борту их

встретил крик тысяч сенсоров. Аномалия Лигриса вернулась. В этот раз она стала в несколько раз больше и стремительно приближалась.

Сарнедон быстро бежал по коридору, позади него вились бинты, которыми апотекарий Паллас перевязывал культю ноги, когда заверещала тревога. Лигрис присоединился к нему у следующей переборки, на его обеспокоенное лицо легли глубокие тени от вспышек красных лампочек.

--- Мы заметили это шесть часов назад, но тогда оно ушло, --- доложил он. Много них бежали сервы-рабочие, направляясь к станциям контроля повреждений. --- Я увеличил нагрузку на сенсоры, но аномалия неожиданно исчезла. Теперь там такая мощь, что большинство датчиков вышло из строя. Пришлось задействовать сектор Индиго.

--- Где оно сейчас? --- Сарнедон сорвался прямо из апотекариона, забитого ранеными Успивающими Души. Его доспехи до сих пор были покрыты коркой нечестивой крови.

--- На расстоянии сепнадцати тысяч километров. Оно приближается, но как-то урывками.

--- Неестественно.

--- Да.

--- Ве'Мет умер. Планета умерла вместе с ним. Я хочу знать, что это за штука, прежде чем она войдет в зону поражения наших орудий, и объяснение, которое не позволит мне открыть огонь, должно быть очень веским.

--- Я с вами, командор.

Сарнедон и Лигрис вбежали в обзорный зал, богатый декор которого сейчас казался особенно неуместным. Несколько технодесантников Оргена управляли сервиторами, запуская усилители изображения. Яркое белоснежное сияние уже заполнило весь экран. Помещение было словно окутано серебром, а в центре свечения что-то двигалось, гибкое и змееноподобное.

--- Цели?! --- крикнул Лигрис.

--- Еще нет, сэр, --- ответил технодесантник Варук, которому раздробило коленную чашечку, но он до сих

пор не дошел до аптекариона. --- Половина сенсоров показывает, что там ничего нет, а другие утверждают, что перед нами черная дыра. Мы направляем орудия на глаз, и то только половину, остальные отказали.

Сарнегон прекрасно понимал, какая сила находится в его распоряжении, так как в «Сломанный хребет» влилось несколько имперских кораблей размером с крейсер и звездолет ксеносов с очень сложной системой вооружения. Но за бортом летел враг, который умел показываться только тогда, когда хотел, и который мог подобратся очень близко...

Бе'Мем? Но принц-демон мертв. Кто тогда?

Тень в свете сдвинулась и обрела форму --- гладкая кожа, глинные сильные руки, серебряные звезды вместо глаз. Окулльные символы вращались вокруг него, такие яркие, что их свет проникал даже сквозь сомкнутые веки. К экрану протянулась рука, и неожиданно фигура стала гораздо, гораздо ближе.

--- Вторжение! Вторжение!

Вторжение!..

Голос, активированный предупреждающей системой какого-то древнего корабля, грохотал на палубах «Сломанного хребта», когда что-то огромное и сильное приземлилось на поверхность «Скитальца». Сенсоры тут же отключились из-за чудовищной перегрузки, сто сервиторов перегорели за одну секунду.

«Сломанный хребет» умолк. Двигатели умерли, системы жизнеобеспечения переключились в аварийный режим, огромные пространства корабля затопил вакуум. Перегорели схемы контроля и управления, судно беспомощно дрейфовало, как будто напуганное силой, шествующей рядом. Фигура наклонилась, и ее глинные изящные пальцы погрузились в почерневший металл. Извилистые мускулы сократились, и существо с корнем вырвало шесть верхних палуб «Сломанного хребта».

Оно смотрело на людей в доспехах, сгрудившихся в коридорах и на оружейных палубах. Оно сверкало ярким серебряным

светом, в его сиянии расцвел серебряный город, а прекрасные миньоны спустились, подобно падающим звездам, на корабль внизу.

--- Я --- Архитектор Судеб. --- Голос пришельца звучал, словно музыка. --- Я --- Инженер Времени. Я --- Абракис, Принц Изменений, а вы --- мои дети.

Сарнегон смотрел на возвышающуюся фигуру, сверкающую на фоне черноты космоса. Будучи Успивающим Души, он повидал немало, да и за последние несколько дней произошло многое. Но это превосходило все.

Оно было ростом в несколько километров. Из спины вырывались огромные крылья света, обрамляющие прекрасное лицо и гриву волос. Тело, тусклое, но изящное, покрывала туника из ниспадающего белоснежного шелка, вокруг пришельца горели огромные круги сложнейших символов. Горящие фигуры изливались из сияющего нитба над его головой --- существа странной формы пастельного цвета и птицы с аметистовым оперением.

Сарнегон еле сүмел отвести взглад и
увидел разрушение вокруг. Потолок зала
наблюдений исчез вместе с несколькими
палубами, обнажив огромную рваную рану
изувеченного металла. В нее хлынул
вакуум костюса, вскрывший бесчисленные
отсеки и части корабля. Сквозь
искореженные плазменные цепи
прорывались струи дыма. Развалившиеся
изгибы конденсаторов ярко светились,
истекая энергией в пустоту.

Успивающие Души поспешно
загерметизировали шлемы. В отдалении
дергалась крохотная белая тень, некогда
бывшая отцом Узером. Легкие священника
стремительно теряли последние капли
кислорода, а конечности сковало льдом.
Его душил и раздирали холод, внутренние
органы лопнули из-за резкого падения
давления, а вид Архитектора Судеб
немилосердно хлестал его разум.
Проповедник умирал в ужасающих муках.

Отец Узер, проповедовавший Оргену
Успивающих Души учение Архитектора
Судеб в глубинах Поля Цербера. Так давно.
Он стал причиной величайшего

откровения в истории Оргена, он привел десантников на «Сломанный хребет» и на безымянной планете. Он видел весь ужас Ве'Мета. А теперь умер от первого же взгляда на того, кого почитал всей душой.

--- Слабость, --- вновь раздался музыкальный голос. --- Видишь, как он слаб? Таким созданиям, командор Сарнедон, одно мое присутствие несет смерть. Но ты другой, не так ли? Магистр знал, что в передатчиках бьют только статические помехи, а звук его голоса не вырвется за пределы шлема. Но он все равно заговорил, уверенный, что Абраксис сможет его услышать.

--- Кто ты? --- спросил он. --- Откуда ты знаешь мое имя?

--- Сначала отвечу на твой второй вопрос, командор. Я наблюдал за тобой очень долго, я обыскал всю Галактику в поисках того, кто может стать чем-то большим, отличным от беспросветных глупцов, заразивших своим присутствием все миры. Ты горишь так ярко, Сарнедон. Я не мог не заметить тебя, даже находясь в

Серебряном Городе, где правит мой повелитель.

А кто я такой? Абраксис, вестник Меняющего Пути. Я -- твое спасение. Я -- слава, что Узер видел в своих снах, ставшая путеводным маяком для тебя и твоих братьев. Я даровал тебе видения, Сарнедон, повелел уничтожить мерзость. Я тот, кто благословил твое тело и тела твоих братьев, кто закалил силу твоего разума так, что демоны варна в ужасе разбежались перед тобой.

Я -- ваш повелитель, а вы -- мои подданные, вы подчинялись моей воле, как только увидели абсурд Империи. Я -- Архитектор Судеб, Инженер Времени. Я -- величие и сущность того, что малые примитивные умы называют Хаосом.

Это неправда. Этого не может быть. Но... Принц-демон наполнился силой, которой не обладал даже Ве'Мет. Черты Абраксиса проступали на иконах настывшего Узера, его лицо было у статуи, стоявшей рядом с памятником примарху в храме Дорна. А мерцающие создания, усеявшие измятый корпус «Сломанного хребта»,

несомненно, были демонами. Да, перед десантниками стоял великий и могущественный принц Хаоса, и именно он являлся Успивающим Души в обличье Архитектора Судеб.

Сарнедон отбросил в сторону десять тысяч лет служения Империи, так как видел честь и благородство только в самом Императоре, дух и заветы которого давно извратили люди. Но теперь он понял, что императорская воля оказалась еще одной ложью, махинация Абракиса. Все это время Успивающие Души помогали принцу-демону Хаоса избавиться от соперника.

Осознание затопило Сарнедона, он не мог его вынести. Бывший библиарий был так уверен, что они достигли чего-то великого, что они отбросили оковы слабости, человечности и стали поглотителями, истинными солдатами Императора. Но неужели они стали ничем? Хуже, гораздо хуже, неужели они стали гнуснейшими из предателей, причём не по злобе, а из-за невежества?

Звездный форт. Артиллерийская

платформа. Поле Цербера. «Сломанный
хребет». Ве'Мет. Что они наделали?! Он
старался, но не мог забыть слов
посланника инквизитора Тсүраса и
магистра Оргена Горголеона.
Предательство, ересь, одержимость.
Сарнегон убил их обоих, убил тех, кто
говорил ему в лицо правду.

Успивающие Души подчинились воле
Хаоса. Они стали такой же частью врага,
как и те десантники, с которыми
сражались в крепости Ве'Мета. Они были
пешками в игре Темных Богов, солдатами
в армии зла. То, что они не знали об этом,
не имело ни малейшего значения. Ни один
поглотительный слуга Императора не сочтет
невежество оправданием. Успивающие
Души стали десантниками Хаоса.

— А, он понимает. — Голос походил на
мелодию тысяч хоров, звучащих в унисон. —
Он понимает, кем стал. Он отбросил, как
ненужную тряпку, чистоту, которой столь
дорожил. И сделал это сам, добровольно.
Он повернулся спиной к союзникам, убивал
тех врагов по моему приказу, принял свое
новое отерзительное тело как

благословение. Причем без принуждения. Сарнедон понимает, кто он такой, и осознает, что пути назад уже нет.

--- Неправда! --- Бывший библиарий почувствовал, что задыхается.

Абраксис устехнулся:

--- Да ты же и сам все знаешь, мутант. Я не лгу.

Мутант. Это слово... А потом Сарнедон опять, с новой силой почувствовал чудовищную тяжесть скверны, мантию презрения, окутывающую его, стинающее отвлечение всей Вселенной. Он снова ощутил себя так, как тогда, когда проглотил плоть мутанта из звездного форта. В его венах тек едкий яд, плоть разлагалась ежеминутно, кожа истекла скверной. Каждый взгляд, падавший на него, был переполнен ненавистью. Он --- низайший из низших, мутант, нелюдь, паразит.

Наверное, так же себя чувствовали и его братья --- Грэвус с его рукой, Теллос с ненормально развитыми чувствами и странным метаболизмом. Даже Гивриллан, твердокаменный Гивриллан,

убитый в зале Ве'Мета, был уродливый
мутантом. Когда Абраксис сорвал с их
разумов покров благородства и
самодовольства, осознание мерзости
обрушилось на них так же, как на
Сарнегона.

Бывший библиарий рүхнул на
искореженную палубу -- ужасные ноги
насекомого изменили ему и резко
разъехались. Мутант. Предатель. Солдат
Хаоса.

Абраксис стоял рядом с Сарнегоном.
Он наклонился, и десантник посмотрел на
него сквозь слезы ярости -- в руке принца-
гемона что-то сверкало, оно казалось
иголкой в глави гиганта.

-- Сарнегон, твои страдания
причиняют мне боль. -- Лицо Абраксиса
излучало поглинное беспокойство и
заботу. -- Разве ты не видишь, кем
можешь быть? Ты и твой Орген достигли
потрясающих результатов. Вы сбросили
оковы Империи -- и сделали это сами, я
только наблюдал. Вы доказали силу своего
разума, когда отвернулись от традиций
бесстысленной власти, которая делала вас

слабыми. С моей помощью вы уничтожили Ве'Мета, отвратительную пародию на великоление Хаоса.

Хаос --- это прекрасная вещь, Сарнедон. Это свобода, подлинная, чистая свобода. Там меняется все, а Вселенная подчиняется воле сильных. Ты искал всю свою жизнь --- освобождения от лицемерия и бесчестия Империи. Ты жаждал благословения Императора, так как не знал устройства Вселенной, был наивным, беспечным ребенком. Император --- ничто, Сарнедон, мертвец, восседающий на троне. Ты был предан ему просто потому, что не знал силы, которую может даровать Хаос. Но теперь я показал ее тебе, и скажи честно, можешь ли ты и твой Орген служить чему-то другому, кроме Хаоса и Меняющегося Пути?

Это была правда, все, от первого до последнего слова. Неужели он действительно верил, что Император мог даровать ему эту омерзительную мутацию, что он насылал еретические видения, приведшие Орген к Ве'Мету? Абракис держал в руке сверкающий

цилиндр глиной с предплечье Сарнегона,
покрытый затейливой вязью проводов,
светящихся в звездном свете.

--- Мой повелитель --- это
единственная сила в Галактике, за
которую стоит бороться.
Присоединяйтесь ко мне, станьте моими
солдатами, и вам покорятся звезды,
предайте себя разрушению во имя
Меняющего Пути. Что вам осталось?
Ваш Император --- ничто, ваш Империя
отрекся от вас. Единственная цель,
оставшаяся на вашу долю, --- это поиск
Хаоса. Вы ее уже выполнили. Вам не
нужно больше жить заблуждениями,
Сарнегон. Вы можете получить все, чего
хотели, --- жизнь, проведенную на службе
силе, в которую можно поверить, движение
к цели, которую можно достичь. Именем
бога моего я хочу поблагодарить вас за
убийство своего врага.

Конье Души. Когда-то давно оно
значило все. Расколело Орген, запустило
цепь событий, которые оставили
Успивающих Души ни с чем. Им осталось
только вверить свою судьбу силе.

показавшейся подлинным богом. Конье Души, древнее и могущественное. Оно должно было соединить Орген, сделать его нерушимым, а вместо этого растерзало и погубило.

Сарнедон встал и взял Конье из рук Абраксиса. Новое начало. Символ нового Оргена, созданного из пепла старых Успивающих Души, следующего за богом, который всегда вознаграждает за преданность. Сарнедон мог потеряться в бесконечной череде сражений, но Конье Души будет путеводной звездой, символом их разрыва с ложью Императора и мертвым Императором. Можно ликовать, убивая врагов бога изменений. Можно оставить за собой выжженный след смерти среди звезд, а в боине, которой давным-давно стал весь мир, наконец-то найти цель.

В памяти Сарнедона возникли обрывки истории, которую он учил еще послушником. Конье Души — вечный источник гордости и гнева из-за его потери. Его даровал Оргену припарх Рогал Дорн, который тем самым показал,

что именно Успивающих Души считает истинными потомками прославленного легиона Имперских Кулаков, что они — часть великого плана Императора и исполняют Его волю.

Нелена сошла с разума Сарнегона. Почему он приказал атаковать техногвардейцев на платформе, почему убил посланника Инквизиции, когда тот объявил им Экскоммуникатос? Что тому виной? Гордость? Гнев? Или что-то другое, что Сарнегон понял только сейчас?

Он посмотрел на своих братьев. Увидел Теллоса, как обычно без брони, и почему-то совершенно не удивился, поняв, что вакуум не вредит идеальному воину. Увидел Грэвуса и Каррайгина, Лигриса, Палласа и всех остальных десантников, пошедших за Сарнегоном до конца. Большинство были свидетелями катастрофы на звездном форте, сражались в аду Ве'Мета, все прошли через ужасы войны Оргена. Сарнегон мог повести их в преисподнюю, и они беспрекословно подчинились бы воле своего магистра. Если он склонится перед

Абраксисом, то они тоже склонятся. У
утрут, если он откажется.

Пальцы Сарнегона сожнулись вокруг
Конья Души. Он нащупал ряд ямочек на
поверхности цилиндра и почувствовал, как
крохотные лазерные лучи прокололи
закованные в броню кончики пальцев.

Розал Дорн так не хотел
разъединять легион Имперских Кулаков,
что чуть не стал еретиком. Когда ему
все-таки пришлось подчиниться, то он
приложил огромные усилия, пытаясь
сделать так, чтобы каждый из Оргенов,
несущий его генокод, равно уважался
другими, был пропитан независимостью и
благородством, столь характерными для
Имперских Кулаков. Почему он так
сделал? Из-за обыкновенной отцовской
гордости за свой легион, за будущие
поколения, за своих сыновей? Или по какой-
то другой причине?

Розал Дорн понял то, что сейчас
осенило Сарнегона. И чары Абраксиса
разрушились. Поймут ли это остальные
Успивающие Души? Возможно, они
подчинились принцу-гемону. В каком-то

стысле это уже не имело никакого значения.

Кровь просочилась через крохотные отверстия в кончиках пальцев и попала на генодешифраторы, встроенные в Конь. Оно было настроено на кровь Рогала Дорна, который первым нашел его. Только там, в чьих венах текла его кровь --- Имперские Кулаки или их потомки, такие как Успивающие Души, --- могли его активировать. Оружие стало жарким и загудело в руке Сарнегона.

Абраксис сделал шаг назад. Светящиеся демоны сгрудились у его ног.

--- Выбирай, Сарнегон.

Но Сарнегон уже выбрал.

Из Коня Души вырвались два вихря, темнее, чем даже самый беспросветный космос. Сарнегон напряг свои нечестивые ноги лутанта и приготовился бежать. Придется быть быстрым и надеяться на то, что гравитационное поле корабля не повреждено. Придется быть сильным и точным и положиться на то, что братья все сделают правильно.

Он поднял голову, посмотрел принцу-

гемону в глаза и отчеканил:

--- Этот Орген никому не принадлежит. Сарнедон выстрелил. Он не мог связаться со своими братьями, но это было и не нужно.

Каррайдин приблизился первым, разряжая болтер в сияющих розовых и бледно-голубых миньонов с извивающимися пальцами и огромными жаждущими рта́ми. Штурмовой болтер беззвучно задержался в вакууме, снаряды рвали люминесцирующие тела. Теллос подошел вторым, буквально нырнув в схватку, вспарывая лезвиями плоть тварей. Потoki света безмолвно засверкали на фоне черноты космоса, когда каждый Успивающий Души открыл огонь, отвлекая на себя орду, спустившуюся на «Сломанный хребет». Дрео собрал десантников, организованно посылая волны огня в противника, взрывающие поверхность искореженного металла. Люко организовал оборону с другой стороны палубы.

Они вызывали огонь на себя, а Сарнедон должен был нанести главный удар.

Оторванная нога не сказалась на его
быстроте. Он развил бешеную скорость,
поглетел к возвышающейся фигуре
Абраксиса, Копье Души зажато в руке.
Лицо принца-демона исказилось от
потрясения и гнева, когда он увидел битву,
развязавшуюся у его ног. Кольца символов,
кружившие в воздухе, стали красными и
желтыми от ярости, сверкающие глаза
потемнели, а рубиновые вены выступили
на алебастровой коже, когда негодование
перешло в силу.

--- Глупцы! --- заревел Абраксис. --- Да
вы же ничто! Ничтожества!

Сарнегон не обратил на него
внимания, слыша только собственное
дыхание. Он должен быть быстрым, он
должен быть точным. И не важно, если
ничего не получится. Но крайней мере
хоть что-то в его жизни не изменилось.
Умереть, сражаясь с врагом, --- это уже
цель. Создания с заплесневевшими телами,
руки которых оканчивались изрыгающими
пламя ранами, презградили Сарнегону
путь. Взметнулись вспышки разрядов,
когти-молнии Люко пали на двух из них.

зади телькнули лезвия ценных мечей. Демоны развалились, их сияющая плоть на глазах рассыпалась искрами. Сарнедон пробежал мимо, не сбавив скорости, махнув Копьем и по пути развалив еще несколько тварей.

Он отвел руку назад, сконцентрировавшись на огромной бледнокожей фигуре Абраксиса. Серебряный дождь лился с рук принца, прожигая доспехи Сарнедона, как будто расплавленный металл, но магистр сейчас не мог позволить себе колебаться.

Он напряг все семь ног и прыгнул, отведя руку. Огонь уже тек по телу, боль взрывала кожу. Он почувствовал, как лопнуло одно легкое, а нога разорвалась по суставу. Ненавидящий взгляд принца-демона ослеплял, болтерный огонь прошивал грудь Абраксиса, и фонтанчики кровоточащего света вырывались в космос.

Время затеделось. Во Вселенной исчезло все, кроме принца-демона, Сарнедона и священного оружия, зажатого в руке магистра. Слышался только один-единственный звук, ритмичный стук.

становившийся громче по мере того, как десантник приближался все ближе. Биение сердца принца-демона, участвовавшее от ярости, гонящее серебряный огонь по венам слуги Мняющего Пути.

Сарнедон ударил, погрузив когти в сверкающую кожу груди Абракиса. Прицепившись к демону, горя в магическом огне, магистр налег на Копье, и его наконечник вошел в огромное, бьющееся богохульством сердце порождения Хаоса.

После этого Сарнедон потнил мало. Но иногда ему снилась, как некогда стены крепости Квиксиан Обскура, вспышка, подобная рождению нового солнца, луч света, прорезавший грудь Абракиса. Чистое безумие варна, жизненные силы принца-демона вылились в костос, отшвырнув Сарнедона волной огня, отбросив на исковерканную палубу «Сломанного хребта».

Он потнил, как демоны бога изменений утонули в жидком огне, крича и причитая даже в безмолвном вакууме, когда их плоть стала растворяться. Потом, уже на исходе сна, шар белого огня,

некогда бывший Абраксисом, превращался в
круг тьмы, засасывающий многоцветное
пламя и распадающихся демонов.
Успивающие Души намертво вцепились в
потрепанный металл, стараясь не понасты
в вихрь. Закованная в доспех рука ---
Сарнегон так никогда и не узнал, кто же
это был, --- схватила одну из его безвольно
висящих ног и прижала к палубе.

Потом наступала тьма, свет
угас, а магистр просыпался.

Сарнегон, хромота, взобрался на новый
платформ «Сломанного хребта», твердый
бронированный пузырь в сердце звездолета,
куда подключили все контрольные
системы, шедшие через различные корабли
инженерного порождения варна. Его
постройка заняла несколько месяцев. На
дуге сферы установили огромный обзорный
экран, который выводил общее
изображение, составленное из данных всех
сенсориумов, усеивавших корпус
«Скитальца».

В помещении стояла тишина, если
не считать отдаленного гула машин и
нежного журлыканья управляющих

консолей. Сарнедон почти вприпрыжку
прошел по металлической палубе мостика
и взобрался на командную кафедру. Протез,
поставленный вместо оторванной ноги,
клацал по полу при ходьбе. Выращивание
бионики займет некоторое время, хотя в
этом тоже был плюс. Пусть апотекарии
потренируются. У магистра не
действовали еще две ноги, до сих пор
закованные в гуси. Раны на
техногесантниках заживали быстро, но
пройдет еще несколько недель, прежде чем
Сарнедон сумеет отвыкнуть от
хромающей, заваливающейся на один бок
походки.

Контрольный дисплей мерцал
датчиками и рунатами вооружения.
Техногесантники до сих пор находили
новые направляющие двигатели и
артиллерийские системы. Они даже
устроили соревнование, кто быстрее
свяжет их с контрольным мостиком после
обнаружения. На полное обследование
«Сломанного хребта» понадобятся годы, и
на борту постоянно будут находиться
системы и приборы, назначения которых

так никто и не поймет.

Теперь этот огромный звездолет стал домом Успивающих Души — «Костического скитальца» почти привели в порядок и освятили. Он стал символом нового Ордена. Они тоже очистились от тысячелетий лжи, столь сильно влиявших на их судьбу. За свободу пришлось заплатить огромными, почти невозполнимыми потерями. Но это не сломало Успивающих Души. Великая Жатва начнется снова, когда «Сломанный хребет» спустится на одинокие дальние планеты и выберет храбрейших юношей для обучения. Это был первый приказ Сарнегона, как только он проснулся в апотекарione, еще обожженный и изломанный. Костогесантники наберут новое поколение послушников и возместят потерянное. Потребуется время, но они блуждали в тенетах лжи тысячелетия, так что годы не имели значения.

Скорее всего многое из сказанного Абракисом на самом деле было правдой. Император действительно всего лишь мертвец, восседающий на троне.

бездыханный и беспомощный, -- ересь для
любого законопослушного гражданина
Империи, но Успивающих Души уже
давно не волновали такие вещи. Возможно,
Орген действительно остался в
одиночестве и нет той силы, которая
могла бы им помочь и указать правильный
путь.

Но это не имело значения.
Император мертв, но остались принципы.
Он символизировал все, за что стоило
сражаться. Ужас Хаоса реален. Если бог
людей не может лично направлять руку
Успивающих Души, это не значит, что
они не будут следовать его идеалам. Хаос
-- достойный противник не только из-за
слов Императора. Просто уничтожение
такого врага -- правильная и благородная
цель.

Успивающие Души были комнатными
собачками Империи тысячами, а
потом стали рабами Хаоса. Но они
отреклись от обоих хозяев и уничтожили
двух ужасающих принцев-демонов. Разве
такой победой не стоило гордиться?

Такова судьба Успивающих Души --

они будут сражаться с Хаосом везде, где встретят, отвергнув всех хозяев, одинокие предатели в глазах людей. Они рождены для битвы и будут сражаться. Им не нужен Император или кто-нибудь еще, чтобы взять в руки оружие. Когда Сарнедон выздоровеет, а Орген перестроится, их уже ничто не остановит. Возвышенные мечтания --- посвятить жизнь уничтожению Хаоса, когда тебя ненавидят все, Хаос, Империя, а во всей Вселенной нет ни одного союзника. Но если это единственный путь для Испивающих Души --- бороться за то, что они сами считают нужным, --- пусть будет так.

Возможно, это просто смешно. Или даже жалко. Сарнедон больше так не думал. Старался не думать. Он умрет, сражаясь за принципы, на которых Император построил Империю, ведь теперь они преданы лжецами, правившими от имени бога.

И тогда на мостике «Костицкого скитальца» тутант, отлученный костодесантник, поклялся выполнить

рабому Уннепамора.